ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ГЕНЕРАЛ БРУСИЛОВ

Лучший полководец Первой Мировой войны

ВАЛЕНТИН РУНОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его величают «лучшим русским военачальником Первой Мировой». Его легендарный Брусиловский прорыв стал единственным успешным стратегическим наступлением нашей армии за всю войну. Его имя знает каждый. Но в жизни и судьбе генерала Брусилова до сих пор масса «белых пятен», недомолвок и загадок.

Почему его полководческий дар не был признан в 1916 году, когда российская власть отчаянно нуждалась в победах и героях? Почему монархист до мозга костей одним из первых отрекся от своего императора? Почему Временное правительство, поднявшее Брусилова на вершину военной иерархии, всего через два месяца сместило его с поста Верховного Главнокомандующего? Почему русский патриот пошел на сотрудничество с большевиками? Как последний герой Российской империи служил СССР?

Отвечая на самые сложные и «неудобные» вопросы, эта книга прослеживает путь прославленного полководца от царского генерала до советского военспеца, состоявшего при Реввоенсовете для особо важных поручений, от Двуглавого Орла к Красному Знамени.

- Валентин Рунов
  - Введение
  - Начало пути
  - Боевое крещение
  - Офицерские университеты
  - Кавалерийская школа
  - Возвращение в строй
  - Накануне большой грозы
  - Работа Генеральных штабов России и Германии
  - И грянул гром…
  - Развертывание армии
  - Первые сражения
  - Ответные удары
  - Весна в Карпатах
  - Смена верховных
  - Подготовка большого наступления
  - Высочайший визит
  - Незавершенная операция
  - Конец русской монархии
  - Революционные перемены
  - Поездка в Петроград

- Во главе русской армии
- На переломе
- Превратности судьбы
- На службе Страны Советов
- После отставки
- Заключение
- Основные даты жизни А. А. Брусилова
- Биографический указатель
  - Адриади Август-Карл-Михаил Михайлович (1859–1940)
  - Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918)
  - Буденный Семен Михайлович (1883–1973)
  - Гурко Василий Иосифович (1864–1937)
  - Гутор Алексей Евгеньевич (1868–1938)
  - Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926)
  - Зайончковский Андрей Медардович (1865–1926)
  - Иванов Николай Иудович (1851–1919)
  - Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936)
  - Ломновский Петр Николаевич (1870–1956)
  - Леш Леонтий Вильгельмович (1862–1934)
  - Лечицкий Платон Алексеевич (1856–1923)
  - Орлов Николай Александрович (1855 —?)
  - Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940)
  - Сахаров Владимир Викторович (1853–1920)
  - Селиванов Андрей Николаевич (1847–1915)
  - Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925)
  - Цуриков Афанасий Андреевич (1858–1922)
  - Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932)
  - Экк Эдуард Владимирович (1851–1937)
  - Яхонтов Ростислав Николаевич (1858–1924)
  - Публикации А. А. Брусилова:
- Литература

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

Валентин Рунов
Генерал Брусилов. Лучший полководец Первой Мировой войны

Введение

Мы привыкли гордиться своей военной историей, забывая при этом, что она состояла не только из побед. Даже если уйти от крайне противоречивых в этом плане Средних веков, мы имеем разорение страны поляками в начале XVII века, французами в начале XIX века, поражение русской армии в войне с Японией в начале XX века. Победоносные войны дали военной истории громкие имена П. И. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, М. Д. Скобелева, неудачные войны, кроме имени А. Н. Куропаткина, практически не назвали никого.

Первая мировая война в истории России занимает особое место. Она потребовала от государства максимального напряжения сил и средств, новых подходов к вопросам военного искусства, но главное – эта война, не достигнув цели на полях сражений, переросла в политическое противоборство ведущих сил государства, которое привело к его коренному изменению на принципиально новых основах. На сухом научном языке эти изменения назвали революцией, на простом человеческом – трагедией.

Алексей Алексеевич Брусилов был частью этой истории с ее войной, революцией и трагедией, в которые он вписался в полной мере. Поэтому трудно ответить с уверенностью, чего больше было в нем: полководца, преобразователя или несчастного человека, по воле судьбы вынужденного до конца нести свой мученический крест. Попытаться ответить на этот вопрос можно, только перенесясь в то неспокойное время, но с позиции настоящего это невозможно. Остается только одно – полагаться на документальные свидетельства тех лет и описания современников для того, чтобы хоть немного прикоснуться к прошлой истории и понять тех, кто был вынужден жить в это время.

Научных исследований сражений, проведенных А. А. Брусиловым, не так уж и много. И это не удивительно – их описанием обычно занимаются отставные военачальники, когда приходит пора писать мемуары. Но в Советской России таких военачальников осталось очень немного, а те, что остались, главным образом из-за своего преклонного возраста, вскоре ушли в мир иной. К личности самого Брусилова в нашей стране также не всегда относились однозначно. Поэтому в тяжелое для Советского Союза время его просто подняли на щит, глубоко не вникая в служебные дела и человеческую сущность. На многие годы Брусиловский прорыв стал вершиной военного искусства периода Первой мировой войны.

Я впервые начал изучать его во время учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Причем тогда я, которого учили необходимости решительного массирования сил и средств на направлении главного удара, не понимал, в чем заслуга Брусилова, откровенно пренебрегшего этим принципом. До конца я не понимаю этого и теперь. В то же время нужно учитывать, что наступление больших масс пехоты на хорошо подготовленные, окутанные колючей проволокой и насыщенные пулеметами вражеские позиции всегда ведет к крупным потерям. Может быть, Брусилов таким образом хотел избежать этих потерь, так как жалел простого русского солдата?

Не похоже. Он приказывал наступать волнами цепей, не считаясь ни с какими пулеметами. Его войска несли огромные потери, а он упорно гнал их вперед, не видя перед собой конечной цели и практически ничего не сделав для того, чтобы в кратчайшее время развить тактический успех в оперативный. Имея массу конницы и являясь в основе своей кавалерийским начальником, он не использовал подвижные войска для развития успеха, выхода на фланги и в тыл отходящему противнику. Но тогда такого термина, как «эшелон развития успеха», просто еще не было, а конница постепенно изживала свою роль в общевойсковом бою. У англичан, французов, немцев уже появились танки, но их использовали главным образом как щит, под прикрытием которого пехота могла выйти к переднему краю обороны противника. У русских же танков не было.

Брусилов принял вначале Февральскую, а затем и Октябрьскую революцию. Первая ненадолго дала ему должность Верховного главнокомандующего. Но вскоре Временное правительство заявило, что больше не нуждается в услугах этого генерала. И это не удивительно. Он не смог сделать ничего, чтобы помешать развалу так горячо любимой им армии. Вторая только ловко использовала его имя в своих целях, не дав уже ему практически ничего взамен. Но при этом нужно понимать, что по своему возрасту и состоянию здоровья он уже и не годился на большее.

То же, что происходило с Брусиловым уже после его увольнения с советской военной службы, до сих пор является вопросом острого обсуждения историков. Те разделы его мемуаров, которые были опубликованы женой генерала уже после его смерти, носят откровенно антисоветскую направленность. Но принадлежат ли они полностью перу Алексея Алексеевича или это плод ловкой редакции – с полной уверенностью сказать сложно.

Вопросов слишком много. Частично ответы на них можно

найти в мемуарах Брусилова, но при этом надо понимать, что они носят сугубо субъективный характер. Поэтому я, безусловно, опираясь на эти мемуары, а также на другие документы, решил взяться за данную книгу прежде всего с целью в очередной раз привлечь внимание читателей к истории Первой мировой войны и одного из наиболее выдающихся русских военачальников того времени. Возможно, кто-то в чем-то со мной будет не согласен, и я хорошо понимаю, что такие люди найдутся. Я хочу только сделать очередной шаг в сторону познания с тем, чтобы другие, увлекшись данной темой, смогли в своих исследованиях пойти значительно дальше.

Начало пути

Алексей Брусилов родился в 1853 году 19 (31) августа в Тифлисе. Его дальние предки были выходцами из Польши и вели свою родословную от известного польско-украинского дипломата и воеводы Адама Киселя, недруга Богдана Хмельницкого и противника вхождения Малороссии в состав России. Но после Переяславской рады они присягнули на верность русскому царю и поступили на военную службу. Так, известно, что прадед будущего полководца, Иван Иевлевич Брусилов, в период царствования Петра I служил вахмистром, затем занял должность полкового аудитора (советник по юридическим вопросам строевых офицеров, составлявших основу военного суда того времени), впоследствии получил чин секунд-майора.

Дед нашего героя, Николай Иванович Брусилов, окончил Сухопутный шляхетский корпус. Затем он служил в армии и в 1778 году вышел в отставку также в чине секунд-майора. Он-то и приобрел небольшое имение в Орловской губернии, став на старости лет уважаемым в округе помещиком.

Отец А. А. Брусилова, Алексей Николаевич, родился в 1789 году. В 1807 году он начал службу сотником. Затем, переведясь в армейскую пехоту майором, он участвовал в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., за что получил боевые награды и чин подполковника. В Бородинском сражении Алексей Николаевич был ранен. В 1823 году он переходит на гражданскую службу в чине статского советника. Служил в Сенате, по ведомству внутренних дел, с 1830–1831 гг. был московским, а затем, до 1835 года, курским вице-губернатором. В 1839 году А. Н. Брусилов вернулся в армию в чине полковника, проходил службу на Кавказе, с 1840-го начальник 4-го отдела Черноморской линии, участвовал в боях с горцами. Там в 1845 году он был произведен в генерал-майоры, а в 1847-м назначен председателем полевого аудитора Отдельного Кавказского корпуса, а в 1854 году – Кавказской армии.

Мать А. А. Брусилова, Мария-Луиза Антоновна, происходила из семьи поляка, коллежского асессора А. Нестоемского. Она была почти на 30 лет моложе своего супруга, но в то время такие браки были не редкостью. Алексей был первым ребенком в семье. В то время Брусиловы жили в Тифлисе (Тбилиси), и в семье все складывалась довольно удачно. Вслед за Алексеем родилось еще три мальчика: Борис, Александр и Лев. Александр умер в младенчестве в 1859 году. В 1856-м Алексею Николаевичу присвоили чин генерал-лейтенанта.

Но так продолжалось недолго. В 1859 году, когда Алексею было всего шесть лет, Борису – четыре года и Льву два года, от крупозного воспаления легких внезапно скончался Алексей Николаевич, а через несколько месяцев от чахотки умерла мать. После этого сироты были взяты на попечение родной сестрой матери – Генриеттой Антоновной Гагемейстер, жившей в Кутаиси, у которой не было своих детей. Ее муж, Карл Максимович, занимал должность военного инженера. В этой семье братья Брусиловы получили достаточно хорошее начальное домашнее образование.

Алексей Алексеевич Брусилов

«Они очень нас любили и заменили нам отца и мать в полном смысле этого слова, – позже писал А. А. Брусилов в своих воспоминаниях. – Дядя и тетка не жалели средств, чтобы нас воспитывать. Вначале их главное внимание было обращено на обучение нас различным иностранным языкам. У нас были сначала гувернантки, а потом, когда мы подросли, гувернеры. Последний из них, некто Бекман, имел громадное влияние на нас. Это был человек с хорошим образованием, окончивший университет. Бекман отлично знал французский, немецкий и английский языки и был великолепным пианистом. К сожалению, мы все трое не обнаруживали способностей к музыке и его музыкальными уроками воспользовались мало. Но французский язык был нам как родной; немецким языком я владел также достаточно твердо, английский же язык вскоре, с молодых лет, забыл вследствие отсутствия практики.

Моя тетка сама была также выдающаяся музыкантша и славилась в то время своей игрой на рояле. Все приезжие артисты обязательно приглашались к нам, и у нас часто бывали музыкальные вечера. Да и вообще общество того времени на Кавказе отличалось множеством интересных людей, впоследствии прославившихся и в литературе, и в живописи, и в музыке. И все они бывали у нас».

В то время было принято заблаговременно заботиться о будущем своих детей. Поэтому еще при жизни отца, в 1857 году, четырехлетний Алексей был зачислен пажом к Императорскому двору. Но до 14 лет он продолжал жить в Кутаиси, наслаждаясь любовью родственников, мягким климатом и теплым морем.

Здание Пажеского корпуса

В 1867 году, когда Алексею исполнилось 14 лет, дядя отвез его в Петербург. Там Брусилов, выдержав экзамен, был определен в 4-й класс Пажеского корпуса.

Пажеский корпус представлял собой одно из самых привилегированных учебных заведений Российской империи. Он был учрежден 25 октября 1759 года по личному распоряжению Елизаветы Петровны для регулярного образования пажей. Тогда в штат корпуса входило всего 9 камер-пажей и 40 пажей. Возглавил корпус просвещенный швейцарец Чуди (Шуди) – философ и историк, переводивший на французский язык материалы для Вольтера, работавшего над «Историей Петра Великого». В программу обучения пажей входило изучение немецкого, латинского и французского языков, физики, географии, геометрии, алгебры, фортификации, истории, геральдики. Но позже решили, что такой подготовки будущей элиты российского общества явно недостаточно.

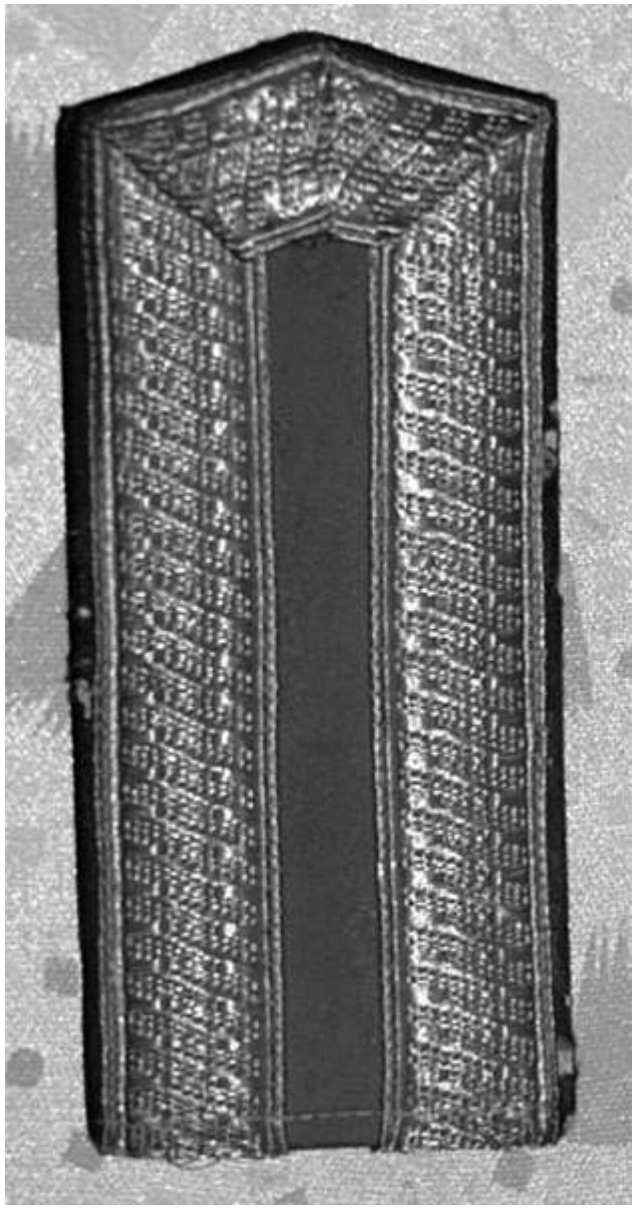
Мундир пажа парадный.

В 1765 году академиком Г. Ф. Миллером была составлена новая программа обучения пажей. В корпусе стали изучать математические и военные науки, философию, мораль, право, историю, географию, генеалогию, геральдику, юриспруденцию, государственный церемониал, русский и иностранный языки, каллиграфию, а также верховую езду, танцы и фехтование.

В царствование Александра I была проведена серьезная реорганизация Пажеского корпуса. В 1802 году он был преобразован в военно-учебное заведение по типу кадетских

корпусов и приобрел чисто военную направленность.

Еще более серьезные изменения произошли при Николае I. Тогда комплект обучавшихся в корпусе был увеличен до 150 человек и были изданы правила о порядке зачисления в пажи. В соответствии с этими правилами в Пажеский корпус зачислялись только дети лиц первых трех классов служилых людей России (не ниже генерал-лейтенанта или тайного советника) или внуки полных генералов. Редкие исключения из этого правила делались для детей старинных русских, польских или грузинских княжеских родов. Зачисление в Пажеский корпус производилось только по высочайшему повелению.



Погоны воспитанника Пажеского корпуса.

Обучение в корпусе длилось семь лет, в том числе два года в специальных классах. Пажи, не удовлетворявшие требованиям перевода в специальные классы, увольнялись с правами окончивших военные гимназии. В двух специальных классах проходили программу военных училищ. Воспитанники специальных классов, так же как и юнкера, считались военнослужащими и приносили при поступлении общую для армии военную присягу. В случаях крупной провинности они

отчислялись в полки на положение вольноопределяющихся. Учащиеся корпуса именовались пажами, а звание камер-пажей имели обучавшиеся в старших классах, удовлетворявшие требованиям по успехам в науках и поведении. Камер-пажи помимо учебы несли придворную службу при особах императорской фамилии. Требования к воспитанникам корпуса были высокими. Знания оценивались объективно, вне зависимости от происхождения. Первые ученики при выпуске заносились золотом на белые мраморные доски почета, висевшие в актовом зале корпуса.

Преподавание в корпусах велось на высоком уровне. Там читали курс не только корпусные преподаватели, но приглашались профессора университета и высших военно-учебных заведений Петербурга. Ряд преподавателей корпуса являлись учителями особ царской фамилии.

Окончившие специальные классы разделялись на четыре разряда по итогам обучения и выпускались в офицеры: 1-й разряд – подпоручиками и корнетами в гвардию с получением на обмундирование 500 рублей; 2-й разряд – подпоручиками или корнетами в армейские части с одним годом старшинства и получением на обмундирование 225 рублей; 3-й разряд – теми же чинами в армию без старшинства с получением на обмундирование 225 рублей; 4-й разряд – унтер-офицерами в армию на шесть месяцев с дальнейшим производством в офицеры при наличии в части вакансии.

За свою историю Пажеский корпус неоднократно менял свой адрес в Санкт-Петербурге. И только в 1810 году он обрел постоянный адрес по улице Садовой, где в середине XVIII века по заказу князя М. И. Воронцова был построен дворец по проекту архитектора Растрелли. В 1763 году дворец и прилегающий к нему участок были проданы в казну, а в 1797 году дворец приобрел Павел I и пожаловал его Мальтийскому рыцарскому ордену госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского, магистром которого он стал. Тогда же по поручению Павла I архитектор Д. Кваренги пристроил к дворцу Мальтийскую капеллу и в левом крыле дворца создал православную домовую церковь.

Выпускники Пажеского корпуса на груди носили специальные знаки с изображением белого мальтийского креста. Но это был официальный знак, а неофициально выпускники носили особые перстни из стали и золота, на которых была надпись «№ из 30» (порядковый номер выпускника в соответствии с успехами в учебе) и год выпуска. Сочетание металлов перстня было не случайным, ибо пажи выбрали своим девизом девиз рыцарского ордена тамплиеров: «Чист, как золото, тверд, как сталь». По этим

кольцам, которые не снимались с руки всю жизнь, выпускники узнавали друг друга. Независимо от года выпуска или чина они говорили друг другу «ты». Если бывший питомец делал головокружительную карьеру, он помогал своим сотоварищам продвинуться по службе, оказывая протекцию и всяческую поддержку.

Знак выпускника Пажеского корпуса.

Алексей Брусилов, по его словам, быстро вошел в жизнь корпуса. В Петербурге ему жилось неплохо. В увольнения он ходил к двоюродному брату своего дяди графу Юлию Ивановичу Стембоку, который являлся директором департамента уделов. Его дом посещали многие известные в то время люди. «Видел я там по воскресным дням разных видных беллетристов: Григоровича, Достоевского и многих других корифеев литературы и науки, которые не могли не запечатлеться в моей душе», – позже вспоминал Брусилов. В то же время он признавался, что учился он не особенно прилежно. «Те науки, которые мне нравились, я

усваивал очень быстро и хорошо, некоторые же, которые были мне чужды, я изучал неохотно и только-только подучивал, чтобы перейти в следующий класс». Но это не всегда удавалось, и после пятого класса, не выдержав переводного экзамена, он был оставлен на второй год.

Но помогли связи в высших кругах петербургского общества – вместо того, чтобы просиживать штаны еще год в пятом классе, Алексею Брусилову был предоставлен годичный отпуск, и он уехал на Кавказ к дяде и тете. Там он начал усиленно заниматься с преподавателями, вернувшись в корпус через год, минуя шестой класс, выдержал экзамен прямо в специальный класс, где учиться было намного интереснее. Там преподавались военные науки, к которым Алексей Брусилов имел большую склонность. Кроме того, пажи специальных классов помимо воскресенья отпускались в увольнение два раза в неделю, а в летнее время выезжали в лагерь в Красное Село, где в составе учебного батальона участвовали в маневрах и различных военных упражнениях.

Воспитанники Пажеского корпуса.

Сам Алексей Алексеевич о времени, проведенном в Пажеском корпусе, в своих воспоминаниях пишет очень сдержанно. Объяснить это довольно сложно. Одна версия заключается в том, что вспоминать было нечего, другая – что перед автором стояли совершенно другие задачи. Поэтому хочу предложить читателю отрывки из воспоминаний другого выпускника этого учебного

заведения, графа А. А. Игнатьева, изложенные им в книге «Пятьдесят лет в строю». Он пишет, что сразу же после поступления в корпус стал свидетелем царивших там порядков:

«В конце спальной стоял, небрежно опираясь на стол, дежурный по роте камер-паж, и перед ним в затылок стояли мы, «звери», являвшиеся к дежурному: одни – ввиду прибытия, другие – для увольнения в отпуск.

В гробовой тишине раздавались четыре четких шага первого из выстроенных, короткая формула рапорта, а затем, с разными оттенками в голосе, крикливые замечания:

– Близко подходите!

– Плох поворот!

– Каска криво!.. Тихо говорите! – И опять: – Плох поворот!

Наконец, торжественный приговор:

– Явиться на лишнее дневальство.

После повторялась та же церемония перед фельдфебелем Бобровским. Вся моя кадетская выправка оказалась недостаточной. Окрики и замечания сыпались на меня как горох, и вскоре после поступления я насчитал тридцать лишних дневальств.

Главной ловушкой было хождение в столовую. Впереди шел вразвалку, не в ногу старший класс, а за ним, твердо отбивая шаг, даже при спуске с лестницы, где строго карался всякий взгляд, направленный ниже карниза потолка, шли мы, «звери», окруженные стаей камер-пажей, ждавших случая на нас прикрикнуть. Кого-то осилила мысль – в небольшом проходном зале поставить модель памятника русско-турецкой войне. По уставу воинские части при прохождении мимо военных памятников были обязаны отдавать честь, и мы, напрягая слух, четыре раза в день ждали команды «Смирно!», по которой руки должны были прилипать к канту штанов, и за поднятую лишний раз руку окрик был неминуем.

Но хуже всех доставалось дневальным, которые в каске и при тяжелом казенном тесаке, подтянутом до отказа, чтоб не отвисал, сновали целые сутки по роте. Их главной обязанностью было объявлять громким голосом распоряжения дежурного камер-пажа и, между прочим, после каждой перемены кричать: «Младшему классу – в классы» – не только в жилых помещениях и курилке, но даже в пустом ватерклозете…

Вне стен корпуса испытания не кончались. Обязанные отдавать честь старшему классу, мы оглядывались не только по сторонам, но и назад, боясь пропустить камер-пажа, катящего на лихом извозчике…

Главным отличием от кадетских корпусов являлось то

положение, что раз ты надел пажеский мундир, то уже наверняка выйдешь в офицеры, если только не совершишь уголовного преступления. Поэтому наряду с несколькими блестящими учениками в классе уживались подлинные неучи и тупицы…

Если быт и нравы Пажеского корпуса сильно меня разочаровали, то учебная часть оставила по себе самые лучшие воспоминания. Система уроков была заменена в специальных классах лекциями и групповыми репетициями, на которых сдавались целые отделы курсов. Для преподавания были привлечены лучшие силы Петербурга, и подготовка, полученная в корпусе, оказалась по военным предметам вполне достаточной для поступления впоследствии в Академию Генерального штаба. Главным предметом была тактика… затем шли артиллерия, фортификация, топография, а на старшем курсе – военная история… Из общих предметов на младшем курсе камнем преткновения для большинства пажей, но не для бывших кадет, были механика и химия. В специальных классах преподавался курс истории французской и немецкой литературы, а многие пажи писали сочинения с той же почти легкостью, что и на русском языке…

Мундир пажа повседневный.

В старшем классе строевая подготовка разделялась по родам оружия: пехота производила в белом зале или во дворе ротные учения в сомкнутом строе; кавалеристы в манеже, под руководством инструктора-офицера кавалерийской школы, проходили полный курс езды, рубки и вольтижировки, а артиллеристы были заняты службой при орудии и верховой ездой».

Алексей Брусилов закончил Пажеский корпус в июле 1872

года. На выпуске присутствовал сам император, все было обставлено весьма торжественно.

Итак, первый этап жизни будущего полководца был завершен, причем весьма недурно. Выпускники Пажеского корпуса в Российской империи считались в то время элитой, нацеленной на блестящую военную и гражданскую карьеру. Достаточно напомнить, что, помимо А. А. Брусилова, Пажеский корпус дал русской армии таких известных в свое время военачальников, как П. В. Гурко, А. М. Драгомиров, Г. М. Ванновский, М. М. Склон, В. И. Ромейко-Гурко, Ф. Е. Келлер и многих других. Из его стен вышли такие известные государственные и политические деятели, как лидер октябристов М. В. Родзянко, гетман Украины П. П. Скоропадский, председатель Совета министров России в 1916 году А. Ф. Трепов и др.

Корпус окончили в свое время видный географ и геолог П. А. Кропоткин, историк (директор Публичной библиотеки) И. К. Шильдер, профессор военной академии П. И. Головин. Здесь учились поэты Е. А. Баратынский, Р. Н. Дорохов, А. Н. Креницин, Ф. П. Цицианов, Я. Н. Толстой, композитор Ф. М. Толстой (автор музыки на слова Пушкина «Я вас любил» и др.), сыновья А. С. Пушкина – Александр и Григорий.

Медаль в память 100-летия Пажеского корпуса.

В то же время в стенах корпуса всегда витал дух нелюбви к существующей власти, который порождал среди его питомцев вольнодумство и даже склонность к заговорам. В Пажеском корпусе также воспитывались и люди, затем ставшие противниками самодержавия. В их числе были декабристы П. И. Пестель, В. П. Свистунов, В. П. Ивашев, И. П. Коновницын, В. Л. Лукашевич, Л. П. Луцкий, А. М. Миклашевский, В. А. Мусин-Пушкин, Н. В. Шереметев. Многие выпускники корпуса знали о тайных обществах и сочувствовали идеям будущих декабристов, но только один из бывших пажей – поэт и переводчик Яков Иванович Ростовцев – доложил о готовящемся восстании Николаю I. Это обеспечило ему блестящую карьеру, а его детям графское достоинство. Другой выпускник корпуса – полковник кавалергардского полка В. И. Пестель (брат декабриста) – во время восстания на Сенатской площади находился среди правительственных войск, за что получил «монаршую признательность» и также сделал блестящую карьеру.

Боевое крещение

По окончании Пажеского корпуса 17 июля 1872 года А. А. Брусилов был выпущен в чине прапорщика и получил назначение в 16-й драгунский Тверской Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича полк, дислоцировавшийся в Закавказье, в урочище Царские Колодцы Тифлисской губернии. Позже в своих мемуарах он писал: «Пажи имели в то время право выбирать полк, в котором хотели служить, и мой выбор пал на Тверской полк вследствие того, что дядя и тетка рекомендовали мне именно этот полк, так как он ближе всех стоял к месту их жительства. В гвардию я не стремился выходить вследствие недостатка средств».

Возвращение на Кавказ для Брусилова было памятно еще одним событием. Об этом он пишет следующим образом: «Вернувшись опять на Кавказ, уже молодым офицером, я был в упоении от своего звания и сообразно с этим делал много глупостей, вроде того, что сел играть в карты с незнакомыми людьми, не имея решительно никакого понятия об этой игре, и проигрался вдребезги, до последней копейки. Хорошо, что это было уже недалеко от родного дома и мне удалось занять денег благодаря престижу моего дяди».

Тверской драгунский полк вел свою историю с 1798 года. В 1805 году он участвовал в сражении при Аустерлице. Затем принимал участие в русско-турецкой войне (1806–1812), Отечественной войне 1812 года, Заграничных походах русской армии 1813–1815 гг., подавлении польского мятежа 1830–1831 гг. После этого, находясь уже в Закавказье, полк участвовал в Крымской войне 1853–1856 гг., осуществив штурм Карса. В последние годы Кавказской войны, вплоть до 1864 года, полк имел постоянные стычки с горцами. За боевые отличия полк имел Георгиевский полковой штандарт с надписями: «1798–1898» и «За отличные подвиги в сражении при Курюк-Дара 24 июля 1854 года».

К моменту приезда Брусилова полк состоял из четырех действующих и одного запасного эскадронов. Шефом полка был великий князь Николай Николаевич (старший). Командовал полком до ноября 1874 года полковник барон Ф. Е. Мейендорф, а затем, до конца 1877 года, – полковник В. Н. Хлебников.

Офицеры полка вели достаточно вольную жизнь: пьянки, дуэли, женщины, театр, поездки в гости к местным аристократам, другие развлечения. Сам Брусилов, вспоминая о том времени, признается: «Мы не блистали ни военными знаниями, ни

любовью к чтению, самообразованием не занимались, и исключений среди нас в этом отношении было немного». Сам он к ним не относился. Тем не менее карьера молодого офицера складывалась удачно, а 2 апреля 1874 года он был произведен в поручики.

В то же время сам молодой офицер вел довольно свободный образ жизни: кутежи, балы, приемы у местных богатеев, ухаживание за женщинами. Доходило и до более серьезных проступков. Так, в его послужном списке указывается, что «за принятие на себя обязанности быть посредником поединка, окончившегося смертью одного из противников» 22 августа 1874 года решением военного суда Брусилов был приговорен к содержанию под арестом на тифлисской гауптвахте сроком на два месяца. Правда, тут же имелась приписка о том, что «наказание это не может считаться препятствием к наградам и преимуществам по службе». И это так. 14 июля следующего года его утвердили в должности полкового адъютанта. В то время человек, занимавший эту должность, являлся как бы первым помощником (начальником штаба) командира полка и имел большое влияние на жизнь части.

12 апреля 1877 года Россия вступила в войну с Турцией. Главным театром военных действий были Балканы. Но бои также развернулись и в Закавказье. Общее руководство действиями русских войск на Кавказе возлагалось на 45-летнего великого князя Михаила Николаевича, к тому времени уже 15 лет состоявшего наместником императора на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа. За годы, проведенные на Кавказе, Михаил Николаевич хорошо изучил подчиненный ему край и находившиеся там войска.

В распоряжении великого князя на Кавказе имелось всего семь дивизий, три из которых предназначались для поддержания порядка среди мусульманского населения края. Остальные четыре были выдвинуты к турецкой границе, где создали две группировки: Кобулетский отряд и так называемый Действующий корпус. Последний, насчитывавший 50 тысяч штыков и сабель при 152 орудиях, должен был наступать на 350-километровом фронте, нанося главные удары на Ардаган, Карс и Баязет, а далее – на Эрзерум. Командование этим корпусом было поручено генерал-лейтенанту М. Т. Лорис-Меликову. 16-й драгунский Тверской полк как раз и входил в состав этого соединения.

К началу военных действий на Кавказе русским войскам противостояли незначительные силы противника, также расчлененные на два отряда. Батумский отряд, насчитывавший 25 тысяч человек, под командованием Дарвиш-паши должен был

действовать на приморском направлении. Главная армия из 29 тысяч человек составляла гарнизоны Ардагана, Карса и Баязета. Ее командующим и одновременно главнокомандующим всеми турецкими силами в районе Кавказа был Мухтар-паша.

В день объявления войны соединения Действующего корпуса пересекли турецкую границу. Противник был застигнут врасплох. Мухтар-паша, оставив в Карсе 10-тысячный гарнизон, остальные силы отвел к Эрзеруму. Этот маневр, осуществлявшийся турецкими войсками с различных направлений, в случае быстрого фронтального наступления русских соединений мог закончиться катастрофой. Однако Лорис-Меликов не проявил должной решительности и распорядительности. Более того, без особой необходимости он остановил наступавшие войска на подступах к Карсу на месяц, подарив тем самым турецкому командованию время, необходимое для перегруппировки сил и укрепления обороны.

Полк, в котором служил А. Брусилов, в конце апреля 1877 года принял участие в рекогносцировке в районе Карса, а 5 мая он участвовал в штурме Ардагана. Из его 5-тысячного гарнизона 1750 турок были перебиты главным образом огнем артиллерии, 400 пленены, а остальные спаслись бегством. В крепости было захвачено 92 орудия. Потери русских войск составили 69 человек убитыми и 364 ранеными.

После взятия Ардагана Лорис-Меликов собрал военный совет для выработки плана дальнейших действий. На нем он настойчиво проводил мысль о недостатке сил для одновременной осады Карса и наступления на Эрзерум. Генерал предлагал ограничиться только осадой Карса. Такая нерешительность высшего русского командования позволила противнику создать 30-тысячную группировку для деблокады осажденного Карса. Русские были вынуждены снять осаду крепости и отойти на свою территорию.

Отход главных сил русских войск с территории Турции придал уверенность турецкому командованию, которое решило перенести военные действия в Закавказье. 2 июля 35-тысячная армия Мухтар-паши при 56 орудиях начала наступление на Александрополь.

Активность турок сильно встревожила наместника. Великий князь лично выехал в войска вместе со своим начальником штаба генерал-майором Н. Н. Обручевым. На угрожаемое направление в срочном порядке была выдвинута группировка из 30 тысяч человек при 120 орудиях. 7 июля она встретила неприятеля на Аладжирских высотах. В ее составе был и 16-й драгунский Тверской полк.

Противники застыли друг против друга, не решаясь начать наступление. К середине сентября на Аладжирских позициях против 40 тысяч турецких воинов и 96 орудий русские имели 60 тысяч человек и 218 орудий. Это позволило русскому командованию действовать более решительно.

Сражение началось 20 сентября и продолжалось трое суток. Оно закончилось безрезультатно. Турки, потеряв около 5 тысяч человек убитыми и ранеными, удержали занимаемые позиции. При этом потери русских составили 530 человек убитыми, 3150 ранеными и 86 пленными. Это было самое кровопролитное сражение, произошедшее на Кавказе в ту войну.

27 сентября турецкие войска начали отход на свою территорию. Михаил Николаевич, узнав об этом, двинулся следом. Его войска 3 октября настигли, атаковали и нанесли поражение противнику в сражении при горе Авлиар, где неприятель лишился 15 тысяч человек убитыми и ранеными, 7 тысяч пленными и 35 орудий. Потери русских составили 121 человека убитыми и 1114 ранеными. Так Анатолийская армия оказалась рассеченной надвое. Ее правое крыло оказалось в кольце окружения. После этого левый фланг турок в панике начал беспорядочное отступление к крепости Карс, под защиту ее стен. За одержанную победу великий князь был награжден орденом Святого Георгия 1-й степени. Но главнокомандующий не смог до конца использовать плоды одержанной победы, так как преследование отходящего противника началось только на третий день.

Примечательно, что в этом сражении русские впервые широко использовали для управления войсками телеграф. Такой новинкой военной техники их противник пока не обладал.

После этого 16-й драгунский Тверской полк в составе других войск был снова направлен к Карсу. В то время командование Карсским отрядом, насчитывавшим 32 тысячи человек при 146 орудиях, было поручено 57-летнему генерал-лейтенанту И. Д. Лазареву. Этот военачальник, выходец из карабахских армян, почти 40 лет прослужил на Кавказе и хорошо знал этот регион. В сражении при Авлиаре он руководил действиями обходящего отряда, решившего успех операции.

14 октября русские войска блокировали Карс с гарнизоном в 25 тысяч человек при 303 орудиях. Завершив подготовительные работы, в ночь на 6 ноября 1877 года Лазарев повел соединения на штурм крепости. Карс пал в тот же день. В крепости было обнаружено 3 тысячи убитых и 5 тысяч раненых и больных турок. Еще 17 тысяч человек, в том числе 5 пашей и 800 офицеров, сдались в плен. Урон русских войск при осаде и штурме крепости

составил 488 человек убитыми и 1788 ранеными.

После взятия Карса меньшая часть осадного корпуса была направлена к Эрзеруму, где обстановка складывалась для русских не совсем удачно. Эрзерумский отряд в 18 тысяч человек при 98 орудиях под командованием генерал-лейтенанта Геймана 12 октября настиг 5-тысячный отряд противника на Зевинских позициях. Несмотря на большое численное превосходство и полное отсутствие у турок артиллерии, Гейман не решился на атаку и остановил свои войска, позволив противнику отойти к Эрзеруму и укрепиться в том районе.

21 октября Гейман, дождавшись прибытия войск из-под Карса, принял, как старший по званию, общее руководство силами в 25 тысяч человек при 90 орудиях. Через два дня он атаковал турок на позициях при Даве-Бойну и нанес им поражение. Неприятель лишился убитыми и ранеными около 3 тысяч человек, стольких же пленными и всех 43 орудий. Потери русских в сражении составили 129 человек убитыми и 800 ранеными. Остатки вражеских войск бросились в Эрзерум, сея панику. Население крепости, не надеясь на силу оружия, открыло ворота и стало ждать прихода победителей, но их все не было…

Орден Святого Станислава с мечами, которым был награжден А. А. Брусилов в 1878 г.

Из-за своей нерешительности Гейман вновь упустил победу. Трое суток русские войска бесцельно простояли в 20 верстах от крепости, позволив турецкому командованию восстановить утерянное управление и приготовиться к обороне. Только в конце дня 27 октября части Кавказской армии подошли к Эрзеруму и практически с ходу начали штурм крепости. Он был отражен с потерей около 600 человек убитыми, ранеными и пленными. Убедившись таким образом в силе турок, Гейман снял осаду и отвел войска на зимовку в Пассианскую долину. Вскоре туда же прибыли резервы из-под Карса. Это неустроенное место стало гибельным для россиян. Вспыхнула эпидемия тифа, в числе многочисленных жертв которой стал и неудачливый генерал

Гейман.

Несмотря на промахи и неудачи высшего командования, Алексей Брусилов воевал храбро. Несколько раз он оказывался в самой гуще сражений. В одном из боев под молодым поручиком была убита лошадь. За боевые заслуги 29 октября 1877 года А. А. Брусилов был произведен в штабс-капитаны, а к концу войны его грудь украсили три ордена: Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 2-й степени с мечами.

Таким образом, мы имеем полное право сделать вывод о том, что первое боевое крещение Алексей Брусилов прошел достойно. В то время награждение офицера боевым орденом означало не только его личное мужество, но также давало ему и большие перспективы по службе. Перед Брусиловым, получившим три ордена, открывались большие возможности, которые ему оставалось успешно реализовать.

Офицерские университеты

После войны А. А. Брусилов продолжал служить в 16-м драгунском Тверском полку, который в сентябре 1879 года через Тифлис вернулся обратно в Царские Колодцы, в свои прежние казармы. В то время полк получил задачу частью сил готовиться к походу в Среднюю Азию для завоевания туркменского Ахал-Текинского оазиса. Поручик Алексей Брусилов был включен в состав экспедиционного корпуса, но поход через жаркую пустыню не прельщал Алексея Алексеевича. «Мне надоело все одно и то же, и после войны начинать опять старую полковую жизнь я находил чрезмерно скучным, – пишет он в своих мемуарах. – Поэтому следующим летом я постарался уехать на воды в Ессентуки и Кисловодск, так как чувствовал себя не совсем здоровым… Я был назначен в состав этой экспедиции и хотел поправиться настолько, чтобы здоровье не помешало мне принять в ней участие».

Отпуск для офицера в то время был большой роскошью. Во время отпуска не выплачивалось жалованье, а время отпуска не засчитывалось в стаж его службы. Тем не менее Брусилов, находясь в Кисловодске, заболел и дал знать об этом командиру дивизии генералу Шереметьеву, отдыхавшему там также. Тот принял решение об отстранении его от участия в экспедиции. Брусилов оставался на водах до осени 1879 года, после чего вернулся в полк, один из эскадронов которого уже ушел в поход.

Капитан Брусилов в 1882 г.

15 ноября 1879 года поручик А. А. Брусилов был назначен начальником полковой учебной команды, и в этом качестве он прослужил два года.

Полковая учебная команда представляла собой школу подготовки унтер-офицерских кадров для полка. Надо понимать, что любой деревенский парень в то время, безусловно, умел обращаться с лошадью. Но, будучи призванным на действительную военную службу, он должен был познать все

премудрости конного строя и научиться обращаться с оружием кавалериста прежде, чем попасть в свое подразделение. Этому-то его и учили унтер-офицеры, которые, по сути, были первыми наставниками для любого солдата.

Личный состав учебной команды делился на постоянный и переменный. К постоянному относились офицеры, унтер-офицеры и ефрейторы, как состоящие в штате учебной команды, так и прикомандированные к ней. К переменному составу относились нижние чины, которые проходили обучение.

Начальником команды назначался один из капитанов полка по избранию командира части. Он утверждался в этой должности начальником дивизии или лицом, равным ему по власти, и пользовался всеми правами и преимуществами ротного командира. Начальник команды являлся ответственным за внутренний порядок, воспитание и подготовку состава команды, а также за хозяйство. Он руководил деятельностью обер-офицеров команды, назначая каждому один из взводов в постоянное командование и поручая каждому общие для всей команды отделы: обучения, внутреннего порядка и хозяйства. Командир части лично следил за занятиями в команде. Но непосредственное наблюдение он поручал одному из штаб-офицеров.

Для поступления в учебную команду кандидаты сдавали экзамены. Для их сдачи с предназначенными в команду молодыми солдатами в ротах велись особые занятия под непосредственным руководством командиров рот.

В конце февраля начинался приемный экзамен в учебную команду. В состав комиссии по приему экзаменов входили специально назначенный старший офицер, все офицеры постоянного состава команды, а также по одному ротному командиру от батальона. К экзамену допускались лишь физически совершенно здоровые нижние чины, для чего предварительно производился полный медицинский осмотр. Испытуемый должен уметь читать и списывать с книги, знать сложение и вычитание простых чисел до трехзначных включительно, а в военном отношении уметь стрелять и владеть штыком. Также сдавались экзамены по строевой подготовке и гимнастике.

Само обучение продолжалось в течение одного года. Сам курс разделялся на два периода: с 1 марта по 1 сентября время посвящалось теоретическому и практическому усвоению всех сведений, необходимых для унтер-офицера, с 1 сентября по 15 ноября основное внимание уделялось привитию навыков обучения молодых солдат.

Таким образом, подготовка младших командиров в царской армии существенно отличалась от того, как они готовились в Советской Армии. Будущий унтер-офицер выбирался каждым ротным командиром лично, а не приобретался в готовом виде из какой-то там «учебки». Каждый унтер-офицер воспитывался и обучался в своем родном полку или отдельном батальоне и оставался порой там же на сверхсрочную службу, уже прочно срастаясь со службой и с родным полком. Естественно, что такому человеку можно было доверить обучение и воспитание нижних чинов. Но и к начальнику учебной команды это предъявляло особые требования.

Капитан А. А. Брусилов, став начальником учебной команды, быстро начал меняться в своем отношении к службе. Теперь это был уже не тот бесшабашный корнет, который напропалую пил и гулял с офицерами полка, и даже не тот поручик, который бесстрашно вел в бой своих подчиненных на турецкие позиции. От самолюбования и порыва он постепенно начал постигать умение кропотливой повседневной работы, нацеленной на отдаленный результат. Он становился воспитателем кадров и отвечал за этих людей не только во время их нахождения в составе учебной команды, но и после ее окончания. Полковая учебная команда стала своеобразной школой для него самого, а он – прилежным руководителем этой школы. Именно состоя в качестве начальника полковой учебной команды, Брусилов был произведен в ротмистры.

Правда, в своих мемуарах по поводу этих двух лет службы он пишет несколько пренебрежительно: «До 1881 года я продолжал тянуть лямку в полку, жизнь которого в мирное время, с ее повседневными сплетнями и дрязгами, конечно, была мало интересна. Разве только охота на зверя и птицу – великолепная, обильная, в чудесной горной лесистой местности – несколько развлекала»[1].

В 1881 году Брусилов решил перевестись в Кутаисский иррегулярный конный полк с тем, чтобы быть ближе к своим родственникам. Но дядя Карл Гагемайстер настойчиво рекомендовал племяннику, для успешного продолжения военной карьеры, записаться в этот Учебный кавалерийский эскадрон. Правда, сам Брусилов пишет, что это предложение он получил от командира Тверского полка.

Итак, 7 октября 1881 года ротмистр А. А. Брусилов приехал в Санкт-Петербург в связи с зачислением в Учебный кавалерийский эскадрон. Этот эскадрон вел свою историю с 22 апреля 1809 года, когда он был создан с целью более качественной подготовки кавалерийских начальников в Павловске. Но в 1875 году, после

того как генерал-инспектором кавалерии (Главнокомандующим. – *Авт.*) русской армии был назначен брат императора великий князь Николай Николаевич (старший), по его просьбе этот эскадрон был переведен из Павловска в Санкт-Петербург. В эскадрон сроком на два года откомандировывались младшие офицеры, а по окончании учебы возвращались в свои полки кандидатами на должности командиров сотен и эскадронов.

Алексей Алексеевич, как выпускник Пажеского корпуса, имел достаточно много знакомых в столице и легко вошел в коллектив эскадрона. 15 декабря того же года он был произведен в капитаны.

14 марта 1882 года по ходатайству нового генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича (Младшего), сына предыдущего, Учебный кавалерийский эскадрон был переформирован в Офицерскую кавалерийскую школу. Обучение в этой школе ставилось настолько высоко, что даже все выпускники Николаевской академии Генерального штаба перед назначением его на должность командира эскадрона должны были пройти специальный одногодичный курс обучения в Офицерской кавалерийской школе. Николай Николаевич, объясняя императору это требование, якобы сказал: «Они академики в пешем строю. А попади в кавалерию, они мне все эскадроны попортят».

Офицерская кавалерийская школа размещалась в Петербурге в Аракчеевских казармах на Шпалерной улице, вблизи Смольного монастыря. Перед руководством школы стояла задача «подготовлять офицеров кавалерии и казачьих войск к командованию эскадроном или сотнею, давая им средства для усовершенствования их специального образования (теоретического и практического), согласно с общим ходом развития кавалерийского дела по всем его отраслям, равно способствовать этим же путём к поддержанию во всех кавалерийских частях необходимого единства в применении Высочайше утвержденных для них правил службы, а также способствовать к усвоению во всей кавалерии однообразных приемов строевой езды и выездки лошадей». Первым начальником Офицерской кавалерийской школы был генерал-майор И. Ф. Тутолмин.

Кроме офицеров, в кавалерийскую школу принимали также и нижних чинов, незначительное число которых набирали в драгунский отдел и учебную кузницу. В драгунский отдел командировались унтер-офицеры и рядовые второго и третьего годов службы (по одному от каждых двух кавалерийских полков), хорошо ездящие верхом, грамотные и преимущественно из

успешно окончивших полковую учебную команду. В числе лиц, окончивших драгунский отдел Офицерской кавалерийской школы, был и будущий видный советский военачальник Семен Буденный.

И все же главной задачей школы было повышение профессиональной квалификации офицеров-кавалеристов. Их прием в школу производился ежегодно 1 октября без особых экзаменов в количестве около 60 человек. Учебный курс для офицеров продолжался почти два года. Теоретический курс преподавания включал изучение правил верховой езды и порядка воспитания и выездки лошадей. Помимо этого, изучались история конницы, тактика этого рода войск, устройство ручного оружия, основы телеграфного дела, способы разрушения маршрутов сообщения, а также иппология и правила ковки лошадей. В список практических занятий входили решение тактических задач на планах, глазомерная и маршрутная съемка местности, решение тактических задач на местности, а также верховая езда, дальние марш-броски, а под конец – парфорсная охота.

Но реально в вопросах прохождения службы Офицерская кавалерийская школа давала многое. По окончании курса обучения офицеры возвращались в свои части и принимали первый освободившийся эскадрон или сотню, даже если в части были другие офицеры, старшие по чину, но не прошедшие обучение в школе.

В связи с зачислением в Офицерскую кавалерийскую школу, 12 сентября 1882 года Брусилов, подчеркивая свое прямое отношение к кавалерии, по личному ходатайству был «переименован» с капитанов в ротмистры. 12 августа 1883 года он завершил обучение в этой школе, успешно сдав выпускные экзамены. По выпуску ему был пожалован орден Святой Анны 2-й степени.

Кавалерийская школа

После окончания учебы ротмистр Алексей Брусилов, опять-таки по протекции влиятельных родственников, в отличие от других офицеров, не покинул столицу, а был назначен в Офицерскую кавалерийскую школу на должность адъютанта ее начальника. В начале 1886 года генерал И. Ф. Тутолмин был назначен начальником Кавказской кавалерийской дивизии, а вместо него начальником школы был назначен полковник В. А. Сухомлинов – будущий военный министр.

Через несколько лет службы в Офицерской кавалерийской школе Брусилов был назначен начальником ее офицерского отдела (факультета). В это же время он по совместительству занимался организацией верховой езды учеников Пажеского корпуса. Его заслуги в 1895 году были отмечены орденом Святого Владимира 4-й степени.

В середине апреля 1897 года генерал-майор В. А. Сухомлинов был назначен на другую должность, а руководство Офицерской кавалерийской школой принял генерал-лейтенант Александр Александрович Авшаров (Агаси-бек Авшаров). Брусилов его характеризовал следующим образом: «Человек с виду добродушный, но с азиатской хитрецой», который «вследствие ли старости или свойств характера не отличался особым рвением к службе и везде, где мог, старался доставить мне неприятности и затруднения. В сущности, во внутреннем порядке школы всем управлял я, а он был как бы шефом, ничего не делающим и буквально бесполезным. Он старался как будто бы и дружить со мной, но одновременно выказывал большую хитрость, заявляя всем начальствующим лицам, а в особенности великому князю Николаю Николаевичу, что управляет всей школой он и что ему необыкновенно трудно управлять мною и моими помощниками». При этом великий князь Николай Николаевич отлично знал, в чем дело, но потому, что Авшаров имел при дворе большие связи, был вынужден делать вид, что верит генералу.

К тому времени авторитет Брусилова среди кавалеристов был уже достаточно высоким. Среди его учеников было немало известных и влиятельных в то время людей. В 1898 году Алексей Алексеевич награждается орденом Святого Владимира 3-й степени, а когда в сентябре 1898 года для выпускников школы был учрежден специальный нагрудный знак, один из первых его образцов, изготовленных ювелиром по специальному заказу великого князя Николая Николаевича, лично им был вручен Брусилову. В ноябре того же года Алексей Алексеевич был

назначен помощником (заместителем) начальника школы, а в 1900 году он производится в генерал-майоры.

Однако его триумф в области подготовки кавалерийских кадров произошел 10 февраля 1902 года, когда Брусилов был назначен начальником Офицерской кавалерийской школы. За предыдущие годы к этой должности он был настолько подготовлен, что никто из офицеров школы не заметил каких-то резких перемен, при том, что эффективность занятий стала значительно выше. Позже К. Маннергейм, служивший в школе под началом Брусилова перед русско-японской войной, вспоминал: «Он был внимательным, строгим, требовательным к подчинённым руководителем и давал очень хорошие знания. Его военные игры и учения на местности по своим разработкам и исполнению были образцовыми и донельзя интересными». И это так. Уже первая проверка школы комиссией генерал-инспектора кавалерии в 1903 году прошла успешно. В ее итоговом акте было указано, что «подготовка кавалерийских офицеров в школе поставлена на высочайший уровень». По итогам этой проверки Брусилов был удостоен ордена Святого Станислава 1-й степени.

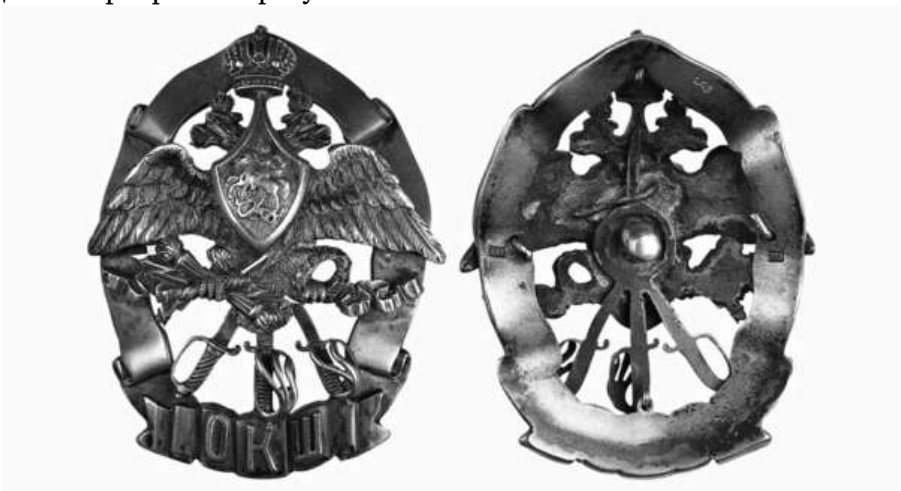
Генерал-инспектор кавалерии великий князь Николай Николаевич (Младший).

Нужно отметить, что в Офицерской кавалерийской школе в разное время служили и учились такие известные личности, как генералы Петр Врангель, Петр Краснов, Карл Маннергейм, Алексей Игнатьев.

Сам Брусилов в своих мемуарах пишет:

«Все эти годы моей петербургской жизни протекали в кавалерийских занятиях Офицерской школы, скачках,

всевозможных конкурсах, парфорсных охотах, которые позднее были мною заведены сначала в Валдайке, а затем в Поставах Виленской губернии. Считаю, что это дело было поставлено мною хорошо, на широкую ногу, и принесло значительную пользу русской кавалерии. Охоты эти производились с большими сворами собак, со строевыми лошадьми, прекрасно выдержанными, проходившими громадные расстояния без всякой задержки. Время это – одно из лучших в воспоминаниях многих и многих кавалеристов, и сам я вспоминаю эти охоты – создание моих рук – с большой любовью и гордостью, ибо много мне пришлось превозмочь препятствий, много мне вставляли палок в колеса, но я упорно работал, наметив себе определенную цель, и достиг прекрасных результатов».



Знак выпускника Офицерской кавалерийской школы.

Правда, были и другие мнения по вопросам постановки процесса подготовки кавалеристов в этой школе. Так, в частности, граф А. А. Игнатьев, также обучавшийся в Офицерской кавалерийской школе, пишет, что за время руководства ею А. А. Брусиловым она была «коренным образом преобразована и успела уже заслужить репутацию малоприятного учреждения. В ней впервые в России были применены мертвые барьеры, врытые в землю, и особенно пугали так называемые парфорсные охоты. Двухлетний курс школы проходило около ста офицеров кавалерийских полков, а на охоты командировались, кроме того, ежегодно все кандидаты на получение командования полком. Стонали бедные кавалерийские полковники, вынужденные скакать на этих охотах верст десять-двенадцать по пересеченной местности, многие уходили в отставку, не перенеся этого испытания».

Судя по воспоминаниям графа Игнатьева, можно сделать вывод о том, что «самодур» Брусилов специально создал в школе крайне тяжелые условия для обучения, справиться с которыми могли немногие. Но это совсем не так.

А. А. Брусилов с чинами управления Офицерской кавалерийской школы

Парфорсная охота (от франц. *parforce* – «силой, через силу») представляла собой не что иное, как конную охоту со сворой гончих или борзых собак, обязанностью которых было загнать зверя (зайца, волка, лисицу) путем преследования его до полного изнеможения. Лучшим временем для парфорсной охоты считались осенне-зимние месяцы, начиная с ноября по апрель. Как правило, в такой охоте участвовало несколько десятков всадников и стая от 30 до 40 собак. При преследовании по пересеченной местности всадники должны были преодолевать множество естественных препятствий, для чего нужны были

отменные навыки управления лошадью. Брусилов вполне справедливо считал, что кавалерийский командир должен обладать такими качествами.

Другое дело – «мертвые» или вкопанные в землю барьеры. Они были серьезным препятствием для плохо обученных всадников или плохо тренированных лошадей. Зацепив такой барьер, лошадь могла упасть, а всадник – свернуть себе шею. Но Брусилов требовал вначале до мелочей отрабатывать преодоление временных барьеров, и только после этого обучаемый допускался до скачек с «мертвыми» барьерами. Освоив это дело, обучаемый допускался до парфорсной охоты, в ходе которой ему приходилось преодолевать лесные завалы и различные заграждения.

Поэтому Игнатьев, несколько покритиковав Брусилова, затем делает заключение, что «суровые требования кавалерийской школы сыграли полезную роль. Постепенно среди кавалерийских начальников становилось все больше настоящих кавалеристов и все меньше людей, склонных к покою и к ожирению»[2].

Во время работы Брусилова в Офицерской кавалерийской школе произошли большие изменения в личной жизни. В 1884 году по настоянию родственников он женился на племяннице своего дяди и воспитателя Карла Максимовича Гагемейстера Анне Николаевне фон Гагемейстер.

Подполковник А. А. Брусилов. (1891 г.).

До этого Алексей Алексеевич был хорошо знаком со своей невестой, так как этот брак готовился родственниками заблаговременно. Вероятно, между молодыми особых чувств не было, зато было понимание необходимости и значимости этого союза. Именно поэтому в своих мемуарах Брусилов пишет: «Этот брак был устроен согласно желанию моего дяди, ввиду общих семейных интересов. Но, несмотря на это, я был очень счастлив, любил свою жену горячо».

Но семейная жизнь четы Брусиловых протекала не совсем гладко, и причин тому было несколько. Анна Николаевна оказалась очень слабой здоровьем и часто болела. Вероятно, поэтому, дважды забеременев, она родила мертвых детей. Это обстоятельство послужило поводом для того, что некоторые родственники ее начали упрекать в отступничестве – крещенная при рождении в лютеранской вере, перед замужеством она, несмотря на протесты своих теток, приняла православие. Алексей Алексеевич, стараясь поддержать жену, трижды вывозил ее на курорты в Германию и во Францию. Кроме того, супруги практически каждую осень выезжали на некоторое время на отдых в имение брата жены, находившееся в Эстляндской губернии.

Наконец, общие усилия увенчались успехом. В 1887 году у Брусиловых родился сын, которого они назвали Алексеем. Других детей у них не было.

Многократные неудачные роды, частые болезни жены и прежние занятия спиритизмом вновь заставили Алексея Алексеевича поверить в силу оккультных наук. Он начал изучать соответствующую литературу и устраивать сеансы. В своих воспоминаниях он пишет, что в этих сеансах участвовали представителя высшего петербургского света, такие, как баронесса Мейендорф с дочерью, лейб-гусар князь Гагарин, флигель-адъютант полковник князь Мингрельский, князь Барклай де Толли и многие другие. Приглашался приехавший из Англии некий «медиум» Энглингтон. На его сеансах «происходили поистине необычные феномены. Летали под потолок тяжелые вещи, из другой комнаты при плотно закрытых дверях прилетали тяжелые книги и т. п. Подтасовки тут не могло быть никакой, и я, впервые видя это, был буквально поражен. Несколько позднее явился на петербургском горизонте с юга некий медиум Самбор, у которого тоже мне приходилось наблюдать поразительные явления»[3].

Увлечение оккультными науками, в чем Брусилов признается даже 30 лет спустя, говорит о том, что он всю свою сознательную жизнь находился под их влиянием. Безусловно, что в 90-е годы это происходило также и под влиянием его жены.

В начале 1900-х годов Анна Николаевна в очередной раз сильно заболела. В последние годы она практически не покидала постели и умерла в 1908 году. Брусилов тяжело переживал смерть жены.

Алексей Брусилов (Младший), воспитанник Пажеского корпуса, 1906 г.

Воспитанием сына в раннем возрасте занималась Анна Николаевна, а затем – специально приставленная к мальчику воспитательница-немка. Сам Алексей Алексеевич, практически все время занятый службой, им занимался крайне мало.

По достижении 12-летнего возраста Алексей Брусилов-младший, как и его отец, был определен на учебу в Пажеский корпус, который закончил в 1908 году, незадолго до смерти

матери. Он был выпущен корнетом в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк, дислоцировавшийся в столице, и полностью окунулся в мир «золотой» молодежи. Позже А. А. Брусилов с некоторой горечью писал: «Любил я его горячо, но отцом был весьма посредственным. Окунувшись с головой в интересы чисто служебные, я не сумел приблизить его к себе, не умел руководить им. Считаю, что это большой грех на моей душе».

Возвращение в строй

19 апреля 1906 года А. А. Брусилов был назначен командиром 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, которая считалась лучшим соединением в Императорской армии. Это назначение он получил по решению своего непосредственного начальника великого князя Николая Николаевича, который лично курировал эту дивизию. В декабре того же года он был произведен в генерал-лейтенанты.

2-я гвардейская кавалерийская дивизия состояла из лейб-гвардии конно-гренадерского, лейб-гвардии уланского, лейб-гвардии гусарского и лейб-гвардии драгунского полков, 2-го дивизиона гвардейской конно-артиллерийской бригады, а также гвардейского запасного кавалерийского полка десятиэскадронного состава. В отношении командиров этих полков сам Алексей Алексеевич дает следующую характеристику.

Командиром лейб-гвардии конно-гренадерского полка был В. Х. Рооп – «человек очень красивый, изящный, корректный, выдержанный», но при этом он «в своем полку почти никакой роли не играл, и корпус офицеров его почему-то не любил».

Совсем другое отношение у подчиненных было к командиру лейб-гвардии уланского полка А. А. Орлову. Брусилов пишет, что он «имел громадное влияние на офицеров своего полка, и все они очень уважали и любили его». При этом «он сильно пил, и даже эта страсть не мешала любви офицеров к нему, а, напротив, как бы увеличивала эту любовь; бывали случаи, когда офицеры скрывали от высших начальствующих лиц его дебоши. Наружность его была исключительно красивая… Заболев скоротечной чахоткой, он был отправлен в Египет, но не доехал туда, умер в пути. Я чрезвычайно сожалел о ранней его смерти».

Лейб-гвардии гусарским полком командовал Б. М. Петрово-Соловово, по оценке Брусилова, «честнейший и откровеннейший человек», которого он очень любил.

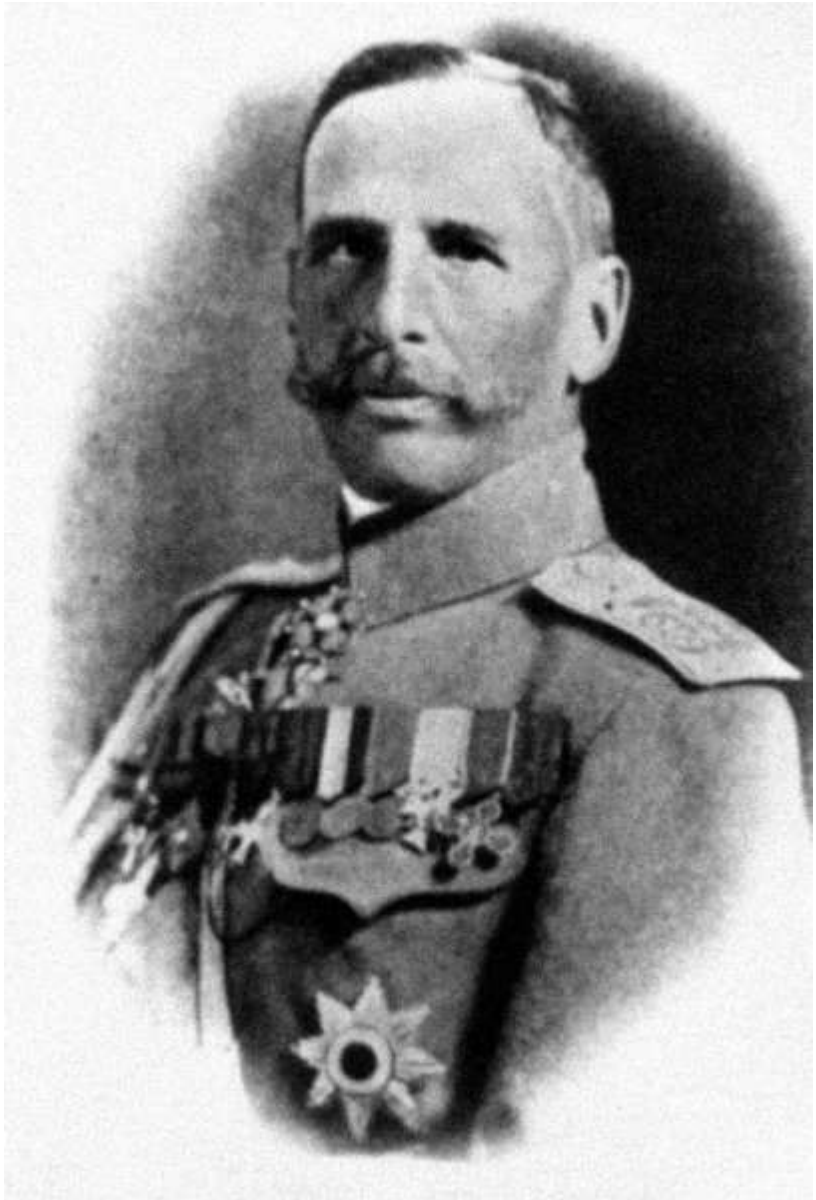
Командиром лейб-гвардии драгунского полка был родственник императора герцог Г. Г. Мекленбургский. По оценке Брусилова, «герцог был большой чудак, и как он ни старался быть хорошим полковым командиром, это ему не удавалось». В то же время «он был очень честный, благородный человек и всеми силами старался выполнять свои обязанности».

Говоря об этих людях, Алексей Алексеевич также отмечает, что «все мне верили и считали необходимым стараться угождать мне в той или иной степени».

Но так продолжалось недолго. Через некоторое время герцог

Г. Г. Мекленбургский скончался. Командование лейб-драгунским полком принял граф Ф. А. Келлер – также выпускник Пажеского корпуса, участник русско-турецкой и русско-японской войн. Позже, в годы Первой мировой войны, командуя кавалерийской дивизией и конным корпусом, он считался лучшим кавалерийским начальником русской армии. Но Брусилов в своих воспоминаниях о Федоре Артуровиче пишет весьма не лестно, как о человеке, известном своим необычайно высоким ростом, чванством и глупостью, с большой хитрецой, который «карьеру свою делал ловко. Он был храбр, но жесток, и полк его терпеть не мог».

В доказательство этого Брусилов приводит такие факты:



Командир 3-го кавалерийского корпуса Ф. А. Келлер.

«Женат он (Келлер) был на очень скромной и милой особе, княжне Марии Александровне Мурузи, которую все жалели. Однажды ее обидели совершенно незаслуженно благодаря ненависти к ее мужу. Это было в светлый праздник. Она объехала жен всех офицеров полка и пригласила их разговляться у нее. Келлеры были очень стеснены в средствах, но долговязый граф стремился задавать шик (чтобы пригласить всех

офицеров гвардейского полка разговляться, нужно было очень потратиться). Хозяева всю ночь прождали гостей у роскошно сервированного стола и дождались только полкового адъютанта, который доложил, что больше никого не будет».

Спустя некоторое время Брусилову стало известно, что офицеры лейб-драгунского полка решили побить своего командира и даже «бросили жребий, кому выпадет эта обязанность». Узнав, что главным зачинщиком этого дела является полковник князь Урусов, он вызвал его к себе и строго предупредил о личной ответственности за данный поступок. Урусов не признал своей вины, тем не менее экзекуция над Келлером не состоялась». Позже, когда в 1924 году была издана переписка Николая II с императрицей, Брусилов прочел и сделал вывод, «что этот граф Келлер старался мне вредить и набросить тень на меня». Тогда он убедился, «что напрасно старался оберегать его от заслуженных побоев офицеров», и пришел к убеждению, что «они были правы в своей ненависти к нему».

Подводя итог рассказу о графе Ф. А. Келлере, хочу напомнить читателю о том, что, во-первых, свои воспоминания Брусилов писал уже в советское время, состоя на службе в Красной Армии. Во-вторых, генерал от кавалерии граф Ф. А. Келлер, в отличие от генерала от кавалерии А. А. Брусилова, в марте 1917 года отказался присягать Временному правительству и был уволен в отставку. Он, до конца оставаясь верным императору, также не пошел служить большевикам или каким-либо другим партиям, в связи с чем в декабре 1918 года и был расстрелян петлюровцами в Киеве. Поэтому не исключено, что Алексей Алексеевич специально дал Келлеру столь нелестную оценку.

Последний год службы Алексея Алексеевича в качестве командира 2-й гвардейской кавалерийской дивизии был омрачен смертью его жены, которая произошла в 1908 году.

В самом начале 1909 года Брусилов получил новое назначение на должность командира 14-го армейского корпуса, штаб которого находился в Люблине. Вначале начальником штаба корпуса был генерал Федоров – «человек очень толковый, дельный и симпатичный», которого вскоре сменил генерал-майор Леонтович, «раздражительный, подозрительный, болезненный, неприятный человек». Брусилов добился его перевода на другую должность, и начальником штаба корпуса были последовательно назначены полковники С. А. Сухомлин – «в высшей степени толковый и исполнительный человек», В. В. Воронецкий и генерал-майор В. Г. Леонтьев – «умный, дельный, но, к

сожалению, очень болезненный человек». Таким образом, всего за три года в должности начальника штаба 14-го армейского корпуса отметилось пять человек. Вполне понятно, что ни один из них не успел как следует вникнуть в свою должность, в результате чего Брусилову приходилось управлять корпусом самостоятельно.

В это время были у Алексея Алексеевича столкновения и с руководителями местной власти, в частности с люблинским губернатором – толстяком N, который хотя и был «в высшей степени светский и любезный человек, но весьма самоуверенный и часто делавший большие промахи».

Брусилов жил в казармах напротив великолепного городского сада и ежедневно с собакой прогуливался по его тенистым чудесным аллеям. Но в один прекрасный день при входе в сад он увидел объявление о том, что нижним чинам и собакам туда вход воспрещен. Вернувшись в свой штаб, Брусилов приказал издать приказ о том, чтобы все генералы и офицеры наряду с солдатами не входили в этот сад, и сообщил об этом командующему войсками округа, который был также и генерал-губернатором всего края. Разразился большой скандал. Генерал Скалон не только издал приказ об отмене распоряжения губернатора, но и лично приезжал к Брусилову с извинениями. А в 1909 году Алексей Алексеевич из рук Скалона получил орден Святой Анны 1-й степени.

Жизнь Брусилова в Люблине протекала в служебных заботах, но не интересно. У него была прекрасная квартира в девять или десять комнат, балкон выходил в великолепный городской сад, «и вообще все было ладно, кроме одного – отсутствовала хозяйка». Поэтому вскоре он принимает решение снова жениться, наметив в качестве своей избранницы некую журналистку Надежду Владимировну Желиховскую – племянницу своей двоюродной сестры, которую знал еще молоденькой девушкой, с которой он встречался вначале в Тифлисе, а затем в Петербурге.

В своих мемуарах Алексей Алексеевич достаточно полно описывает все свои переживания, связанные с этим решением, и пишет, что «эти переживания были очень тяжелые». В этих колебаниях прошел год. Но в конце концов 57-летний вдовец предложил руку 45-летней Надежде Владимировне Желиховской.

Как и Брусилов, семья Желиховских была связана с Кавказом. Отец Надежды Владимировны, Владимир Иванович, директор Тифлисской классической гимназии, а позднее помощник попечителя Кавказского учебного округа, умер в 1880 году. Мать, Вера Петровна, урожденная Ган (по первому мужу Яхонтова) – популярная детская писательница 1890-х годов прошлого века.

Приняв решение, Брусилов действовал энергично. Эта предпринятая им осенью 1910 года стремительная наступательная операция на личном фронте как бы предвосхитила образ действий командующего 8-й армией летом 1914 года и командующего Юго-Западным фронтом летом 1916 года – та же ошеломляющая нетрадиционность замысла, та же продуманная тщательность подготовки, наконец, та же решительность в ходе осуществления самой операции. Сохранившиеся в архиве письма Брусилова к Желиховской позволяют лучше проследить развитие событий.

Желиховская Надежда Владимировна.

16 сентября 1910 года Брусиловым было направлено первое письмо Надежде Владимировне. Он писал: «Многоуважаемая Надежда Владимировна! На всякий случай пишу Вам, не будучи уверен, что мое письмо до Вас дойдет, и не зная, захотите ли Вы мне ответить. Живу я теперь одинокий в г. Люблине по

занимаемой мною должности командира 14 армейского корпуса. Должность высокая, власть большая, подчиненных пропасть, но благодаря всему этому… тоскливо. Вот я и подумал со старыми знакомыми и друзьями начать переписку… Я случайно узнал Ваш адрес, но право не знаю, впрок ли он. Пишу на удачу. Мне много приходится разъезжать по войскам, а потому не сетуйте, если я Вам не сейчас отвечу, но, пожалуйста, отвечайте мне сейчас (подчеркнуто Брусиловым. – *А. Г.*), если только желаете мне ответить, и пишите подробно о себе».

Желиховская, видимо, хорошо поняла «намек» и ответила соответствующим образом. Едва получив ее ответ, генерал поспешил закрепить достигнутый успех. Он пишет: «Милая, дорогая Надежда Владимировна! Только что вернулся из объезда войск и застал Ваше обширное письмо, которому очень обрадовался. Спасибо Вам за него… На Ваше подробное письмо о Вашем житье-бытье и я опишу Вам мою жизнь; таким образом, хоть издали, мы с Вами сблизимся по-старому». Ниже он подробно написал о своем одиночестве в большом и очень благоустроенном на заграничный манер городе Люблине, о квартире, о жалованье и о родственниках. Свое письмо Брусилов закончил просьбой не забывать «старого друга».

Надежда Владимировна, которая к 45 годам уже, видимо, и не мечтала о замужестве, с большим «интересом» отнеслась к перечню всех благ, которые сулил ей брак с Брусиловым. После ее очередного скорого ответа в письме от 3 октября обнадеженный Брусилов решил написать о главном:

«Многоуважаемая и дорогая Надежда Владимировна! Вы будете, вероятно, очень удивлены, читая это письмо, но прошу Вас дочитать его до конца, обдумать его содержание и ответить вполне искренно, в той же степени, в какой и я Вам теперь пишу.

2 1/2 года назад, как Вам известно, я, к моему большому горю, овдовел. Я крепко любил мою жену, и ее потеря была для меня тяжким ударом…

Невзирая на видное положение и большой служебный успех, дающие мне полные основания полагать, что моя карьера не остановится должностью Корпусного командира, ничто меня не радует и отсутствие подруги жизни меня страшно угнетает…

Единственная женщина в мире, с которой я мог бы связать опять свою судьбу, – это Вы… Я хотел бы просить Вас принять мою руку и только, чтобы узнать верность Вашего адреса, я и писал Вам… Очевидно, если бы Вы, в принципе, приняли мое предложение, то нам было бы необходимо предварительно о многом переговорить».

И в завершение: «Я не хотел бы долго тянуть, повидать бы Вас

и переговорить в последних числах этого месяца, когда у меня будет несколько свободных дней, а в 1/2 ноября мы бы повенчались, если наши переговоры увенчаются успехом».

Правда, в целях того, чтобы его намерения не стали достоянием широкой общественности, Брусилов просил Желиховскую свой ответ дать по телеграфу, а свое письмо отправил с пометкой «Секретно».

И тут Желиховская почему-то начала колебаться. Но бомбардировка ее письмами Брусилова продолжалась. Затем состоялось их свидание, в ходе которого Надежда Владимировна дала свое согласие. Но, как видно, у Брусилова появились сомнения в искренности чувств своей избранницы. Он попросил невесту еще раз «поразмыслить свой шаг» и предложил отсрочить свадьбу на два месяца. В своем письме от 4 ноября он писал:

«По многим данным, в Тебе я уверен не был. Это правда, что я ворвался в Твою жизнь как ураган, и я опасался, что в вихре его Ты не разобралась и будешь потом жалеть об этом непоправимом шаге. А потому, оставляя себя связанным по отношению к Тебе, я предоставлял Тебе свободу мне отказать или же отложить свадьбу, чтобы осмотреться… Как только Ты заявила, что желаешь теперь же связать свою жизнь с моей, я тотчас же это и устроил с радостью… Мне именно нужно было, чтобы Ты решила сама и потребовала свадьбы теперь же, чтобы это исходило от Тебя, по свободной воле».

Но теперь объяснений требовала уже сама Желиховская. Оправдываясь, Брусилов писал: «Я не мог исполнить Твоего желания ускорить нашу свадьбу на 8-е потому, что не хватило бы времени на исполнение всех формальностей и на получение разрешения вступить в брак, ибо Скалон ездил в Вержболово встречать Государя и вернулся только сегодня, а разрешение он должен сам подписать».

Получив согласие, Брусилов разработал детальный план венчания. Он не хотел, чтобы оно произошло в Люблине. Он решил организовать его в Ковеле, находившемся между Люблином и Одессой, где сходились железнодорожные линии из этих городов и был дислоцирован подчиненный Брусилову драгунский полк. При этом к самой церемонии он отнесся очень внимательно. Он инструктировал Желиховскую: «Имей в виду, что венчаться женщина должна с покрытой головой, таков церковный устав. Так как Ты венчаешься в дорожном, а не в свадебном платье, то нужно будет Тебе иметь (не знаю, как это у вас называется) чепец или наладку или же не чрезмерно высокую и широкую шляпу на голове».

В следующем письме от 6 ноября Брусилов оговаривает

способ оповещения о выезде своей невесты из Одессы в Ковель. Он пишет: «Дорогая моя невесточка! 9-го ноября, при отъезде из Одессы в 11 ч. 50 м. у[тра], пошли две телеграммы на мое имя. Одну – срочную в Люблин (иначе я ее, наверно, не успею получить), а другую: Ковель, вокзал, до востребования, генералу Брусилову. В обоих сообщай кратко о часе выезда. Таким образом, не здесь, так там, я получу одно или оба извещения о твоем выезде».

Брусилов встретил свою невесту на вокзале в Ковеле утром 10 ноября. Венчание состоялось в церкви драгунского полка. Жених был в блестящем парадном мундире, невеста – в сером суконном дорожном платье и белой шляпе. На венчании присутствовало всего несколько свидетелей. Родственникам и знакомым, в соответствии со списком, составленным Брусиловым, только были посланы извещения.

Из Ковеля в Люблин Брусилов вернулся уже женатым человеком, и последний год в этом городе он прожил уже с женой, «которая вскоре завоевала все симпатии в городе и в войсках».

Правда, 1911 год для Брусилова прошел в заботах. Осенью на базе войск Варшавского военного округа, в том числе и 14-го армейского корпуса, проводились большие маневры. Затем начались пробные полеты самолетов, которые тогда только начали поступать в русскую армию. В связи с этим в округ постоянно приезжали великие князья, различное начальство и иностранцы со всеми вытекающими из этого последствиями.

15 мая 1912 года Брусилов был назначен помощником командующего войсками Варшавского военного округа генерал-адъютанта Г. А. Скалона и должен был переехать в Варшаву. Надежда Владимировна, которая к тому времени уже обжилась в Люблине и очень мало интересовалась карьерой мужа, не хотела переезжать в шумную Варшаву. Но делать было нечего…

А. А. Брусилов – помощник командующего войсками Варшавского военного округа (1912 г.).

Варшава Брусиловых встретила не очень радушно – остро встал так называемый «квартирный вопрос». Брусилов пишет: «В это время весь служебный персонал Варшавы жил в казенных прекрасных квартирах, а генерал Скалон – в замке бывших польских королей. Но для его помощника казенной квартиры не было». Поэтому Брусиловым пришлось снять частную квартиру, которой они были очень довольны. Кроме того, так как ему по

должности была положена служебная дача, то Надежда Владимировна «с радостью поехала туда». Эта дача находилась в 30 верстах от города, в упраздненной крепости Зегрж, на берегу широкой реки Буго-Нарев, в месте, где располагались служебные дачи и других высших чинов Варшавского военного округа. Она представляла собой поистине райский уголок – большой дом со всеми приспособлениями для удобной и приятной жизни, как летом, так и зимой, громадный парк, чудный фруктовый сад, цветник. Дача соединялась с штабом округа телефонной связью. «Искусный садовник ежедневно скрашивал нашу жизнь редкими цветами, фруктами и ягодами. Это была не жизнь, а сплошной праздник».

В начале декабря того же года Брусилов был произведен в генералы от кавалерии.

Служба в целом складывалась удачно. В то же время сам Алексей Алексеевич, правда уже значительно позже, в советское время, писал, что в его службе в это время были и определенные минусы.

Во-первых, некоторым не нравилось то, что жена помощника командующего войсками округа, вместо того чтобы блистать в варшавском обществе, слишком увлеклась благотворительной деятельностью в Зегрже, где находилась дача Брусиловых. Она открыла там школу для русских детей вместе с польскими и еврейскими, зимой устраивала им елку, снабжала детскими книгами. И это при том, что, как пишет сам Брусилов, «в Варшаве нас окружало блестящее общество, элегантная жизнь, множество театров, в которых у меня были свои ложи (по очереди с начальником штаба), концерты, рауты, обеды, балы, невообразимый водоворот светской и пустой жизни, сплетни и интриги».

Тем не менее, даже несмотря на некоторые расхождения во взглядах на место супруги командующего, у нее «понемногу наладилось дело и составился более интимный и симпатичный кружок знакомых».

Во-вторых, ему не нравилось засилье немцев среди командного состава Варшавского округа. Немцем был генерал-губернатор Скалон. Он был женат на баронессе Корф. Ее родственник, барон Корф, был губернатором, помощником генерал-губернатора был Эссен, управляющим конторой Государственного банка – барон Тизенгаузен, начальником дворцового управления – Тиздель, обер-полицмейстером – Мейер, президентом города Варшавы – Миллер, прокурором – Гессе и т. д.

Алексей Алексеевич считал, что виноват в этом был прежде

всего «немец до мозга костей командующий войсками Варшавского военного округа, генерал-адъютант Скалон, который «считал, что Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, причем был убежден, что Германия должна командовать Россией». Более того, он находился «в тесных отношениях с немецким генеральным консулом в Варшаве бароном Брюком, от которого, как многие мне это говорили, никаких секретов у него не было». Брюка Брусилов подозревал в шпионаже в пользу Германии.

Придя к таким выводам, Брусилов написал на Скалона донос военному министру Сухомлинову, но письмо попало в руки начальника варшавского жандармского управления, тоже немца, генерала Утгофа, который сообщил о нем Скалону. Безусловно, после этого отношения между командующим округом и его помощником испортились. И Брусилов сделал все возможное для того, чтобы поскорее уехать из Варшавы. Он добился своего назначения командиром 12-го армейского корпуса, входившего в состав Киевского военного округа.

Накануне большой грозы

15 августа 1913 года А. А. Брусилов был назначен командиром 12-го армейского корпуса Киевского военного округа, штаб которого располагался в Виннице, в то время небольшом городе на берегу реки Южный Буг. В состав корпуса входили две пехотные дивизии, одна отдельная пехотная бригада, две кавалерийские дивизии, артиллерийская бригада, саперный батальон. Корпус был одним из самых крупных в округе – его соединения и части располагались на территории Подольской губернии (нынешняя Винницкая и частично Житомирская области). С 1910 года начальником штаба был генерал-майор К. И. Адриади.

12-й армейский корпус насчитывал около 20 тысяч человек. Он был сформирован в составе 12-й и 33-й пехотных и 12-й кавалерийской дивизий в конце 1876 года и под командой генерал-лейтенанта П. С. Ванновского участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1908 году командование корпусом принял генерал-лейтенант, в последующем генерал от кавалерии Адам Соломонович Корганов. С начала 1910 по начало апреля 1914 года начальником штаба корпуса был генерал-майор Август-Карл-Михаил Михайлович Адриади.

На момент назначения командиром А. А. Брусилова 12-й армейский корпус состоял из 12-й и 19-й пехотных, 12-й кавалерийской дивизий, а также саперного батальона и воздухоплавательной роты. Пехотными дивизиями командовали соответственно генералы Н. А. Орлов и А. Ф. Рагоза, кавалерийской – А. М. Каледин. Также в его составе имелось два кадрированных обозных батальона, которые до положенного штата должны были развертываться только при объявлении мобилизации. По тем временам это была обычная структура армейского корпуса, которых в Российской империи имелось достаточно большое количество.

Сегодня в отечественной литературе нередко можно прочитать о том, что в 1913 году Российская империя находилась на пике своего развития, что она по своим экономическим возможностям занимала одно из ведущих мест в мире. Так появился миф, который, безусловно, не соответствовал действительности.

Нужно сказать, что Россия в 1913 году отставала по объемам промышленного производства от США, Англии, Германии и Франции. Доля ее в совокупном промышленном производстве пяти вышеперечисленных держав составляла всего 4,2 %. В

общемировом производстве в 1913 году доля России составляла 1,72 %, при том, что доля США равнялась – 20 %, Англии – 18 %, Германии – 9 %, Франции – 7,2 %. По размерам валового национального продукта на душу населения Россия уступала США – в 9,5 раза, Англии – в 4,5, Канаде – в 4, Германии – в 3,5, Франции, Бельгии, Голландии, Австралии, Новой Зеландии, Испании – в 3, Австро-Венгрии – в 2 раза.

И это не удивительно. Промышленность России была развита слабо. На 24 472 заводах имелось всего 24 140 электрических, паровых, дизельных двигателей (со средней мощностью 60 л. с.). То есть даже не всякий завод имел хотя бы один двигатель. По энерговооруженности и механовооруженности Россия отставала от США в 10 раз, от Англии – в 5, от Германии, Бельгии, Новой Зеландии – в 4 раза. Уровень производительности труда в промышленности в России был меньше, чем в США, в 9 раз, в Англии – в 5 раз, в Германии – в 4 раза. В 1913 году в США выплавили 25 млн т стали, в то время как в России – 4,2 млн т. Поэтому для покрытия своих нужд Россия ежегодно импортировала из других стран более 1 млн т. стали и 8,7 млн т. каменного угля.

Безусловно, уровень производства и экспорта прямо пропорционально отражался на уровне доходов, поступавших в российский бюджет напрямую или в виде налогов. В 1908–1913 гг. общие суммы доходов, поступивших в российский бюджет, составили 14 987 млн руб. В 1887–1913 гг. Запад инвестировал в Россию 1783 млн золотых рублей, но за этот же период из России было вывезено чистого дохода на 2326 млн золотых рублей (превышение за 26 лет доходов над инвестициями – на 513 млн золотых рублей). Только по процентам и для погашения иностранных займов ежегодно переводилось за границу выплат до 500 млн золотых рублей (в современных ценах это порядка 15 млрд долл.).

Параллельно с ростом промышленного производства шел процесс роста цен, прежде всего на основные продукты питания. Так, оптовые цены в 1901–1912 гг. на пшеницу возросли на 44 %, на рожь – на 63,63 %, на свинину – на 55,86 %. Естественно, что не менее, чем оптовые, возросли и цены на продукцию хлебобулочной промышленности и на мясо в розничной торговле. В целом по России в 1908–1913 гг. цены на потребительские товары возросли на 24 %, при том, что зарплата же выросла в среднем только на 14,5 % (на 34 руб.). В результате этого реальные доходы рабочих и служащих существенно сократились. Поэтому неудивительно, что семья рабочего из четырех человек в Санкт-Петербурге расходовала около 750 руб. в год. При этом

расходы на питание составляли до 100 % оплаты труда главы семьи из четырех человек, а трудились, как правило, все, включая детей. Из оставшейся суммы до 45 % шло на оплату жилья, до 25 % – на одежду и обувь. Для сравнения: у германского рабочего оплата питания семьи отнимала 20–25 % зарплаты (одного взрослого), у английского – 40 %.

Материальная сторона жизни напрямую была связана с состоянием здоровья населения. По данным статистики, в 1913 году в России более 12 млн человек (7,26 % населения) было поражено эпидемиями холеры, дифтерии, сибирской язвы, чесотки. Еще 9 млн человек страдали малярией, трахомой, коклюшем и т. д. Всего хронических больных заразными болезнями имелось 21 877 869 человек (13,2 % населения страны).

При таком высоком уровне заболеваемости на 10 000 человек населения в России имелось всего 1,6 врача, 1,7 фельдшера, 1,7 акушера и повивальной бабки, а в сельской местности один врач приходился вообще на 26 тыс. человек. В то же время в США врачей на 10 000 человек населения было в 4 раза больше, чем в России, в Германии – в 2,7, в Англии – в 3,5, в Дании, Швеции, Бельгии, Голландии – в 3,2 раза больше. Поэтому неудивительно, что на каждую тысячу новорожденных в возрасте до одного года в России умирало 263 ребенка. Для сравнения: в Швеции на каждую тысячу родившихся умирало не более 70 детей до одного года, в Англии – 108, в США и Франции – 112–115, в Италии – 138, в Германии – 151. Таким образом, Россия превосходила по детской смертности страны Европы и США в 1,74-3,76 раза.

Как известно, уровень производства и качество здравоохранения напрямую зависят от образованности населения. Россия выделялась низким процентом грамотности своего населения. По статистическим подсчетам, на каждую тысячу человек населения (без учета детей дошкольного возраста) она имела грамотными не более 230 человек. При этом на такое же количество населения Бельгия имела 998 грамотных, Германия – 980, Англия – 816, Франция – 930, Австралия – 816, Австрия – 644, Венгрия – 524, Аргентина – 495, Италия – 440, Португалия – 214 человек. В России 70 % детей и подростков вообще были лишены возможности учиться.

В России в 1913 году число учащихся во всех видах учебных заведений (включая духовные и военные) составляло 9,7 млн человек (60,6 человека на 1000 жителей). При этом в российских вузах в 1913 году обучалось 127 423 человека, в США – 258 000 (в два раза больше, чем в России). При этом в США имелось несколько десятков вузов уровня университета, в Англии – 18

университетов, в Германии – 22, во Франции – 14, а в России – только 8 университетов. Поэтому на один университет в России приходилось около 20 млн жителей, в то время как в Англии – 2,5 млн, во Франции – 2,8 млн, в Германии – 3 млн жителей.

В России имелись ограничения в доступе к образованию. Благодаря известному циркуляру министра просвещения Делянова «О кухаркиных детях», принятому во время царствования Александра III, был перекрыт доступ к образованию лицам из сословий крестьян и мещан. И хотя в 1911–1914 гг. циркуляр фактически не действовал, тем не менее из обучавшихся в гимназиях 119 000 человек выходцы из крестьянских семей составляли всего 15 %. В кадетские корпуса, военные училища выходцы из крестьянских семей вообще не допускались.

Россия считалась аграрной страной, и именно легенды о ее высоких урожаях зерновых уже много лет будоражат воображение некоторых людей. Но на практике все было не так.

Производство сельскохозяйственной продукции в стране, в которой сельское население достигало 80 %, также не было на высоте. Громадные просторы России позволяли ей производить большое количество зерна, но уровень агрокультуры, урожайность и продуктивность были низкими. Даже в 1913 году, получив рекордный урожай зерновых в 80 млн т, Россия на душу населения имела порядка 471 кг зерна, в то время как Англия, Франция, Германия имели около 430–440 кг, Канада – около 800 кг, США – свыше 1000 кг, Аргентина – 1200 кг. И если в общих объемах производства сельскохозяйственной продукции Россия стояла на втором месте после США, то по ее производству на душу населения она занимала только пятое место. Если же брать и другие европейские страны, Австралию, Канаду, то Россия отбрасывалась во вторую десятку и даже ниже.

Причина этого также была очевидной – низкий уровень технического оснащения сельского хозяйства. Более 52 % крестьянских хозяйств аграрной России не имели плугов, обрабатывая землю сохами и косулями. В 1913 году в России имелось лишь 152 трактора, в то время как в США, Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании счет тракторам шел на тысячи и десятки тысяч. Поэтому неудивительно, что в России до 80 % сельскохозяйственных работ производилось вручную.

В России продолжался хронический кризис животноводства. Так, по подсчетам, число рабочих лошадей в сельском хозяйстве на 100 человек сельского населения с 1870 по 1911 год упало с 38 до 30 единиц. Из расчета на 100 человек населения количество крупного рогатого скота и свиней также непрерывно сокращалось.

Если в 1896 году оно составляло 67 голов, то в 1901 году – 65 голов, а в 1913 году – 55 голов. В 1914 году в России на тысячу жителей приходилось 293 головы крупного рогатого скота, в США – 622, в Дании – 888 голов. Продуктивность одной дойной коровы в 1913 году в США была выше, чем в России, в 3,4 раза, в Швейцарии – в 5,3 раза.

Производство сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в России не контролировалось государством и, следовательно, было стихийным. Поэтому частыми были такие явления, как неурожайный год и даже голод. Так, в XIX веке Россия пережила 40 голодовок. В XX веке голодными были 1901–1902 гг., 1905; 1906; 1907 гг.; 1908 г.; 1911–1912 гг. В 1905, 1906, 1907 и 1908 гг. голодало от 19 до 29 губерний, в 1911–1912 гг. голод охватил 60 губерний. По различным оценкам, в 1901–1912 гг. от голода и его последствий в Российской империи погибло около 8 млн человек, почти столько же, как за время Первой мировой войны.

Но даже несмотря на голод, из России в Европу потоком шло зерно. Лозунг царского министра финансов Вышнегородского – «недоедим сами, но вывезем» – регулярно претворялся в жизнь. В обмен на зерно в империю с Запада поступали многие промышленные товары, комплектующие для заводов и фабрик, тракторы, автомобили…

Россия сильно зависела от экспорта. Первые самолеты в российской военной авиации были машинами фирм «Ньюпор», «Фарман», «Бристоль-Бульдог», «Сопвич», «Фоккер», а это Англия, Франция, Бельгия. В самой России за 1914–1917 гг. было собрано всего 94 самолета «Илья Муромец», и то двигатели и приборы были импортные. На русских эсминцах, крейсерах и линкорах стояли немецкие и шведские турбины, английские гирокомпаса и дальномеры…

Общее состояние экономики и образованности народа, безусловно, напрямую влияло на состояние армии, которая после окончания русско-японской войны 1904–1905 гг. нуждалась в основательном реформировании. На поверку выяснилось, что под одним и тем же названием скрывались совершенно неоднородные подразделения, части и соединения. Пехотные роты по своему составу делились на 11 видов и имели от 100 до 300 солдат. Число рот в пехотных батальонах было не одинаковым. Полки были следующих типов: пехотные, стрелковые, гвардейские, резервные, крепостные, отдельные, причем в одних полках было по два батальона, в других – по четыре. В округах размеры однотипных частей также разнились. Так, четырехбатальонные полки на Дальнем Востоке были сильнее таких же полков в

Европейской России. Двухбатальонные полки в Финляндии качественно отличались от двухбатальонных полков в Закавказье и т. д.

Совет Государственной обороны практически ничего не делал конкретного для изменения положения дел и в конце 1908 года был распущен, а начальник Главного управления Генерального штаба генерал Палицын – заменен генералом В. А. Сухомлиновым, командовавшим до того войсками Киевского округа. Выяснилось, что за три с половиной года самостоятельного существования Главного управления Генерального штаба не было составлено даже плана работ. Сдача дел выразилась в том, что генерал Палицын передал генералу Сухомлинову ключ от пустого ящика своего стола. «Когда же я попросил программу по обороне, – вспоминал Сухомлинов, – он трагически указал пальцем на свой лоб».

Военным министром был назначен генерал Редигер, который, вместо того чтобы заняться армией, начал откровенно заигрывать с различными политиками. Это сослужило ему плохую службу, и вскоре он был вынужден подать в отставку.

11 марта 1909 года новым военным министром был назначен В. А. Сухомлинов. Историк Кирсновский пишет: «Человек, не лишенный способностей, генерал Сухомлинов отличался властолюбием и вместе с тем поразительным легкомыслием. Своей бодростью и неизменным оптимизмом он нравился Государю и импонировал ему. Сухомлинов всегда был в натянутых отношениях с великим князем Николаем Николаевичем. С крушением Совета Государственной обороны и выдвижением Сухомлинова вражда между этими двумя одинаково властолюбивыми и одинаково завистливыми людьми перешла в открытую ненависть. На фоне этой ненависти и борьбы двух течений – поверхностно-новаторского великокняжеского и ретроградно-бюрократического сухомлиновского – и прошли для русской армии последние пять лет перед мировой войной.

Уже 3 августа 1909 года состоялось первое заседание Особого совещания. Оно заседало пять месяцев. Результаты его работы были доложены правительству 25 февраля 1910 года. В течение ближайших 10 лет новые ассигнования на армию и флот предполагалось делить почти поровну: 715 млн рублей на армию (из них почти половину – 373 млн – на крепости, 114 млн на строительство стратегических шоссе и только 81 млн рублей на тяжелую артиллерию) и 698 млн рублей на флот (из них 614 млн на Балтийский, в том числе 478,8 млн рублей на новое судостроение).

С 1 июля 1910 года русская армия переходила на новую

организацию. В результате осуществления этих мер русская армия приобрела значительно более стройную организацию. Несколько улучшалась организация артиллерии.

Нельзя сказать, что это было исключительно заслугой Сухомлинова, его активно поддерживали и другие генералы. Так, в мае 1910 года с протестом против увлечения маринизмом выступил генерал Куропаткин. В сентябре он написал и разослал членам правительства подробную «Записку по вопросу об ассигновании Военному и Морскому министерствам кредитов на неотложные нужды». В ней он утверждал, что если «будут отпускаться на флот суммы, не соответствующие важности для обороны государства морской силы, то эти отпуски неизбежно отразятся на ослаблении сухопутной армии, составляющей главную силу России». В то же время Куропаткин критиковал и Военное министерство за увлечение развитием крепостей и стратегических шоссе. Основная часть средств, отпущенных на армию, должна была, по его мнению, использоваться на развитие артиллерии, авиации, организацию автомобильного дела и увеличение оснащенности армии инженерным имуществом.

В период 1909–1910 гг. Сухомлиновым был произведен ряд важных реформ. Но прежде всего он добился того, что Главное управление Генерального штаба было подчинено военному министру. Также было осуществлено упрощение организации войск, усиление их материальной части. При этом, в предвидении скоротечного характера будущей войны, основное внимание было сосредоточено на реорганизации пехотных дивизий и полков с целью повышения их боевых возможностей.

Были внесены существенные изменения в стратегический план войны на Западе. Так, основной ареной для стратегического развертывания войск на случай войны были определены не передовой Варшавский военный округ, а другие округа, находившиеся несколько глубже. По плану Сухомлинова, в так называемом «19-м расписании» 1910 года Варшавский военный округ, как неудобный для развертывания, отдавался врагу без боя. Благодаря этому становилась ненужной система дорогостоящих и неэффективных приграничных крепостей. Правда, на практике этот проект имел сильное противодействие со стороны ряда старых генералов и в последующие годы привел к компромиссу: одни крепости упразднялись, другие оставлялись. Имевшиеся девять крепостных пехотных полков были сведены в семь полевых пехотных дивизий. Таким образом, вся пехота была сведена к основным типам 16-батальонной пехотной дивизии и 8-батальонной стрелковой бригады. Учреждены были новые армейские корпуса.

К 1914 году пехота состояла из 70 дивизий и 22 отдельных бригад. Из дивизий три были гвардейскими, 52 пехотными, остальные – Кавказскими гренадерскими и Сибирскими стрелковыми. Из бригад: гвардейская стрелковая, пять армейских, четыре Финляндские, две Кавказские, шесть Туркменских, одна пластунская и три Заамурской пограничной стражи. Всего в этих формированиях насчитывалось 357 полков и 1294 батальона. Пропорция пулеметов у нас была та же, что и в европейских армиях: два на батальон, а в стрелковых полках двойная – четыре на батальон.

Перед войной русская конница насчитывала 24 конные дивизии (две гвардейские, пятнадцать Кавказских кавалерийских, одна Донская, одна Сводно-казачья, три Кавказские казачьи и одна Туркестанская казачья), а также 8 отдельных бригад и 12 отдельных полков. В составе этих формирований насчитывалось 129 полков. Кроме того, было еще 12 различных конных дивизионов и 16 отдельных казачьих сотен.

Правда, в устройстве кавалерии были допущены серьезные ошибки. В 1910 году были упразднены учрежденные в 1906 году четыре кавалерийских корпуса, что негативно сказалось в ходе Первой мировой войны. Жестоким промахом всей организации стало полное отсутствие войсковой конницы, способной вести разведку в интересах пехотных дивизий и корпусов.

Повышалась огневая мощь частей и соединений. Уже к концу войны с Японией при каждой пехотной и конной дивизии была сформирована пулеметная команда из 8 пулеметов Максима на колесном лафете. В 1907 году такую пулеметную команду получил каждый пехотный либо стрелковый полк из расчета четыре пулемета на батальон. Дивизионные пулеметные команды оставлены только в коннице.

В 1910 году на вооружение полевой артиллерии были введены 48-линейные мортиры. Каждый корпус получил по мортирному дивизиону в составе двух батарей по 6 орудий каждая. Обращено, наконец, внимание и на горную артиллерию. Эффективной в стрельбе и транспортировке 3-дюймовой горной пушкой были снабжены стрелковые дивизионы 22-го армейского корпуса и все кавказские корпуса. В 1, 4 и 5-м Сибирских корпусах Приамурского округа были образованы третьи дивизионы артиллерийских бригад, каждый по две батареи (8 горных пушек).

Артиллерию в дальнейшем предполагалось значительно усилить, введя мортирные дивизионы в состав полевых артиллерийских бригад, а тяжелую артиллерию – в состав армейских корпусов. В связи с этим в 1913 году в Одессе было

открыто Сергиевское артиллерийское училище, специально предназначенное для подготовки офицеров тяжелой артиллерии.

В войска для управления начал поступать искровой телеграф. Начала зарождаться, несмотря на скептическое отношение к этому, военная авиация. Благодаря великому князю Александру Михайловичу были открыты школы для подготовки военных летчиков-офицеров в Гатчине и на реке Каче в Крыму. Предполагалось при каждом корпусе иметь авиационный отряд в 4–6 самолетов. К началу войны в русской армии уже было 39 отрядов, на оснащении которых состояло 216 разнообразных самолетов и 221 летчик.

В осенний призыв 1913 года, ввиду возможности войны, было призвано 580 000 человек. Одновременно демобилизация лиц, призванных в 1910 году и подлежащих увольнению в запас, была задержана на 6 месяцев. В результате этого к весне 1914 года под ружьем находилось 2 230 000 человек. Правда, весной этого же года в связи с промахами русской разведки в отношении истинных намерений Германии призыв 1910 года был уволен в запас.

Нужно сказать, что в то время в Российской империи существовала достаточно хорошо продуманная система резервов. Каждый увольнявшийся солдат тут же приписывался в полку второй очереди. Было намечено формирование 35 дивизий второй очереди, что с имевшимися первоочередными давало 105 пехотных дивизий и 18 стрелковых бригад.

Русская военная мысль предвоенного времени характеризовалась тремя направлениями.

Основу первого составляли старые генералы, многие из которых занимали высшие места в военной иерархии, несмотря на то что были противниками новых теорий ведения войны. К сожалению, к числу их относился и сам Сухомлинов, который похвалялся, что «двадцать лет не брал в руки ни одной книги по военному делу».

Памятником рутинерства в русской военной мысли стал Полевой устав 1912 года. Характерной его особенностью было прежде всего игнорирование встречного боя. Все операции классифицировались на «наступательные» либо «оборонительные». При ведении «наступательного» боя уделялось излишнее внимание тщательному выяснению обстановки (вообще в маневренном бою невозможному) и сказывалось стремление руководить действиями противника. Первое влекло к потере времени, ослаблению энергии, проволочкам и трениям при отдаче, передаче и выполнении приказаний. Второе грозило подчинить наши действия воле неприятеля. В «оборонительном»

бою главная роль отводилась передовой линии, которая и насыщалась войсками. О каких-либо маневрах силами и средствами в ходе операций не было сказано ни слова.

Военачальнику предписывалось действовать, сообразуясь с действиями противника, т. е. полностью уступая ему инициативу. Поэтому задачи ставились не так, как того требовали наши интересы, а так, чтобы лучше реагировать на действия противника. В результате отказ от инициативных действий приводил к подчинению воле неприятеля, переоценке врага, недооценке в то же время собственных сил.

Другую группу составляли так называемые «младотурки» – группа военачальников и преподавателей военных академий, которые всецело ориентировались на новейшие достижения западной военной науки, не делая при этом учета на особенности России. Возглавляли ее начальник Императорской военной академии Генерального штаба генерал Д. Г. Щербачев, а входили полковники Н. Н. Головин, А. А. Свечин и ряд других. Этому движению сочувствовал даже великий князь Николай Николаевич (Младший).

Командующий 7-й армией генерал Д. Г. Щербачев.

Однако «младотурецкое» движение встретило яростный отпор со стороны представителей первой группы. Борьба закончилась полным разгромом Императорской военной академии Генерального штаба Сухомлиновым в 1913 году, смещением крамольных профессоров и запрещением думать иначе, чем по раз и навсегда установленному казенному шаблону. «Младотурки» были загнаны в подполье, но идеи их постепенно стали захватывать все более широкие круги.

Третью группу составляли сторонники формирования теории русского национального военного искусства, т. е. с учетом

особенностей России, ее истории и ее народа. Основу этой группы составляли генерал А. З. Мышлаевский и полковник И. В. Баиов. Но для реализации этих теорий нужна была мощная поддержка, и прежде всего со стороны военного министра.

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (Младший), 1914 г.

О деятельности А. А. Брусилова в должности командира 12-го армейского корпуса оставил свои воспоминания начальник штаба этого корпуса генерал К. И. Адриади. Правда, нужно учитывать два факта: во-первых, что свои воспоминания он писал, уже находясь в эмиграции, во-вторых, в конце апреля 1914 года, когда

началась непосредственная подготовка в войне, Адриади был назначен командиром 27-й пехотной дивизии и уехал из Винницы в Вильно. Тем не менее, определенное время тесно проработав с Брусиловым, он пишет:

«Первое впечатление, произведенное на меня Брусиловым, было хорошим, и разочароваться в нем мне не пришлось. Очень недюжинного ума, всесторонне образованный, начитанный, прекрасно знакомый с военным делом, он не увлекался какими-либо отдельными отраслями последнего или предвоенным взглядом. Очень большое значение он придавал подготовке старшего командного состава и офицеров вообще, а потому налегал на военные игры и полевые поездки. За время моей с ним службы он руководил корпусной поездкой, и, надо отдать справедливость, очень толково, умело и интересно.

Будучи всегда корректен с подчиненными, никогда не повышая голоса, он производил впечатление некоторой сухости, но впечатление это не было вполне правильно. Резче всего сухость его характера могла бы проявиться при аттестациях, но именно в них он во многих случаях проявлял, может быть, даже излишнюю мягкость. С офицерами в младших чинах он держал себя строго официально, за что у них особыми симпатиями не пользовался, и они считали его высокомерным. Объясняется это, может быть, тем, что манера Брусилова держать себя с офицерами представляла собой резкий контраст с манерой его предшественника Карганова, у которого простота общения и доступность иногда заходили даже слишком далеко.

По своим политическим взглядам Брусилов производил впечатление монархиста. У него в кабинете стена против письменного стола была сплошь увешана портретами государя и особ царской семьи, большинство с собственными ручными (собственноручными. – *Авт.*) подписями лиц, на них изображенных, и мне неоднократно приходилось слышать, что эту стену он считает наиболее драгоценным из всего, что имеет»[4].

В апреле 1914 года в Киеве была проведена военная игра, которой руководил военный министр Сухомлинов. Безусловно, командир 12-го армейского корпуса был приглашен на эту игру. Более того, в ходе военной игры всегда разыгрывались варианты действий сторон, исходя из сложившийся на то время военно-политической обстановки. Это говорит о том, что Брусилов, как командир соединения, нацеленного для удара по Австро-Венгрии, безусловно, во время игры получил дополнительные указания на этот счет. Также надо учесть тот факт, что в апреле 1914 года, после завершения Киевской военной игры, в состав 12-го

армейского корпуса дополнительно были введены 3-я стрелковая бригада, 2-я казачья сводная дивизия и 12-й мортирный артиллерийский дивизион. В связи с этим корпус стал одним из самых мощных общевойсковых соединений Киевского военного округа.

Правда, надо признать, что сам Брусилов мало занимался всеми этими проблемами. Решив набраться сил и веря в то, что война начнется не ранее 1915 года, летом 1914-го он вместе с женой выехал на отдых за границу, в Германию, в Киссинген, где они «пили воду, купались и гуляли». И только в последний день отдыха, уже перед самым отъездом, Брусиловы, прогуливаясь по местному парку, были поражены необычным зрелищем. Сам Брусилов это описывает следующим образом:

Супруги Брусиловы во время отдыха на курорте (начало лета 1914 г.).

«В тот памятный вечер весь парк и окрестные горы были великолепно убраны флагами, гирляндами, транспарантами. Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветниками, была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане возвышался Василий Блаженный. Нас это

очень удивило и заинтересовало. Но когда начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших «Боже, царя храни» и «Коль славен», мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, посыпаясь со всех сторон на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренялись и валились наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского «1812-й год». Мы были поражены и молчали в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот фейерверка, загремела немецкий национальный гимн»[5].

Таким образом, к началу Первой мировой войны генерал Брусилов подошел в должности командира армейского корпуса, нацеленного против Австро-Венгрии. Безусловно, он знал задачи этого корпуса по оперативному плану Генерального штаба и штаба Киевского военного округа. Корпус по своему составу представлял достаточно мощное общевойсковое соединение. В то же время сам Алексей Алексеевич, несмотря на смену начальников штабов, последние предвоенные месяцы провел на отдыхе за границей, в Германии, которая через несколько недель стала одним из главных противников России.

Работа Генеральных штабов России и Германии

Германия к большой войне в Европе, в том числе и против России, готовилась давно и основательно. Первым западным специалистом, выделившим начальный период войны, по праву можно считать германского военачальника и теоретика генерал-фельдмаршала графа Альфреда фон Шлиффена (1833–1913).

Шлиффен разработал теорию ведения «скоротечной наступательной войны». В этом плане он, во-первых, рассматривал превентивную войну как обязательное условие решения поставленных военно-политических задач. Во-вторых, он был сторонником крайне ограниченных сроков для решения этих задач. Он писал: «Начавшись весной, война до осеннего листопада должна быть окончена полной победой над противником, и военная машина, требующая миллионов на свое содержание, не может долго стоять… Мы должны изыскивать возможность быстро разгромить и уничтожить врага».

Шлиффен выделил начальный период войны в особый период, не похожий на все другие. Он писал, что война не может начаться стихийно, а является заранее подготовленным актом, требующим создания определенных условий.

В своем меморандуме, известном как «План Шлиффена», он изложил проект плана ведения операций в начальном периоде войны. Разработке этого плана он уделял особое внимание. Он считал, что своевременное сосредоточение, оперативно-стратегическое развертывание, внезапность действий и относительное качественное превосходство германских вооруженных сил над сравнительно более низкими боевыми качествами вооруженных сил противника принесут успех первым.

Важнейшим условием успешного ведения скоротечной войны он считал внезапность и мощь первоначального удара. Он писал, что «преимущество будет за тем, кто первым нанесет удар» и что «первый удар должен быть нанесен всеми силами» и он должен обеспечить достижение «решающего и сокрушительного успеха».

Представляют интерес взгляды Шлиффена на стратегическую операцию в целом. Он видел ее как сумму взаимосвязанных целями отдельных боев даже при отсутствии непосредственной тактической связи войск друг с другом. Он писал: «Не обязательно, чтобы вся масса войск была сосредоточена на одном поле сражения… Речь должна идти не о соприкосновении частей на местности, а об их внутренней связи, необходимой для того,

чтобы на одном поле сражения боролись за победу на другом».

Как способ разгрома противостоящих группировок противника в начальном периоде войны Шлиффен рассматривал их глубокий обход и окружение с последующим уничтожением. Он писал: «Простое наступление на неприятельский фронт, может, удастся, но результат, достигнутый таким наступлением, окажется весьма ограниченным. Неприятеля, правда, оттеснят, но спустя некоторое время он возобновит сопротивление в другом месте, и кампания затягивается… Чтобы добиться решительного и сокрушительного результата, необходимо вести наступление с двух или трех сторон, то есть с фронта и с одного или с обоих флангов… Вместо того чтобы нагромождать резервы позади фронта, которые пребывают в бездействии и не попадают к решительному пункту… они должны быть сразу введены в дело для флангового наступления. Чем больше сил будет привлечено к операции, тем решительнее совершится наступление».

Важно то, что Шлиффен не только предлагал проведение охватывающей операции стратегического масштаба, но и многое делал для практической ее подготовки. Так, в период руководства им Большим Генеральным штабом на военных играх и полевых поездках неоднократно отрабатывались способы окружения и пленения армий противника численностью до 600 тыс. человек.

Представляют интерес взгляды Шлиффена на роль и место укрепленных районов (крепостей) в операциях начального периода войны. Он указывал, что «современные большие крепости не имеют целью способствовать оборонительным операциям, напротив, они предназначены сделать к наступлению даже численно более слабые силы, давая возможность войсковым соединениям, пользующимся крепостями, наносить внезапные удары в самых различных направлениях и прикрывая их фланги и тыл».

Принципы оперативной доктрины Шлиффена в отношении начального периода войны нашли отражение в его последнем официальном меморандуме, который он начал составлять в конце декабря 1905 г., а полностью завершил над ним работу в феврале 1906 г., уже находясь в отставке. Этот меморандум, известный как «План Шлиффена», и был передан новому начальнику Большого Генерального штаба Германии генералу Мольтке-младшему.

Шлиффен придавал исключительное значение изучению боевого опыта и уроков военной истории. Он писал: «В эпоху массовых армий и длительных периодов мира нельзя ограничиваться посещением учебных плацов и маневренных полей. Нам приходится теперь уходить в прошлое и искать опыта, в котором нам отказывает современность, в тех событиях,

которые происходили недавно или очень давно».

Таким образом, теоретические взгляды Шлиффена на войну, безусловно, были передовыми для своего времени. Их ценность состояла в том, что был четко выделен начальный период войны, сформулированы цели и предъявлены требования к операциям начального периода войны, определены наиболее эффективные способы разгрома противника в этих операциях.

В то же время взгляды Шлиффена были не лишены и определенных недостатков.

Первый из них заключался в том, что Шлиффен допускал ведение войны Германией одновременно на два фронта, на Западе и на Востоке.

Для проведения стратегической наступательной операции Шлиффен предлагал создавать ударную и сковывающую группы войск. При этом он рекомендовал три подвижных (кавалерийских) дивизии иметь в составе первого эшелона последней, что, безусловно, затрудняло их использование для немедленного развития успеха в глубине.

В своих планах операций Шлиффен совершенно не рассматривал вопросы материально-технического снабжения наступающих войск, при том, что эти операции должны были вестись на большую глубину и в высоких темпах.

Россия также всегда готовилась к ведению войны на Западном театре. Разработка первых планов традиционно приписывалась военным министрам и начальникам Главного штаба. Первый такой план начали разрабатывать с 1873 года, сперва под руководством военного министра Милютина. Однако первый стратегический план войны был составлен Обручевым в 1880 году и подвергся некоторым изменениям в 1883 и 1887 годах. Но основная его идея сводилась к тому, что русская армия, используя выгодное географическое положение вдававшегося в глубь вражеских земель Царства Польского (Передовой театр) и опираясь на продуманную систему крепостей, должна будет нанести мощный удар по сообщениям противника. По этому плану удар по германцам наносился из Буго-наревского района в тыл Восточной Пруссии, а по австрийцам – вдоль берегов Вислы в тыл Восточной Галиции. При этом главный удар наносился против Австро-Венгрии. Особенно четко была выражена идея удара по австрийцам в плане 1887 года.

В последующие годы главный удар постепенно начал перемещаться на российско-германский фронт. Так, по планам 1890 и 1892 годов, несмотря на то что удар против австрийцев оставался главным, сила удара против немцев начала возрастать.

В 1900 году военный министр генерал Куропаткин составил

новый план (18-е расписание), согласно которому еще больше стали наращиваться силы против Германии. Но при этом основная идея плана осталась прежней – главный удар должен был наноситься по австрийцам.

Противником этого плана выступил генерал М. И. Драгомиров, который считал, что главный удар необходимо наносить по Германии как по наиболее опасному врагу. При этом он предлагал его нанести из Польши по кратчайшему направлению прямо на Берлин. Но решительность Драгомирова испугала робкую и половинчатую натуру генерала Куропаткина, и стратегический план войны был оставлен без существенных изменений.

В 1902 году было санкционировано деление вооруженной силы на «фронты», названные сперва – по противникам – Германским и Австрийским, затем – географически – Северо-Западным и Юго-Западным. Во главе первого был поставлен великий князь Николай Николаевич при начальнике штаба генерале Палицыне, во главе второго – генерал Куропаткин с начальником штаба генералом Сухомлиновым. При этом великий князь был сторонником оттягивания стратегического развертывания назад, в глубь Белоруссии, но осенью 1903 года Куропаткину все же удалось уговорить Николая II оставить в силе «милютинские соображения» и развертывание войск в Польше.

Военный министр Сухомлинов Владимир Александрович.

В начале XX века разработка планов войны возлагалась на Генеральный штаб, который являлся высшим органом управления сухопутными войсками Российской империи. В своем развитии он прошел достаточно сложный путь и в 1905 году под названием «Главное управление Генерального штаба» (ГУГШ) был выделен, по примеру Германии, в самостоятельный орган во главе с независимым от военного министра начальником (с правом, как и военный министр, личного доклада императору). Начальником Генерального штаба с 1905 по 1908 год был генерал Ф. Ф. Палицын. За Военным министерством было оставлено в основном

решение административно-хозяйственных вопросов, включая использование кредитов. Все же остальные стали прерогативой Генерального штаба.

Рабочим органом начальника Генштаба являлось управление генерал-квартирмейстера, которое и занималось вопросами разработки планов войны.

Тогда же из Главного штаба в Генеральный штаб были переданы управления 2-го генерал-квартирмейстера (без Мобилизационного отдела), Военных сообщений и Военно-топографическое.

В 1908 году Генштаб (ГУГШ), возглавляемый генералом В. А. Сухомлиновым, был возвращен в состав Военного министерства, а начальник Генерального штаба был подчинен военному министру.

В том же году генералом М. В. Алексеевым была разработана записка об инженерной подготовке театра военных действий в войне. В ней он указал, что Польша в этом отношении является «самым слабым местом» и не годится для мобилизационного развертывания войск.

Тогда же появился еще один стратегический план полковника Ю. Н. Данилова – тогда 1-го квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, – легший затем в основу всех последовавших наших планов. Он считал, что Германия, направив все свои армии на Россию, выберет для этого район к северу от Полесья, куда и будут переброшены войска австрийцев. Поэтому управление Юго-Западного фронта упразднялось, и почти все дивизии предлагалось сосредоточить в район Свенцяны – Барановичи. При этом за 1-й и 2-й армиями стояли 4-я и 5-я, а вся Польша отдавалась врагу без выстрела. Никакой задачи армиям не ставилось, никакого маневра не указывалось. Им предписывалось «действовать по обстоятельствам», то есть их отдавали в подчинение неприятельскому главнокомандующему…

В 1909 году, в связи с назначением Сухомлинова военным министром, Генеральный штаб возглавил генерал А. З. Мышлаевский. В короткий шестимесячный период нахождения в этой должности им были разработаны «предложения о преобразовании центрального военного управления в видах устранения важнейших недостатков существовавшей организации Военного министерства», доложенные императору в ноябре 1909 года и получившие его принципиальное одобрение. Однако реализовывать эти предложения генералу не пришлось, так как вследствие интриг в Военном министерстве он был переведен в штаб наместника на Кавказе.

В конце 1909 года начальником Генерального штаба

назначается генерал Е. А. Гернгросс. В период его руководства Генеральным штабом в нем проводились реформы, начатые в рамках принятой в августе 1908 года программы военных преобразований, направленных на повышение боеготовности армии. В соответствии с новым положением, объявленным 1 (14) октября 1910 года приказом по военному ведомству № 496, Главное управление Генерального штаба, вновь вошедшее к этому времени в состав Главного штаба, перешло на новую организационно-штатную структуру. При начальнике Генерального штаба был создан специальный комитет для обсуждения важнейших вопросов, имевших отношение к боевой готовности армии. В его ведение перешли офицеры Генерального штаба, несшие службу в войсках. Начальнику Генерального штаба были подчинены Николаевская академия Генерального штаба и Военно-топографическое училище. Тогда же из Главного штаба в Генштаб (ГУГШ) была передана Генерал-квартирмейстерская часть по устройству, расквартированию и службе войск.

Под давлением Гернгросса в сентябре 1910 года план Ю. Н. Данилова был принят за основу.

Однако Е. А. Гернгросс, не имея серьезного опыта штабной работы, не пользовался большим авторитетом среди подчиненных и мало влиял на суть проводимых реформ. Работавший в то время в ГУГШ начальником мобилизационного отдела генерал А. С. Лукомский вспоминал: «Гернгросс… службы Генерального штаба совершенно не знал; с административными вопросами не был знаком… Он был хороший строевой начальник, безукоризненно порядочный и умный человек, но для должности начальника Генерального штаба он был совершенно не подготовлен». Освобожден от должности в феврале 1911 года.

Новым начальником Генерального штаба был назначен генерал Я. Г. Жилинский. Тогда мир уже стоял на пороге Первой мировой войны. США, Германия и Япония, позже других государств Европы вступившие в стадию империализма, стали быстро теснить с мировых рынков Англию и Францию. Стремительно шло вперед экономическое и индустриальное развитие России. Это привело к резкому обострению международной обстановки и конфронтации двух мощных военно-политических блоков – Тройственного союза, куда вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия, и Антанты в составе Англии, Франции и России. Шла лихорадочная подготовка к войне.

Лукомский А. С., начальник штаба Верховного главнокомандующего (июнь – август 1917)

Напряженно работал в это время Генеральный штаб Вооруженных сил России. Одним из направлений его деятельности стало согласование планов войны России и Франции против Германии и Австро-Венгрии. Но план, предложенный Ю. Н. Даниловым, в штабах округов вызвал единодушные протесты, а на совещании начальников штабов военных округов, которое проходило в феврале 1912 года, он был

вообще признан невозможным. Особенно против него возражал генерал Алексеев, в то время начальник штаба Киевского военного округа, который считал, что к тому времени русская армия достаточно усилилась для того, чтобы действовать наступательно. По его мнению, против Германии следовало иметь не более шести корпусов, а все остальные силы двинуть на Австро-Венгрию.

Главному управлению Генерального штаба пришлось уступить. Выработка новых основ плана развертывания была поручена комиссии генерал-квартирмейстеров окружных штабов во главе с генералом Постовским.

Комиссия генерала Постовского пришла к необходимости нанести главный удар по Австро-Венгрии, при том, что признавалось необходимым восстановить управление обоих фронтов и иметь на всякий случай вариант для парирования германского наступления.

1 (14) мая 1912 года императором были утверждены «Указания командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза». В соответствии с этими Указаниями перед армиями Северо-Западного фронта ставилась задача нанести поражение германским войскам и овладеть Восточной Пруссией. Перед армиями Юго-Западного фронта (4, 5 и 3-й) ставилась задача нанести поражение австро-венгерским войскам, воспретив им отход за Днестр и на Краков. В качестве ближайших задач этих армий рассматривались разведка противостоящего противника, прикрытие мобилизации и общего сосредоточения войск армии, а также подготовка наступления по одному из направлений[6].

В августе 1913 года в Красном Селе, что под Петербургом, состоялось девятое с 1892 года совещание начальников Генеральных штабов союзных государств – Франции и России. Третий раз в его работе участвовали генерал Ж. Жоффр от Франции и генерал Я. Г. Жилинский от России. На этом совещании вопрос о взаимодействии союзников был центральным. Было подтверждено мнение глав союзных штабов, что Германия первоначально направит большую часть сил против Франции, оставив лишь незначительную часть против России. Генерал Жоффр заявил, что Франция введет в сражение на своей границе почти все свои силы, общее число которых составит полтора миллиона человек, что будет на двести тысяч человек больше, чем предусматривалось текстом конвенции 1912 года. Сосредоточение на границе планировалось закончить на десятый день, наступательные действия начать утром одиннадцатого дня. Генерал Жилинский со своей стороны отметил, что Россия введет

в действие против Германии группировку численностью около восьмисот тысяч человек. Сосредоточение действующих войск предполагалось закончить по просьбе союзников на пятнадцатый день мобилизации, несмотря на то что, по расчетам военных специалистов России, это можно было сделать не ранее чем на восемнадцатый день.

Во время встречи было принято соглашение о наиболее выгодном направлении удара русских войск против Германии. Наступление представлялось начать в полосе от Нарева на Алленштейн (в случае сосредоточения немцев в Восточной Пруссии) или прямо на Берлин (если бы немецкое командование сосредоточило свои главные силы в районе Торн, Познань). Принятое обязательство стесняло стратегическую свободу российского высшего военного командования в распределении своих сил. Некоторые государственные деятели, в частности начальник Главного штаба и председатель Военно-учебного комитета генерал от инфантерии Н. Н. Обручев, увидев эту ошибку при подписании конвенции в 1892 году, обращаясь к военному министру и императору, писали: «Мы должны сохранить за собою свободу распределять так свои войска, чтобы нанести решительный удар армиям Тройственного союза. Может быть, для достижения сей цели нам прежде всего придется направить главные силы против Германии, как опаснейшего и сильнейшего противника, но, может быть, представится еще более выгодным сокрушить как можно скорее Австрию, чтобы затем легче справиться с изолированной Германией. Нам надо сохранить за собой безусловную свободу действий и потому в вопросе о совместных с Францией операциях, кажется, наилучшим будет ограничиться лишь общим обязательством в случае нападения одной из держав Тройственного союза на Францию, тотчас же мобилизовать свою армию и начать военные действия против ближайших нам держав сего союза – Германии и Австрии, требуя с французской стороны соответственного обязательства». Эта точка зрения, известная Якову Григорьевичу и представлявшаяся ему целесообразной, под воздействием генерала Жоффра была отвергнута.

На встрече последовало изложение общих основ сосредоточения и группировки французских и русских армий против Германии. Представители держав согласились относительно необходимости направить удар в сердце неприятельской страны. Было признано разумным сосредоточить силы таким образом, чтобы быть в состоянии действовать либо против сил противника в Восточной Пруссии, либо идти на Берлин по операционной линии к югу от этой провинции. Не

отрицая необходимости для России держать многочисленные силы против Австрии и Швеции, генерал Жоффр считал, что поражение Германии значительно облегчит операции русских армий против других держав Тройственного союза. Он полагал необходимым добиться уничтожения с самого начала Вооруженных сил Германии. С этой целью возникла задача ускорить мобилизацию и сосредоточение союзных армий. На русском фронте это было связано с проблемой железных дорог. Из объяснений Якова Григорьевича выяснилось, что некоторые из работ, намеченных на совещании начальников штабов в прошедшем году, уже выполнены. Участок Жабинка-Брест учетверен. Удвоены колеи участков Брянск-Гомель, Лунинец-Жабинка, Орел-Варшава. Предполагается постройка новой двухколейной линии Рязань-Тула-Варшава. На совещании было намечено проведение второй колеи на участках Батрики-Пенза-Смоленск, Ровно-Барановичи и Лозовая-Полтава-Киев-Сарны. Было признано желательным перешить на европейскую колею железных дорог на левом берегу Вислы, а также увеличить количество мостов через эту реку в Варшавском районе.

На совещании обсуждался вопрос о ведении военных действий. Было признано совершенно необходимым для союзных армий добиться как можно скорее решительного успеха. Не без оснований считалось, что неудача французских армий в начале войны позволит Германии перенести на свою восточную границу часть сил, которые продолжали бы сражаться против Франции. Если же французские армии смогут одержать верх над силами, выставленными против нее Германией, то этот успех облегчит операции русских армий, так как Германия не будет в состоянии перенести свои войска с Западного фронта на Восточный. Высказывалось мнение поэтому, чтобы французские армии обладали значительным численным превосходством над германскими силами на западе. Это условие считалось выполненным, если Германия будет вынуждена охранять свою восточную границу значительными силами. Исходя из этих соображений, генерал Жоффр полагал, что было бы выгодно для обеих армий, чтобы группировка русских сил в Варшавском округе уже в мирное время предоставляла для Германии прямую угрозу. В этой связи последовало заявление генерала Жилинского, что новый проект организации русской армии предвидит формирование армейского корпуса в Варшавском районе.

В конце совещания было определено, что связь между штабами будет осуществляться по уже отлаженному каналу через Англию, с которой имеется соглашение по данному вопросу.

Совещание союзников, таким образом, прошло под давлением начальника Главного штаба Франции генерала Жоффра. Он смог подчинить решение ключевых вопросов интересам своего государства, что нельзя сказать о генерале Жилинском, которого многие в высших правительственных и военных кругах напрямую обвиняли в «близорукости».

25 сентября (8 октября) 1913 года императором были утверждены новые «Основные соображения по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами Тройственного союза», разработанные Главным управлением Генерального штаба. Согласно этим соображениям 3-я армия, как слишком громоздкое по своему составу объединение, была разделена на две – собственно 3-ю армию (11 пехотных и 4 кавалерийские дивизии) и 8-ю армию (9 пехотных и 5 кавалерийских дивизий). При этом было определено, что 8-я армия с началом войны должна будет вести разведку противника к югу от дороги Базалия, Ожоговцы, Тарнополь и готовить наступление на фронте Тарнополь – Чертков в общем направлении на Львов[7].

В начале 1914 года умер варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант генерал от кавалерии Г. А. Скалон. Я. Г. Жилинский был освобожден от должности начальника Генерального штаба и назначен на освободившуюся должность. Новым начальником Генерального штаба российской Императорской армии был назначен генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич, не имевший ни должных знаний, ни необходимого опыта для работы в такой должности.

Поэтому неудивительно, что основную роль в вопросах стратегического планирования военных действий играл начальник Главного управления Генерального штаба (генерал-квартирмейстер) генерал-лейтенант Ю. Н. Данилов (Черный). В основе стратегического плана по-прежнему лежала идея нанесения двух мощных охватывающих ударов с целью окружения и разгрома всей группировки противника (большие «Канны»). При этом Данилов и его помощники не учитывали так называемый человеческий фактор – состояние командования, в том числе австро-венгерскими войсками и войсками Юго-Западного фронта.

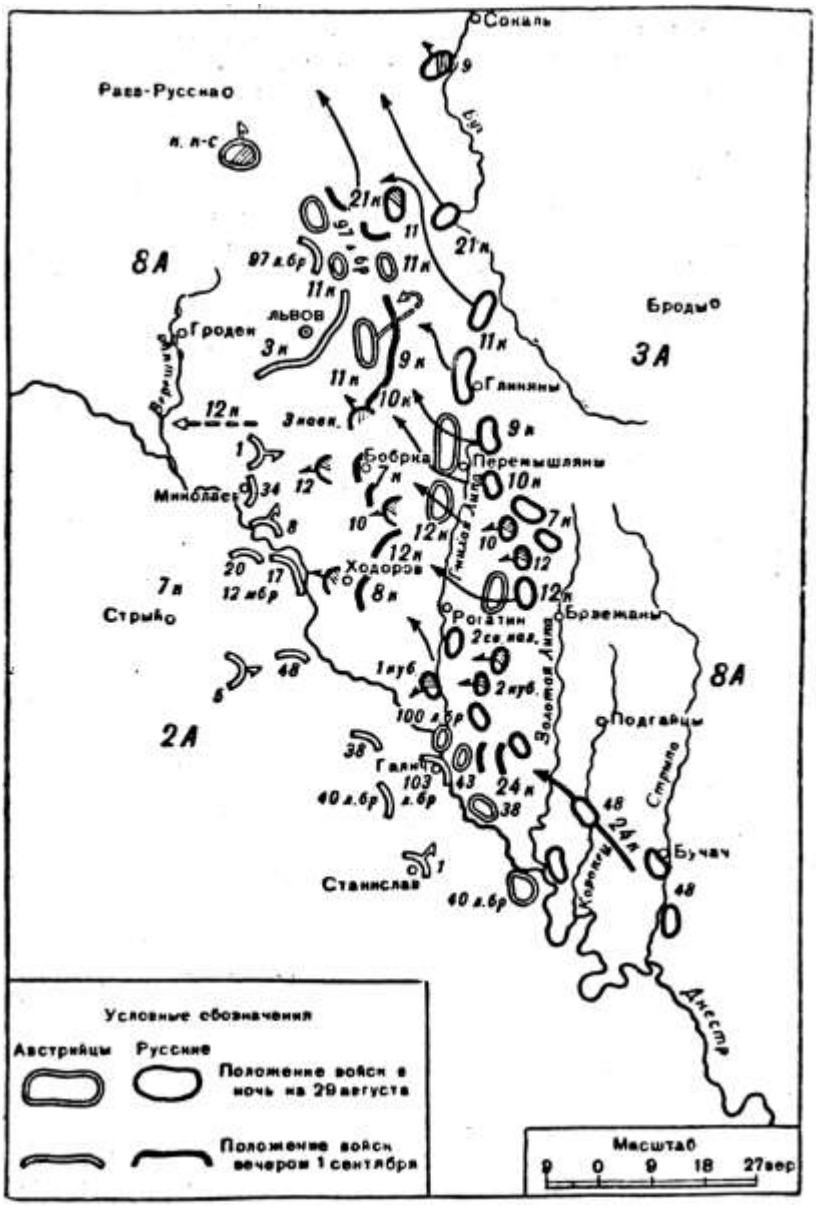


Схема 1. Развертывание сторон на Восточноевропейском и Балканском театрах войны.

Командующим фронтом по штатному расписанию должен был стать командующий войсками Киевского военного округа генерал от артиллерии Н. И. Иванов, а начальником штаба фронта – генерал М. В. Алексеев. Им противостоял в качестве главнокомандующего австро-венгерскими армиями эрцгерцог Фридрих, при котором начальником штаба был генерал Конрад фон Гетцендорф.

Генерал Н. Н. Головин, характеризуя этих людей, пишет, что по своим профессиональным качествам Иванов и Алексеев уступали противнику. Если личность первого в военном отношении являлась незначительной, то относительно генерала Конрада сказать этого ни в коем случае нельзя. Генерал Конрад долгое время до войны являлся выдающимся начальником Генерального штаба австро-венгерской армии, и появление его в роли начальника штаба австро-венгерского главнокомандования, при условии что пост главнокомандующего будет иметь по преимуществу почетное значение, не могло быть ни для кого секретом. Таким образом, базировать свое решение дать сражение в форме «Канн» на ничтожности неприятельского главного командования изначально было ошибочным. На этом основании Н. Н. Головин делает вывод о том, что «Главное управление русского Генерального штаба не имело никакого основания»[8].

Ошибался русский Генеральный штаб и в отношении соотношения сил и средств в полосе действий Юго-Западного фронта. Они превосходили противника только по количеству кавалерии. Но Данилов считал, что «Россия имела все основания рассчитывать восполнить недостающую численность своих войск их доблестью»[9].

При этом русское командование ошибочно было убеждено, что сможет упредить противника в развертывании войск в начале войны. При этом расчеты делались на том основании, что «судьбе было угодно, чтобы в руки нашего ГУГШ (Главного управления Генерального штаба. – *Авт.*) попали в 1909–1912 гг. подробные сведения о намеченном австро-венгерским планом войны развертывании». На этом основании «составители нашего плана считали, что выбор «поля» предстоящего генерального сражения будет принадлежать нам»[10].

Но в последующем планы австро-венгерского командования менялись. Несмотря на это, Генеральный штаб русской армии продолжал ориентироваться на старые стратегические планы противника, даже при которых выходило, что австро-венгерская армия сможет закончить свое сосредоточение в Восточной Галиции к исходу 15-го дня мобилизации. В то же время возможности мобилизации и развертывания русских войск были значительно ниже. Так, по подсчетам выходило, что войска Юго-Западного фронта могли произвести частичное развертывание (36 пехотных дивизий) только на 25-й день после объявления мобилизации, а остальных 13 пехотных дивизий – к 40-му дню. В результате этого у военных специалистов не оставалось сомнений, что «в начале операций на Юго-Западном фронте инициатива в действиях окажется в руках наших врагов»[11].

Имелись серьезные расхождения и в определении направления главного удара. В Записке генерал-квартирмейстера Главного управления русского Генерального штаба Ю. Н. Данилова от 1 марта 1914 года высказывалось предположение, что австро-венгерская армия, сосредоточенная в Восточной Галиции, нанесет главный удар на фронте Седлец, Брест, Кобрин. Для обеспечения главного удара с юга австро-венгерские войска «постараются овладеть дубно-ровенским районом и выставить заслон на проскуровском направлении». Штаб же Киевского военного округа считал, что главный удар австро-венгерская армия нанесет именно на направлении Проскуров, Винница, Киев. «Разница в оценке обстановки порождала разницу во взглядах на наиболее целесообразный способ наших собственных действий. Местное начальство Киевского военного округа всегда настаивало на усилении 3-й и 8-й армий и оттяжке их наступления, считая более соответствующим выждать вперед австрийцев и рассчитывая встретить их короткими контрударами. Напротив ГУГШ, исходя из соображения о вероятном направлении главных усилий австрийцев к северу и учитывая опасность такого удара для наших запаздывающих в своей готовности 4-й и 5-й армий, требовало скорейшего перехода в наступление армий, развертывавшихся на территории Киевского военного округа», т. е. 3-й и 8-й[12].

Таким образом, стратегические планы русского Генерального штаба в отношении действий войск Юго-Западного фронта имели ряд серьезных недостатков, которые в случае начала войны должны были поставить перед его штабом и командующими армиями многие проблемы, от решения которых напрямую зависел успех операции.

И грянул гром…

Весть об убийстве наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда в столице Боснии и Герцеговины городе Сараево 28 июня 1914 года Брусилов получил в Киссингене – небольшом курортном городке на юге Германии, где он отдыхал и лечился вместе с женой. Надо заметить, что на отдых в Германию чета Брусиловых выезжала ежегодно. По служебным делам Алексей Алексеевич также часто бывал в Австро-Венгрии, Франции, Италии. В то время, несмотря на его высокое служебное положение, поездки за границу ему не запрещались. Правительства всех цивилизованных государств считали, что именитые иностранцы посещают их страну вовсе не для того, чтобы заниматься шпионскими делами, что было уделом чиновников более низкого ранга.

В то время в правительственных кругах европейских стран уже не было сомнений в том, что сараевское убийство станет поводом для более значимых событий. Европа замерла в ожидании: воспользуются ли правящие австро-венгерские и германские власти этим убийством как поводом для того, чтобы развязать войну? Но позиции этих стран оставались не ясными. Все дворы объявили траур, престарелого императора Франца Иосифа засыпали соболезнующими телеграммами… Но окончательное решение о войне было принято только после того, как 4 июля в Берлине состоялась встреча начальника канцелярии австро-венгерского МИДа графа А. Хойоса с министром иностранных дел Германии Г. фон Яговом. 7 июля Хойос привез в Вену согласие Германии поддержать союзницу всеми силами и средствами вплоть до войны.

14 июля сербам был предъявлен ультиматум, провокационно-вызывающий по содержанию. Сербия тут же обратилась за советом к Франции и России. На следующий день из Петербурга пришел успокоительный ответ, что в столь трудное время Сербия в беде оставлена не будет.

Я не хочу описывать подробно события, предшествующие началу Первой мировой войны, так как эту работу давно уже проделали другие исследователи. Однако считаю необходимым привести выдержку из воспоминаний А. А. Брусилова для того, чтобы читатель мог понять, как на это смотрел сам Алексей Алексеевич. Так, но уже в советское время он обвинял и власти Российской империи в тех политических играх, которые они вели накануне Первой мировой войны. По этому поводу он писал: «При Николае II бестолковые колебания расстроили нашу армию,

а всю предыдущую подготовку Западного театра свели почти к нулю. Поощряемые Германией, мы затеяли дальневосточную авантюру, во время которой немцы наложили на нас крупную контрибуцию в виде постыдного для нашего самолюбия и разорительного для нашего кармана торгового договора. Мы позорно проиграли войну с Японией, и такими деяниями, нужно по справедливости признать, само правительство ускорило революцию 1905–1906 гг. В годы японской войны и первой революции наше правительство ясно подчеркнуло и указало народу, что оно само не знает, чего хочет и куда идет. Спохватились мы в своей ошибке довольно поздно, после аннексии Боснии и Герцеговины, но моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее, не допустили».

В то же время Алексей Алексеевич вполне справедливо считал, что политические игры правительства всегда негативным образом сказываются на армии, и прежде всего на состоянии ее офицерского корпуса. «Если бы в войсках какой-либо начальник вздумал объяснить своим подчиненным, что наш главный враг – немец, что он собирается напасть на нас и что мы должны всеми силами готовиться отразить его, то этот господин был бы немедленно выгнан со службы, если только не предан суду. Еще в меньшей степени мог бы школьный учитель проповедовать своим питомцам любовь к славянам и ненависть к немцам. Он был бы сочтен опасным панславистом, ярым революционером и сослан в Туруханский или Нарымский край. Очевидно, немец, внешний и внутренний, был у нас всесилен, он занимал самые высшие государственные посты, был persona gratissima при дворе. Кроме того, в Петербурге была могущественная русско-немецкая партия, требовавшая во что бы то ни стало, ценою каких бы то ни было унижений крепкого союза с Германией, которая демонстративно в то время плевала на нас»[13].

Применительно к личности генерала А. А. Брусилова, я думаю, что решение прервать отпуск в Германии он принял ближе к середине июля 1914 года, после того, как стало известно, что в Австро-Венгрии объявлена всеобщая мобилизация. Спустя несколько дней, 18 июля, «без задержек и каких-либо приключений» прибыл в Винницу, уже зная, что накануне и в России была объявлена мобилизация.

Торжественный смотр войск по случаю начала войны. (Июль, 1914 г.)

Для ведения военных действий с Германией и Австро-Венгрией Россия развернула два фронта, Северо-Западный и Юго-Западный, в составе девяти армий, а для координации их действий создала высший орган управления – Ставку Верховного главнокомандующего. Такого в ее истории еще не было. Верховным главнокомандующим стал дядя императора великий князь Николай Николаевич. «Это – человек, несомненно, всецело преданный военному делу и теоретически и практически знавший и любивший военное ремесло, – пишет о нем Брусилов. – Конечно, как принадлежащий к императорской фамилии, он, по условиям своего высокого положения, не был усидчив в работе, в особенности в молодости. По натуре своей он был страшно горяч и нетерпелив, но с годами успокоился и уравновесился. Назначение его Верховным главнокомандующим вызвало глубокое удовлетворение в армии. Войска верили в него и боялись его. Все знали, что отданные им приказания должны быть исполнены, что отмене они не подлежат и никаких колебаний не будет».

Приезд Верховного главнокомандующего Николая Николаевича (Младшего) в Ставку.

Штаб Ставки возглавил генерал Н. Н. Янушкевич, по оценке Брусилова, «человек очень милый, но довольно легкомысленный и плохой стратег». Генерал-квартирмейстером (начальником оперативного управления штаба) стал генерал Ю. Н. Данилов – «человек узкий и упрямый. Его доклады, несомненно, влияли в значительной степени на стратегические соображения Верховного главнокомандующего, и нельзя не признать, что мы иногда действовали в некоторых отношениях наобум и рискованно разбрасывались – не в соответствии с теми силами, которыми мы располагали»[14].

Командующими фронтами (главнокомандующими армиями фронта) стали соответственно генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский и генерал от артиллерии Н. И. Иванов. Последний и должен был стать непосредственным начальником А. А. Брусилова. А так как от непосредственного начальника в армии зависит слишком много, предлагаю подробнее остановиться на его личности.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич (1914 г.).

Николай Иудович Иванов родился 22 июня 1851 года и, по одной из версий, был сыном фельдфебеля 1-й гвардейской артиллерийской бригады, который трагически погиб во время парада войск на Царицынском лугу в Петербурге. Но перед смертью он успел попросить подъехавшего к нему великого князя Михаила Николаевича позаботиться о сыне, благодаря чему Николай и был определен вначале в Павловский кадетский

корпус, а затем – в Михайловское артиллерийское училище, которое он закончил в 1869 году. Затем он участвует в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Там он отличился в боях и был отмечен орденами Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Святого Станислава 2-й степени с мечами, а также чином капитана гвардии.

Последующие два года Иванов состоял членом Варшавского окружного суда, затем шесть лет командовал гвардейской артиллерийской батареей. За успехи в службе он был произведен в полковники и награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. Затем он был назначен командующим артиллерией Кронштадтской крепости.

В 1900 году резко обострилась обстановка в Маньчжурии, где незначительные формирования русских войск, охранявших Восточно-Китайскую железную дорогу, подвергались нападениям восставших китайских крестьян. Для наведения порядка в этом районе русское правительство решило выделить специальный экспедиционный корпус, и генерал Иванов добился назначения в его состав. Он выехал во Владивосток, заняв должность начальника артиллерии корпуса. Несмотря на то что во время войны в Китае не было крупных полевых сражений и поэтому артиллерия применялась весьма ограниченно, Иванов был награжден орденом Святой Анны 1-й степени и чином генерал-лейтенанта.

С началом русско-японской войны Иванов направляется в распоряжение командующего Маньчжурской армией в Ляоян. Выполняя частные служебные поручения, Николай Иудович за отличие в августовских боях, происходивших у стен этого города, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, а за осенние бои – Золотым георгиевским оружием с надписью «За храбрость». Войну он закончил в должности командира 3-го Сибирского армейского корпуса 1-й Маньчжурской армии, который участвовал в Шахейском и Мукденском сражениях. За боевые заслуги генерал Иванов был награжден Золотым георгиевским оружием с надписью «За храбрость», украшенным бриллиантами.

О личностных качествах Иванова в этот период написано немного. Безусловно, он был храбрым генералом и достаточно грамотным командиром, умел ладить с начальниками и подчиненными. Граф А. А. Игнатьев, встречавшийся с ним на полях Маньчжурии, позже писал: «Хитрый был мужик Николай Иудович: он в конце войны не раз заходил в нашу столовку в Херсу потолковать с молодежью, подышать штабным воздухом, и нелегко было разгадать, что таится за ласковым взором и еще

более сладкими речами этого простака с величественной и уже слегка седеющей бородой».

С 1906 года Иванов командовал 1-м армейским корпусом, который дислоцировался в Петербурге и его окрестностях. В этом качестве его и застало восстание матросов Кронштадтской крепости, начавшееся вечером 19 июля этого года. В его подавлении части корпуса генерала Иванова сыграли главную роль. По его указанию уже к утру 20 июля было арестовано свыше трех тысяч восставших. По приговорам военно-полевых судов 36 человек было расстреляно, 130 сослано на каторжные работы, а более 1200 осуждено на различные сроки тюремного заключения. Жандармские заслуги Николая Иудовича были высоко отмечены правительством. Он был награжден орденами Святого Георгия 3-й степени и Святого Владимира 2-й степени, а также свитским званием генерал-адъютанта. Кроме того, он назначается генерал-губернатором, главным начальником Кронштадта и членом Совета Государственной обороны. А в 1908 году Иванову был пожалован чин генерала от артиллерии.

Вскоре после этого встал вопрос о назначении Н. И. Иванова командующим войсками Киевского военного округа. Но для этого требовалось предварительно сдать экзамен по управлению объединением на больших маневрах, проводившихся ежегодно в Красном Селе. В распоряжение Николая Иудовича были выделены две гвардейские дивизии и одна стрелковая бригада. По количеству сил и средств это объединение не намного отличалось от корпуса, которым командовал Иванов в русско-японскую войну. Но то, что на этот раз приходилось действовать на глазах императора и военного министра, приводило генерала в смятение. Он никак не мог принять решение в довольно-таки простой тактической обстановке. А. А. Игнатьев, работавший в то время в штабе Иванова, вспоминал, что на предложение одной дивизией наступать с фронта, а остальными силами совершить глубокий обход противника с фланга Николай Иудович не согласился.

– Опасно, а вдруг противник обрушится превосходящими силами с фронта? Что мы тогда будем делать? Ведь посредники сразу же начнут подсчитывать батальоны. Но главное, государь император уж непременно будет наблюдать за боем не со стороны обходной колонны, а с фронта. Получится конфуз. Поэтому в обход пошлем одну дивизию, а стрелковую бригаду я на всякий случай оставлю при себе, – решил он.

Спорили в тот раз долго. Пили чай, писали приказ, который много раз затем переписывался. По всему было видно, что страх перед начальством туманил голову опытного старика больше, чем

страх перед принятием неверного решения. С годами эта черта в характере Иванова стала доминирующей.

Красносельские маневры завершились благополучно. В декабре 1908 года Н. И. Иванов был назначен командующим войсками Киевского военного округа. В структуре Вооруженных сил России этот округ считался одним из основных. Боевая подготовка его войск, в основе которой лежали методы генерала М. И. Драгомирова, продолжительное время командовавшего округом, высоко оценивалась не только отечественными, но и зарубежными военными специалистами. Однако новый командующий сразу же заметил, что в последние годы она осуществлялась без учета опыта русско-японской войны, требовавшего внесения серьезных поправок в тактику всех родов войск. Он потребовал учить войска быстрому маневру на поле боя, переходу от наступления к обороне и наоборот, совершению длительных маршей, ведению боевых действий не только днем, но и ночью. В основу одиночной подготовки бойца была положена тактика рассыпного строя в условиях применения противником огня пулеметов и скорострельной артиллерии. Кавалерия обучалась действовать как в конном строю, так и в пешем порядке, причем последнему отдавалось предпочтение.

Он даже проявлял принципиальность, несмотря ни на какие авторитеты. Так, в 1911 году, во время посещения Киева императором, военный министр решил показать Николаю II военные маневры. Иванов выбрал для их проведения район в 50 км от города на местности, наиболее удобной для действий больших масс войск. Узнав, что это «так далеко», военный министр В. А. Сухомлинов предложил провести маневры в 6–7 км от города, значительно уплотнив боевые порядки войск.

– Пока я командую войсками округа, я не допущу спектаклей вместо маневров, – сказал Николай Иудович. Военный министр остался крайне недовольным строптивостью командующего округом и в последующем постарался создать соответствующее о нем мнение в правящем Петербурге. Однако лично царю маневры понравились, и генерал Иванов заслужил высочайшую благодарность.

Важнейшим направлением деятельности Иванова на посту командующего войсками Киевского военного округа было стремление окружить себя грамотными и опытными подчиненными, способными самостоятельно решать ответственные задачи. Этим он как бы снимал с себя часть обязанностей по руководству войсками, перекладывая их на плечи непосредственных исполнителей и оставляя за собой право контроля. Такая политика была очень выгодна для человека, не

отличавшегося решительностью и боявшегося личной ответственности. Однако она имела и свои положительные стороны. Благодаря ей в период с 1912 по 1914 год в штабы и войска округа пришло много опытных офицеров и генералов.

Об Иванове в период командования им Киевским военным округом остались воспоминания одного из его подчиненных – генерала К. И. Адриади. Он пишет: «Николай Иудович не только никогда не скрывал своего происхождения, но до известной степени даже его подчеркивал, часто повторяя, что он «из мужиков». Это происхождение наложило свою печать на его манеру держать себя с подчиненными. С ними он всегда был прост, доступен и не считал свои мнения безошибочными и безапелляционными. Возражения даже младших чинов он всегда выслушивал и, найдя их основательными, соглашался с ними.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал от артиллерии Н. И. Иванов.

Присутствуя на занятиях войск, он разбирал их детально, может быть, даже с излишней подробностью, но замечаний в резкой форме не делал, а скорее в виде отеческих внушений. Все взятое вместе вело к тому, что в войсках он пользовался уважением и любовью, страха же перед ним не чувствовали.

Условия прохождения им службы в артиллерии, главным образом в крепостной, не дали ему возможности познакомиться с

некоторыми отраслями военного дела, например со службой Генерального штаба. В этом он прямо сознавался и старался восполнить этот пробел. С этой целью он присутствовал на ежегодных полевых поездках офицеров Генерального штаба, но, как он сам подчеркивал, не в качестве командующего войсками. А для того, чтобы учиться…»

К надвигавшейся войне войска округа готовились заранее, по мере нагнетания военно-политической обстановки на Балканах и в Западной Европе. Важнейшим мероприятием в этом плане стала военная игра, проведенная в Киеве 20–24 апреля 1914 года. В основу ее замысла были положены действия России в случае войны с Австро-Венгрией и Германией. Общее руководство военной игрой осуществлял военный министр А. В. Сухомлинов. Его ближайшими помощниками были начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич и генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал-лейтенант Ю. Н. Данилов.

Для отработки оперативно-стратегических вопросов были созданы два фронта: Северо-Западный – под командованием командующего войсками Варшавского военного округа генерала от кавалерии Я. Г. Жилинского и Юго-Западный – под командованием генерала от артиллерии Н. И. Иванова. Начальником штаба Юго-Западного фронта был назначен командир 8-го армейского корпуса генерал-лейтенант М. В. Алексеев, а во главе армейских объединений были поставлены генералы Г. А. Зальц, П. А. Плеве, А. Е. Чурин и Н. В. Рузский. Так в основном сформировался коллектив, с которым Николаю Иудовичу и пришлось вступить в Первую мировую войну.

Проведенная военная игра показала несоответствие ряда положений имевшегося мобилизационного расписания 1913 года. Они касались сроков развертывания и перехода войск округа в наступление, норм их снабжения боеприпасами, продовольствием, медицинским оборудованием и многое другое. По итогам военной игры Иванов подал Сухомлинову обстоятельную докладную записку. Однако действенных мер по реализации его предложений принято не было.

Генерал-квартирмейстер штаба Ставки генерал Ю. Н. Данилов.

Начальником штаба Юго-Западного фронта был назначен генерал М. В. Алексеев – также исключительно грамотный офицер, имевший за плечами опыт русско-турецкой и русско-японской войн, причем во время последней он был генерал-квартирмейстером 3-й Маньчжурской армии, корпусом в которой командовал Н. И. Иванов. С 1906 года в течение последующих пяти лет он занимал должность обер-квартирмейстера Главного

управления Генерального штаба, одновременно являясь и профессором Николаевской академии Генерального штаба, затем был начальником штаба Киевского военного округа и уже перед самой войной стал командиром 13-го армейского корпуса.

Безусловно, что Н. И. Иванов, что М. В. Алексеев, это были по меркам того времени вполне достойные военачальники для того, чтобы возглавить высший орган фронтового управления, предназначенный организовывать и направлять действия подчиненных ему армий. В то же время надо учитывать, что практического опыта такой деятельности в истории русской армии фактически не было, так как опыт русско-японской войны был признан негативным, а средства управления были самыми примитивными. Поэтому говорить о какой-либо стройной системе управления по линии фронт – армия еще было невозможно, а управленческая деятельность рассматривалась на уровне личностей. Так, о генерале Н. И. Иванове Брусилов пишет, что «это был человек вполне преданный своему долгу, любивший военное дело, но в высшей степени узкий в своих взглядах, нерешительный, крайне мелочный и, в общем, бестолковый, хотя и чрезвычайно самолюбивый». Генерал Алексеев им характеризуется, как «человек очень умный, быстро схватывающий обстановку, отличный стратег… главный недостаток/которого/состоял в нерешительности и мягкости характера». В заключение, говоря об Алексееве, Брусилов делает вывод, что «при твердом главнокомандующем эти недостатки не составляли бы беды, но при колеблющемся и бестолковом Иванове это представляло большую угрозу для хорошего ведения дела на Юго-Западном фронте».

Таким образом, опираясь на исторические факты, архивные документы и воспоминания самого А. А. Брусилова, можно сделать ряд выводов о том, как и при каких обстоятельствах встретил Алексей Алексеевич начало войны. Конкретно к войне он не готовился, так как за месяц до ее объявления выехал на отдых в Германию. Состоя в должности командира корпуса, он только теоретически мог быть ознакомленным с обязанностями командующего армией на случай войны. Механизма управления по линии армия – фронт – Ставка до войны не было. Большинство руководителей стратегического и фронтового звеньев Брусиловым характеризуются негативно. В этих условиях у читателя, безусловно, должно сложиться мнение о том, что Брусилов оказался в крайне сложной ситуации, выход из которой нужно было найти в самое короткое время.

Развертывание армии

18 июля 1914 года А. А. Брусилов вернулся в штаб 12-го армейского корпуса, располагавшийся в Виннице. По плану мобилизационного развертывания русских войск в районе этого корпуса должна была развертываться 8-я армия Юго-Западного фронта, в командование которой и вступал Брусилов. Для него, безусловно, это не было новостью. 8-я армия развертывалась по мобилизационному плану Генерального штаба, с которым заранее были ознакомлены и командование Киевского военного округа, и сам Брусилов. Но назначение на должность командующего армией он воспринял с большим энтузиазмом и тут же написал жене: «Я не честолюбив, ничего лично для себя не домогался, но, посвятив всю свою жизнь военному делу и изучая это сложное дело беспрерывно в течение всей своей жизни, вкладывая всю свою душу в подготовку войск к войне, я хотел проверить себя, свои знания, свои мечты и упования в более широком масштабе».

По мобилизационному расписанию на август 1914 года 8-я армия должна была состоять из четырех армейских корпусов (12-го корпуса Киевского военного округа, 7-го и 8-го корпусов Одесского округа и 24-го корпуса Казанского округа). Кроме того, в ее состав включались четыре соединения конницы и ряда отдельных частей и подразделений армейского комплекта.

А. А. Брусилов – командующий 8-й армией (1914 г.).

Армейские корпуса были неоднородного состава. Так, 12-й армейский корпус состоял из трех пехотных дивизий и отдельной стрелковой бригады, двух кавалерийских полков и одной отдельной донской казачьей сотни, конного горно-артиллерийского и мортирного артиллерийского дивизионов и саперного батальона. Всего в его составе насчитывалось 48 пехотных батальонов, 15 кавалерийских сотен, имелось 112 пулеметов и 192 орудия. 7-й армейский корпус состоял из двух

пехотных дивизий, казачьего полка, отдельной донской казачьей сотни. Всего в его составе имелось 32 пехотных батальона, 9 эскадронов и сотен, 64 пулемета, 96 орудий. 8-й армейский корпус имел 40 батальонов пехоты, две сотни, 96 пулеметов и 120 орудий. XXIV армейский корпус в своем составе насчитывал 32 батальона пехоты, 7 сотен, 64 пулемета и 96 орудий. Кроме того, в каждом армейском корпусе имелся отдельный мортирный дивизион (12 орудий), 3 саперные и одна телеграфная роты. Армейская конница была представлена четырьмя кавалерийскими дивизиями (116 эскадронов и сотен, 60 конных орудий и 16 пулеметов). В состав частей армейского комплекта входили два дивизиона 4-й тяжелой артиллерийской бригады (12 тяжелых орудий), понтонный батальон, искровая рота и три авиационных отряда русского Императорского Военно-воздушного флота.

Таким образом, всего в 8-й армии по штатному расписанию после завершения отмобилизования должно было находиться 160 батальонов пехоты, 153 эскадрона и сотен, 352 пулемета, 568 различных орудий, 48 мортир, 13 саперных и 4 телеграфных роты, два понтонных батальона и 18 аэропланов. Однако эти войска либо находились на значительном удалении от границы, либо требовали серьезного пополнения резервистами.

Управление войсками в звене армия – корпус – дивизия в то время осуществлялось телеграфом по стационарным проводным линиям связи. Но так как эти линии были гражданского назначения, то для того, чтобы сохранить секретность, широко практиковалось направление во все концы офицеров связи на лошадях, автомобилях и даже самолетах. Вполне понятно, что при отсутствии дорог поездки офицеров связи на лошадях и автомобилях занимали слишком много времени. Но и имевшиеся в армии самолеты в то время не обладали для этого необходимыми качествами. Поэтому вполне понятно, что об оперативности управления войсками со стороны штаба армии говорить не приходилось, и основную работу этого порядка должны были выполнять командующие и штабы корпусов и дивизий.

Прибыв в Винницу, Брусилов на вокзале был встречен генерал-майором П. Н. Ломновским, назначенным начальником штаба 8-й армии. Это был еще сравнительно молодой генерал, которого Алексей Алексеевич до этого знал как генерал-квартирмейстера штаба Киевского военного округа. Во время обеда они познакомились ближе.

Брусилов узнал, что Петр Николаевич окончил Тифлисский кадетский корпус, Павловское училище и Николаевскую военную академию. После академии ему довелось служить в качестве

старшего адъютанта штаба корпуса в Туркестане, начальника штаба дивизии в Приамурье. В период русско-японской войны Ломновский состоял в различных должностях при штабе 1-й Маньчжурской армии и главнокомандующего на Дальнем Востоке. За отличия в этой войне был награжден Золотым оружием. В последующие годы Ломновский был начальником штаба стрелковой дивизии, командиром стрелкового полка, а с августа 1912 года проходил службу в качестве генерал-квартирмейстера штаба Киевского военного округа. В связи с последней должностью план стратегического развертывания войск этого округа и Галицийский театр военных действий он знал достаточно хорошо. В своих воспоминаниях о Ломновском А. А. Брусилов писал: «Это был человек умный, знающий, энергичный и в высшей степени трудолюбивый. Не знаю, почему он составил себе репутацию панического генерала. Подобная характеристика совершенно неверна. Он быстро соображал, точно выполнял мои приказания и своевременно их передавал в войска, был дисциплинирован и никогда не выказывал трусости и нерешительности… Его недостаток был в том, что он не очень доверял своим штабным сотрудникам и лично старался входить во все мелочи, в особенности по генерал-квартирмейстерской части. Этим он обезличивал своих помощников и переобременял себя работой, доводившей его до переутомления. Во всяком случае, это был отличный начальник штаба».

Ближайшим помощником начальника штаба армии был генерал-квартирмейстер, должность которого с начала войны до середины сентября 1914 года занимал генерал-майор А. И. Деникин, которого затем на этом посту сменил генерал Никитин. Деникин как грамотный офицер, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, безусловно, соответствовал занимаемой должности. Но он не любил штабную работу и рвался в строй, где затем хорошо проявил себя уже в качестве командира. Поэтому о Деникине в качестве генерал-квартирмейстера штаба армии, который затем был объявлен одним из главных врагов Советской власти в начале 20-х годов, Брусилов писал очень осторожно, отметив, однако, что «на строевом поприще он выказал отличные дарования боевого генерала». О Никитине же Брусилов писал, как о человеке средних способностей, честном, спокойном и «при таком начальнике штаба, как Ломновский, не игравшем в штабе никакой роли».

Поэтому, едва прибыв в Винницу, где находилось управление формируемой 8-й армии, А. А. Брусилов первым делом решил ближе познакомиться с командирами подчиненных ему

соединений. Он приказал вызвать их в Винницу на служебное совещание, и П. Н. Ломновскому с большим трудом удалось выполнить эту задачу. И это не удивительно, ведь некоторых генералов известие о начале войны застало в служебных командировках и отпусках. Тем не менее к 25 июля этот приказ был выполнен.

Золотое (Георгиевское) оружие

К тому времени Брусилов уже знал, что вместо него командиром 12-го армейского корпуса назначен генерал-

лейтенант Леонтий Вильгельмович Леш, который только что прибыл в Винницу из Туркестана. Изучая его личное дело, Алексей Алексеевич про себя отметил, что дед Леша по материнской линии – генерал от артиллерии Федор Карлович Дитерихс – в период с 1878 по 1894 год был директором Пажеского корпуса, при пансионе которого Леонтий и воспитывался в детстве. Затем Леонтий окончил Киевское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в войне в Китае в 1900 году, командовал бригадой во время русско-японской войны 1904–1905 гг., за боевые отличия был награжден орденами Святого Владимира 3-й степени и Святого Георгия 4-й степени, а также Золотым оружием.

Вернувшись из Маньчжурии, Л. В. Леш командовал дивизией, корпусом, а в 1913 году был назначен начальником Закаспийской области и одновременно – командиром дислоцировавшегося там 2-го Туркестанского корпуса. Важно было то, что по службе Леш характеризовался как исключительно грамотный офицер и волевой, распорядительный военачальник, и лично знавшие Леонтия Вильгельмовича люди отмечали его выдержанность, такт и немецкую пунктуальность.

Командиром 24-го армейского корпуса был генерал от кавалерии Афанасий Андреевич Цуриков – по возрасту ровесник А. А. Брусилова. Военное образование он получил в Николаевском кавалерийском училище, а затем в Николаевской академии Генерального штаба. В молодости Цуриков участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., затем командовал эскадроном, полком, бригадой, дивизией, был начальником штаба армейского корпуса. В январе 1914 года он вступил в командование этим корпусом.

Командиром 7-го армейского корпуса был генерал от инфантерии Эдуард Владимирович Экк. Он окончил Константиновское военное училище, а в 1876 году – Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в русско-турецкой и русско-японской войнах, в последней будучи уже командиром пехотной дивизии. Правда, после окончания войны с Японией он ушел из строевой службы и был назначен командующим войсками Сибирского военного округа. Восьмилетняя административная работа, конечно же, несколько оторвала этого генерала от жизни войск, но большой предыдущий жизненный и боевой опыт должен был позволить ему быстро наверстать упущенное.

Леш Леонтий Вильгельмович.

Яркой по тем временам личностью был командир 8-го армейского корпуса Радко-Дмитриев – болгарин по национальности. Еще в молодые годы он примкнул к освободительному движению, которое вело борьбу за освобождение Болгарии от турецкого ига, а во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был зачислен в состав русской армии. Это обстоятельство на всю последующую жизнь сделало его убежденным сторонником союза Болгарии с Россией.

После обретения Болгарией независимости Радко-Дмитриев закончил военное училище в Софии, а в 1884 году – Николаевскую академию Генерального штаба в Петербурге. Вернувшись в Болгарию, в 1885 году он участвовал в сербско-болгарской войне, а затем стал одним из участников государственного переворота, завершившегося свержением враждебно настроенного по отношению к России князя Александра. После этого Радко-Дмитриев по заданию русского Генерального штаба некоторое время состоял на дипломатической службе в Румынии, а затем, уже в качестве офицера русской армии, служил на Кавказе.

Командир 8-го армейского корпуса генерал Радко-Дмитриев.

В 1989 году подполковник Радко-Дмитриев вновь вернулся на родину. Там он служил в должностях начальника штаба дивизии, начальника оперативного отделения болгарского Генерального штаба, а с 1904 по 1912 год был начальником Генерального штаба болгарской армии. Во время очередной болгаро-турецкой войны в 1912 году Радко-Дмитриев командовал 3-й болгарской армией, а в 1913 году занимал пост помощника главнокомандующего всей действующей болгарской армией.

В это время на политической почве между правительствами Болгарии и России возникли серьезные разногласия, и генерал-лейтенант Радко-Дмитриев из-за своих прорусских настроений оказался неугодным на родине, правительство которой ориентировалось на союз с Германией и Австро-Венгрией. Осенью 1913 года в ранге болгарского посланника приехал в Петербург. В следующем году, едва узнав об объявлении Россией войны Германии и Австро-Венгрии, он принял русское подданство и был назначен командиром 8-го корпуса 8-й армии.

Таким образом, этот генерал обладал достаточно большим боевым опытом и опытом управления войсками. В то же время, не пройдя необходимых должностных ступеней в русской армии, он не был знаком ни с ее жизнью, ни с офицерским корпусом, в результате чего многие строевые генералы на него смотрели, как на инородное тело, по высочайшей воле оказавшееся в их среде.

Ближе познакомившись в командирами корпусов, Брусилов поставил каждому из них конкретные задачи по подготовке подчиненных им соединений и частей к началу боевых действий, после чего вместе с начальником штаба армии спланировал свои поездки в войска. Посещая части, он обязательно проводил их смотр и осуществлял опрос солдат. При этом вопросы задавались самые примитивные, не требовавшие глубоких знаний для ответа. Результаты этих опросов оставили у Брусилова неприятный осадок. Характеризуя общее состояние солдатской массы, прежде всего людей, призванных из резерва, он пишет: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову – как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал… из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя»[15].

Нужно понимать, что в книге, написанной уже после Октябрьской революции, Брусилов не мог положительно отзываться о царе. Но не вызывает сомнения тот факт, что солдат, призванный в армию из глухой российской деревни, плохо разбирался в международной политике и страдал из-за своей оторванности от дома, от своего крестьянского хозяйства. Но тогда не было принято, чтобы даже младший офицер, не то что генерал, копался в душе рядового солдата. И я уверен, что Брусилов не был исключением из этого правила.

Несколько недель понадобилось командующему и штабу 8-й армии на сколачивание своего штаба, уяснение обстановки, налаживание связи между подчиненными соединениями и частями и сосредоточение их в указанной полосе наступления. При этом нужно учитывать тот факт, что ни фронтовых, ни армейских штабов в мирное время в Вооруженных силах Российской империи не было, и после объявления мобилизации их приходилось создавать практически на голом месте.

При отсутствии фронтовых и армейских органов управления разведка противостоящей стороны велась из рук вон плохо. Брусилов пишет: «Сведения о противнике были у нас довольно скудны, и, правду говоря, наша разведка в общем была налажена мало удовлетворительно. Воздушная разведка вследствие недостатка и плохого качества самолетов была довольно слабая; тем не менее то, что мы знали, получалось главным образом через ее посредство. Агентов шпионажа у нас было мало; и те, которых мы наскоро набрали, были плохи. Кавалерийская разведка проникнуть глубоко не могла, так как пограничная река Збруч была сплошь и густо занята неприятельскими пехотными заставами. В общем, нам было известно, что пока против нас больших неприятельских сил не обнаружено; предполагалось, что неприятельские войска сосредоточиваются на Серете, по линии Тарнополь – Трембовля – Чортков, но в каком количестве и как расположены их силы, узнать не удалось»[16].

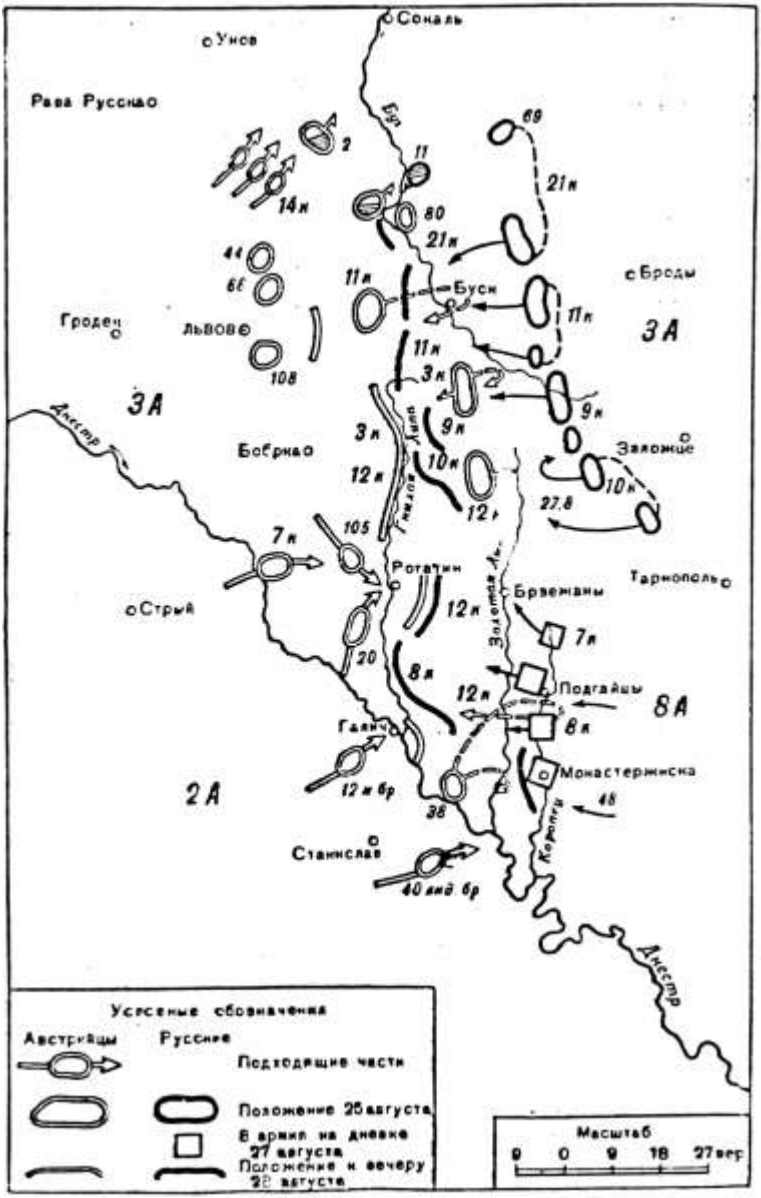


Схема 2. Наступление войск Юго-Западного фронта (4 июня – начало сентября 1914 г.).

Безусловно, в таких условиях о разработке штабами фронта и армии планов наступательной операции речи быть не могло. Войскам было приказано начать движение вперед в ранее указанных им направлениях с надеждой на то, что удастся упредить противника в развертывании сил у границы, а последующие события помогут прояснить сложившуюся обстановку. Все еще действовал девиз Наполеона столетней

давности: «Главное – начать сражение, а там – да поможет нам Бог». Но с требованиями военного искусства этот девиз не имел ничего общего. Не только каждый командир армейского корпуса, но и каждый командир дивизии и даже бригады должны были действовать на свой страх и риск. Поэтому говорить о деятельности генерала А. А. Брусилова в начале Первой мировой войны как военачальника фактически не приходится. Тем не менее 8-я армия к концу июля 1914 года была сосредоточена на линии Печиски-Проскуров-Антоновцы-Ярмолинцы, имея впереди две кавалерийские дивизии, за которыми продолжали развертывание армейские корпуса.

Первые сражения

24 июля рано утром, еще за несколько часов до официального объявления войны, австро-венгерским командованием был отдан приказ пограничникам о подрыве единственного железнодорожного моста в районе пограничной станции Волочиск. Этот факт говорит о том, что масштабные наступательные действия на данном направлении в ближайшее время противником не предусматривались, но австрийцы опасались таких действий с русской стороны.

Правда, покорно сидеть и ждать этого удара австрийское командование также не собиралось. 26 июля разведывательные подразделения австро-венгерской конницы перешли через границу в районе Волочиска и заняли находившиеся на русской территории населенные пункты Охоговцы и Голохвасты. 27 июля к этим населенным пунктам подошли части 12-й кавалерийской дивизии, выдвигавшейся в авангарде 8-й армии, и по приказу генерала А. М. Каледина 12-й уланский полк с ходу атаковал противника. В скоротечном бою австрийские разведчики были частично перебиты, частично захвачены в плен. При этом с убитого венгерского офицера была снята сумка с документами, немедленно доставленная в штаб армии. Осмотр этих документов позволил Брусилову сделать вывод о том, что граница с венгерской стороны охраняется только подразделениями пограничной стражи (жандармы и ландштурмисты), при том, что в районе Тарнополя противник должных сил не имеет, а соединения XI вражеского корпуса все еще находятся в районе Львова.

28 августа кавалерия обеих сторон вошла в боевое соприкосновение по рубежу реки Збруч. Завязались бои местного значения между передовыми частями, выражавшиеся в перестрелках и редких сабельных стычках. При этом русская кавалерия постоянно натыкалась на густую цепь австрийских усиленных пехотой пограничных постов, «прорывать которую удавалось лишь в исключительных случаях».

Атака русской кавалерии.

Брусилов, регулярно получавший информацию о положении на границе, постоянно требовал от своей конницы более активных действий. В исполнение его приказа 2 августа части 2-й Сводной казачьей дивизии подошли к пограничному местечку Гусятину, овладели им, а затем продвинулись западнее этого места еще на 20–25 км. При этом противник нигде не был обнаружен. Однако командир дивизии, получив сведения о выдвижении значительных сил противника со стороны Каменец-Подольского, поспешил отвести свои части к Городку, где и перешел к обороне. В течение ночи на 4 августа находившийся в Городке пехотный батальон вырыл окопы на западной окраине этого местечка, а кавалерия расположилась на флангах.

4 августа днем 5-я Ганноверская кавалерийская дивизия противника начала наступление на Городок. Красочное описание этого боя дает Н. Н. Головин. В частности, он пишет: «В начале четвертого часа… со стороны леса показались развернутые австрийские конные части, идущие в атаку на Городок. В полном порядке, отчетливо вырисовываясь на фоне желтого поля синими мундирами и красными чикчирами (штанами. – *Авт.*), стройными разомкнутыми линиями, одна за другой, приближались венгерские гусары к нашим пехотным позициям, держа направление вдоль Гусятинской дороги. Приблизительно на глаз можно было определить, что шла в атаку конная часть силою около бригады.

Наша пехота молчала… Подпустив гусар примерно на 700–800 шагов, стрелки по всему фронту открыли ружейный и

пулеметный огонь. Стали падать всадники и лошади, стройность и порядок сразу нарушились. Неся большие потери, первая линия не выдержала нашего огня. Они в беспорядке сворачивают вправо, подставляя себя фланговому огню, и наконец остатки поворачивают назад. Следующая линия, также попав под огонь, несет потери и поворачивает назад. Все поле покрывается скачущими всадниками, спешащими выйти из сферы огня. Еще несколько мгновений, и остатки венгерской конницы скрываются из вида в складках местности, и только разбросанные по полю, в одиночку и группами, многочисленные тела убитых и раненых гусар и лошадей свидетельствуют о разыгравшемся здесь только что жестоком бое»[17].

Сам А. А. Брусилов более скромно пишет: «Австрийская конница, подходя к Городку, развернула сомкнутый строй и без разведки, очертя голову понеслась в атаку на нашу пехоту». Безусловно, ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем с места эта атака была успешно отбита.

В этот же день, 4 августа, другая кавалерийская дивизия противника начала наступление на Каменец-Подольский и заняла этот город. Но, узнав о поражении под Городком, австрийцы не только отошли назад, оставив ранее захваченный Каменец-Подольский, но и вернули собранную с его жителей контрибуцию. Оказывается, сбор контрибуции (денежных поборов) с населения захваченных городов в то время был правилом, ради чего и велись войны. По этому поводу сам Брусилов пишет: «Это было совершенно естественно, потому что они хорошо понимали, что если они возьмут контрибуцию с жителей Каменец-Подольска, то и я, в свою очередь, заняв Тарнополь, Трембовлю и Чортков, не пощажу этих городов и обложу их такой же, если не большей, контрибуцией»[18].

Несмотря на победу у Городка, Брусилов был очень недоволен самовольным решением командира 2-й Сводной казачьей дивизии на отход и в тот же день своим приказом отстранил его от занимаемой должности, назначив вместо него «энергичного» командира бригады генерала Павлова.

Выдвижение русских войск в исходные районы для наступления.

5 августа передовые войска 8-й армии перешли через реку Збруч, пересекли государственную границу и вступили в Галицию. Они были встречены только незначительными силами противника. 9 августа 2-я Сводная казачья дивизия занимает Чортков.

Так же успешно на территории противника действовала и 12-я кавалерийская дивизия генерала А. М. Каледина. 9 августа она подошла к Тарнополю, занятому противником, который Каледин решил атаковать с ходу. Но на этот раз история, произошедшая под Городком, повторилась, но уже не в пользу русских. Части Каледина, атаковавшие Тарнополь в конном строю, были остановлены встречным огнем противника.

Основные силы 8-й армии переправились через Збруч 8 августа. Используя успех кавалерии, они без боев начали продвижение по территории противника и к исходу 9 августа вышли к реке Серет на фронте от Тарнополя до Трембовли.

Из сохранившихся архивных документов видно, что и к исходу 9 августа как русское, так и австро-венгерское командование крайне слабо ориентировалось в реально создавшейся обстановке. В частности, командование Юго-Западного фронта плохо знало о месте сосредоточения главных сил противника, а для австро-венгерского командования «сюрпризом» стало появление на фронте 8-й армии Брусилова. Поэтому говорить о том, как осуществлялось управление

войсками в это время, крайне сложно. Директивы, которые следовали одна за другой, часто не выполнялись ввиду смены обстановки, а иногда и по воле командиров отдельных корпусов и дивизий. 8-я армия двигалась вперед самопроизвольно массой, а ее штаб главным образом фиксировал уже достигнутые результаты. При этом основные усилия 8-й армии по-прежнему были сосредоточены на ее правом фланге, примыкавшем к 3-й армии генерала Рузского, соединения которого, ведя наступление на Львов, к исходу 11 августа вышли на рубеж Холоюв – Зборов.

8-я армия 10 августа форсировала реку Серет и частью сил завязала бой за Тарнополь. Сопротивление противника было подавлено в течение нескольких часов. В 16 часов русские части с музыкой вошли в этот город.

С утра 10 августа так же успешно форсировала Серет и 12-я кавалерийская дивизия генерала А. М. Каледина и несколько севернее от нее – 8-я Кавказская казачья дивизия. Затем начали переправу пехотные дивизии армейских корпусов. Везде происходили лишь непродолжительные бои местного значения. Генерал Н. Н. Головин пишет: «Все эти небольшие и быстротечные бои, которые вели корпуса 8-й армии на реке Серет, совершенно ясно показывали, что перед этой армией находилась лишь завеса, пытавшаяся выиграть время на выгодном оборонительном рубеже»[19].

Отдых в окопах.

11 августа 12-я кавалерийская дивизия, миновав Тарнополь,

устремилась дальше на запад. Противник продолжал вести активную оборону. В частности, под воздействием огня его артиллерии у деревень Городище и Плотыча дивизия замедляла движение и развертывалась в боевой прядок для атаки. Но противник, заставив русских потерять драгоценное время, не вступая в бой, каждый раз уходил для того, чтобы сымитировать оборону на новом рубеже.

На левом фланге 8-й армии 11 августа 2-я Сводная казачья дивизия также начала продвижение вперед. Но, выйдя к реке Коропец, она была встречена сильным артиллерийским огнем противника. Генерал Павлов приказал частям остановиться с тем, чтобы, уяснив обстановку, продолжить движение с утра следующего дня. К этому времени к реке Коропец подходили и другие соединения 8-й армии.

12 августа бои развернулись на рубеже реки Коропец. Оказав сопротивление, австро-венгерские части отступили, местами оставив на поле боя артиллерию и обозы. Было захвачено достаточно много пленных. Но и оборона реки Коропец со стороны австро-венгерского командования носила маневренный характер и имела задачей лишь задержку наступления русских войск. Тем не менее после окончания этих боев австрийский генерал Конрад отмечал, что «1-я и 5-я кавалерийские дивизии стали временно небоеспособными, а 38-я пехотная дивизия отошла сильно потрепанной».

13 августа 8-я армия стала на дневку, укрепляя занятый рубеж по реке Коропец. Воздушная разведка армии определила отход войск противника в направлении на Галич. Но с других источников Брусилов постоянно получал информацию о выдвижении значительных резервов австро-венгерской армии из глубины к этому городу. Угроза флангового удара с юга заставляла командующего отказаться от ранее задуманного плана, заключавшегося в стремительном движении на Львов. С утра 14 августа соединения 8-й армии начали занимать участки для последующих действий на реке Золотая Липа на фронте от Бржезан до Нижниева.

В это время, по просьбе командующего 3-й армией, штаб Юго-Западного фронта приказал Брусилову «оказать самую решительную поддержку армии генерала Рузского». Выполняя этот приказ, 15 августа, оставив один корпус заслоном у Галича, Брусилов повел остальные соединения на Львов, охватывая город с юга. 12-я кавалерийская дивизия генерала А. М. Каледина, двигавшаяся в авангарде армии, в этот день у села Блотня захватила большой вражеский обоз и две гаубицы.

Таким образом, к исходу 15 августа основные силы 8-й армии

были сосредоточены на ее правом фланге, соприкасаясь с основными силами соседней 3-й армии. Оба объединения были нацелены на Львов. Но задача захвата этого города стояла перед командующим 3-й армией, а 8-я армия должна была только максимально содействовать этому. Правда, перед этим нужно было сокрушить противника, оборонявшегося на реке Гнилая Липа.

Сражение на реке Гнилая Липа началось 17 августа. По сути дела, никакого крупного сражения там не было – все ограничилось боями местного значения. Уже вечером того дня начальник штаба австро-венгерской армии генерал Конрад отдал приказ войскам своей 2-й армии на отход за Днестр. Несмотря на это, Брусилов направил в штаб Юго-Западного фронта донесение следующего содержания: «Трехдневное сражение отличалось крайним упорством, позиция австрийцев, крайне сильная по природе, заблаговременно укрепленная двумя ярусами окопов, считавшаяся, по показаниям пленных офицеров, неприступной, взята доблестью наших войск». Также указывалось, что в ходе боев захвачено много пленных, в том числе один генерал, три знамени и более 70 орудий. Правда, позже в своих воспоминаниях Алексей Алексеевич, говоря о тяжелых трехдневных боях на реке Гнилая Липа, уже почему-то не называет эти цифры[20].

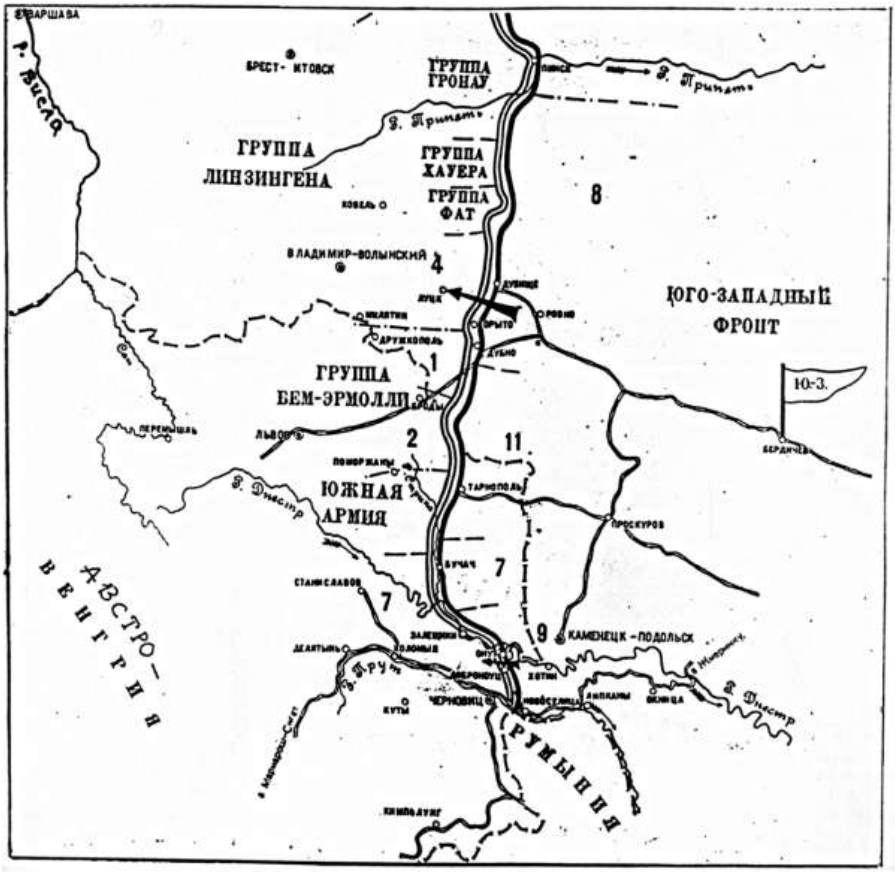


Схема 3. Сражение армий Юго-Западного фронта на р. Гнилая Липа (29 августа – 1 сентября 1914 г.).

После боев на реке Гнилая Липа соединения 3-й и 8-й армий Юго-Западного фронта совместными усилиями начали наступление на Львов. Общее руководство этой операцией поручалось генералу Н. В. Рузскому как получившему первым чин полного генерала.

Продвижение русских было настолько стремительно, что австро-венгерское командование, опасаясь окружения своих войск, решило сдать Львов, который не имел мощных укреплений, без боя. Вскоре об этом стало известно и в штабе 8-й армии.

Сам Брусилов по этому поводу пишет следующее:

Командующий 3-й армией генерал Н. В. Рузский.

«20 августа воздушная разведка донесла, что видна масса войск, стягивающихся к Львовскому железнодорожному вокзалу, и что поезда один за другим, по-видимому, нагруженные войсками, уходят на запад; о том же донесли кавалерийские разъезды, сообщившие, что неприятельские колонны быстро отходят, минуя Львов… В это же время в штабе моей армии было получено донесение от начальника 12-й кавалерийской дивизии, что один из его разъездов вошел во Львов, который был очищен от противника, и жители встретили офицера с 12 драгунами очень приветливо».

Вступление во Львов было значимым событием, обещавшим большие награды. В связи с этим Брусилов тут же доложил в штаб фронта: «Сегодня, 21 августа, разъезды 12-й кавалерийской дивизии вошли в оставленный неприятелем город Львов, встречены жителями очень приветливо». Примерно такого же содержания донесение послал и командующий 3-й армией генерал Рузский. Но Брусилов считал, «что… без моего флангового марша, без того, что противник был разбит на Гнилой Липе, а мои войска продвинулись к югу от Львова, этот город без боя очищен бы не был. В официальных же телеграммах высшего начальства объявлялось, что Львов был взят генералом Рузским», которому и достались высшие почести и награды (ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степени). Брусилов, получивший за взятие Львова орден Святого Георгия 4-й степени, был несколько обижен. Правда, в мемуарах он пишет: «Я против этого не протестовал, ибо славы не искал, а желал лишь успеха делу».

Орден Святого Георгия 3-й степени.

После взятия Львова 3-я армия, усиленная одним корпусом 8-й армии, получила задачу двигаться на Рава-Русскую. 8-й армии было приказано оставаться в районе Львова и действовать по обстановке. Но Алексей Алексеевич был не согласен с такой пассивной ролью. Он считал, что армия или напрасно простоит под Львовом, потеряв драгоценное время, либо, что еще хуже, своим бездействием даст возможность противнику сосредоточить значительные силы на львовском направлении с тем, чтобы

отбить обратно этот город. Он считал более целесообразным безотлагательно самому перейти в дальнейшее наступление и атаковать вражеские войска, находившиеся в то время на Гродекской позиции. Обосновывая свое предложение, он говорил о том, что если на Гродекской позиции будут находиться лишь недавно разбитые русскими войска, то, ввиду их низких морально-боевых качеств, с ними будет сравнительно легко справиться. В другом случае, «если же противник значительно усилился», Брусилов предлагал переходом к временной обороне более качественно обеспечить левый фланг Юго-Западного фронта. Таким образом, в завершение Галич-Львовской операции войск левого крыла Юго-Западного фронта 22 августа соединения 24-го корпуса 8-й армии выбили противника из фортов Галича и захватили там около сорока орудий, большое количество боеприпасов. Двумя днями позже 8-й корпус этой армии после непродолжительного боя взял Миколаев.

Итак, можно считать, что со взятием Львова, Галича и Миколаева завершилась первая наступательная операция 8-й армии с начала Первой мировой войны. В ходе этой операции ее соединения, наступая в полосе около 80 км по фронту, за 13 дней продвинулись на глубину почти 200 км. Средние темпы наступления достигли 12 км в сутки и считались достаточно высокими для того времени.

В то же время нужно учитывать, что перед фронтом наступления армии Брусилова сопротивление противника было слабым, а оборона велась малыми силами в форме маневренной. Поэтому темпы наступления до 12 км в сутки при наличии большого количества кавалерии не следует считать высокими. Австро-венгерская армия, прикрывшись «завесами», избежала разгрома и получила время, необходимое для развертывания и сосредоточения.

Б А Л Т И Й С К О Е М О Р Е
СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
Линия фронта к началу кампании
Главные направления действий воюющих сторон
в Карпатской операции (10.I – март)
в Августовской операции (26.I)
в Горлицком прорыве (19.IV – конец)
в Северном районе (конец апреля)
в прорыве у Прасныша (30.VII)
в Свенцянском прорыве (27.VIII – 6.IX)
Промежуточные рубежи обороны русских войск
Линия фронта к концу кампании

Схема 4. Операции армий Юго-Западного фронта на р. Золотая Липа (20–28 августа 1914 г.).

В отношении полководческого таланта генерала А. А. Брусилова во время этой операции особенно говорить не приходится. Решение на армейскую операцию, как это принято сейчас, им не принималось: направление главного удара четко выражено не было, оперативное построение войск было одноэшелонным с выделением незначительного резерва, этот резерв для наращивания усилий на решающем направлении не

использовался, успех, достигнутый пехотой, кавалерией не развивался, так как она больше всего действовала на флангах. В то же время постоянно ощущалось руководство подчиненными войсками со стороны командующего армией и его штаба. И то, что в самом начале операции Брусилов снял с должности командира 2-й Сводной казачьей дивизии, лучше всего свидетельствует о его крутом нраве и требовательности к подчиненным. Поняв это, остальные командиры корпусов и дивизий 8-й армии беспрекословно выполняли приказы командующего.

Первая армейская операция также показала, что сам А. А. Брусилов был не лишен чувства зависти к более удачливым соперникам. В частности, это проявилось при занятии русскими войсками города Львова, когда пальма первенства досталась командующему 3-й армией генералу Рузскому. Позже биограф Брусилова С. Н. Семанов даже напишет, что власть сознательно преуменьшала заслуги прогрессивного генерала, и даже приведет в качестве доказательства его письмо жене следующего содержания: «Ты намекаешь в своих письмах про разные интриги против меня, которые порождаются завистью. Я стараюсь всеми силами души их не замечать, ибо интриги и зависть – очень низменные вещи, уничтожающие человека, я просто борюсь и отгоняю от себя, с божьей помощью, эту пакость… История разберет вскоре после войны, как действительно было дело, а теперь главное – победить. Охотно уступаю лавры Рузскому, но обидно за войска армии»[21].

Казачий разъезд на Буковине.

Но военные историки считают, что Брусилов несколько

неверно оценивал сложившуюся ситуацию. Постоянно опасаясь флангового удара из-за Днестра, он не организовал глубокую конную разведку этого направления и искусственно сдерживал наступление своих войск на запад. Также ему инкриминировалось то, что, будучи кавалерийским начальником и имея достаточно много кавалерийских соединений, он не до конца использовал их маневренные возможности. 8-я армия вела фронтальное наступление, не нанося фланговые удары и не ведя параллельного преследования противника в высоких темпах. Семанов утверждает, что это было присуще всем сторонам в начале Первой мировой войны и что этот недостаток смог устранить только вахмистр Семен Буденный в годы Гражданской войны. В то же время данный автор почему-то «забыл» о глубоких кавалерийских рейдах белых генералов Шкуро и Мамонтова и не учитывает тот факт, что развивать наступление в глубину только конницей крайне сложно. Поэтому в годы Великой Отечественной войны широко использовались так называемые конно-механизированные группы.

Ответные удары

После выхода войск 8-й армии к Городокской позиции и занятия обороны А. А. Брусилов со своим штабом переехал во Львов, разместившись во дворце бывшего австрийского наместника Галиции. Понимая, что в его руках оказались судьбы тысяч горожан самых разных национальностей и религий, Брусилов своим указом объявил свои требования и то, что притеснений для соблюдающих их не будет, в том числе и в отношении контрибуции. При этом униатский митрополит, враждебно настроенный по отношению к России, по приказу командующего армией вначале был посажен под домашний арест, а затем выслан в Киев. Затем он приказал проверить все тюрьмы и освободить политических арестантов, посаженных австрийскими властями за симпатии к России.

А. А. Брусилов с чинами штаба 8-й армии, август 1914 г.

Занимаясь делами гражданского характера, А. А. Брусилов в то же время готовился и к возможному отражению ответного удара противника. Позже он писал, что «из различных источников разведки мне было известно, что противник, отступивший от Львова… остановился на гродекской позиции, на правом берегу реки Верещица, и что к этим войскам подошли значительные подкрепления, но в каком размере – мне было неизвестно. Я считал, однако, что подкрепления должны были быть серьезными

и что противник, конечно, знавший, что 3-я армия пошла на Раву-Русскую, а у Львова осталась лишь 8-я армия, вероятно, сам перейдет в наступление. Эта мысль тем более была вероятна, что мосты на Верещице, разрушенные вначале австрийцами при отступлении, деятельно исправлялись, устраивались новые переправы и несколько сильных авангардов перешло на левый берег Верещицы». В этой обстановке перед командующим 8-й армией стоял вопрос – к какому виду боевых действий готовиться, к оборонительным или наступательным. Поразмыслив, он решил перейти в наступление. Но австрийские войска 28 августа также начали наступление. Вспыхнуло встречное сражение, в ходе которого выяснилось, что противник превосходит по силам русские войска, особенно по количеству тяжелой артиллерии. Кроме того, Брусилов ошибся в отношении направления главного удара противника. «К вечеру выяснилось, что потери наши велики, вперед продвинуться сколько-нибудь значительно мы не могли, – пишет он в своих воспоминаниях. – Все корпусные командиры доносили, что окапываются, причем некоторые из них прибавляли, что сомневаются в возможности удержаться на месте против подавляющих сил противника, его сильнейшего артиллерийского огня и многочисленных пулеметов».

Брусилов приказал войскам оставаться на своих местах и начал подтягивать резервы. Одновременно он запросил о помощи штаб Юго-Западного фронта и штаб 3-й армии. Однако все его просьбы о помощи услышаны не были. Более того, командующий Юго-Западным фронтом в ответной телеграмме посоветовал «тратить боевые припасы, особенно артиллерийские снаряды, очень осторожно». Последнее больше всего возмутило Алексея Алексеевича.

Но еще больше его возмущала неисполнительность отдельных подчиненных командиров. В качестве примера в своих мемуарах он приводит случай с 48-й пехотной дивизией генерала Л. Г. Корнилова, которая, не выполнив его приказ, «была отброшена за реку Щерик в полном беспорядке и потеряла 26 орудий». Чтобы спасти положение на этом участке, Брусилов приказал направить туда 12-ю кавалерийскую дивизию генерала А. М. Каледина. Он пишет: «Чтобы остановить напор противника, генерал Каледин спешил три полка… Но так как спешенные части 12-й кавалерийской дивизии, очевидно, не могли остановить наступавшего многочисленного врага, то в этой крайности Каледин пустил в конную атаку семь вышеперечисленных эскадронов/своего резерва. – *Авт./*, которые самоотверженно и бешено кинулись на врага. Эта атака спасла положение:

наступавшие австрийцы в полном беспорядке ринулись назад…».

Таким образом, действия 12-й кавалерийской дивизии спасли положение. Но так как свои воспоминания Брусилов писал уже после октябрьских событий 1917 года, состоя на службе у большевиков, он также не мог не «боднуть» и генерала А. М. Каледина. Он тут же пишет: «Я поставил Каледину в вину то, что он вначале спешил семнадцать эскадронов, хотя он не мог не сознавать, что максимум 2000 стрелков не могут остановить не менее двух-трех дивизий пехоты. Вместо этой неудачной полумеры не лучше ли было бы, выбрав момент, атаковать австрийцев всеми 24 эскадронами в конном строю при помощи конно-артиллерийского дивизиона и дивизионной пулеметной команды?»[22].

29 августа в штаб 8-й армии поступила информация о сосредоточении крупных сил австрийцев на ее центральном участке для того, чтобы, начав там наступление, овладеть Львовом. Брусилов, в свою очередь, к угрожаемому участку, занимавшемуся 7-м и 8-м армейскими корпусами, начал стягивать все имевшиеся у него резервы. В результате этого к рассвету 30 августа в центре оперативного построения 8-й армии было сосредоточено около 85 батальонов пехоты с их артиллерией из 152 батальонов пехоты, участвовавших в этом сражении, то есть больше половины всей армии. Туда же был направлен и единственный дивизион тяжелой артиллерии, находившейся в резерве командующего. После этого Брусилов приказал своей ударной группировке перейти в наступление «не потому, что они тут же разгромят неприятельские полчища, сосредоточенные против них, но в надежде, что такое наступление именно в том месте, где австрийцы рассчитывали неожиданно нанести нам всесокрушительный удар, собьет их с толку, они растеряются в большей или меньшей степени и перейдут от наступления, которое грозило бы нам тяжелыми последствиями, к обороне».

На современном военном языке такое решение командующего нельзя назвать иначе как авантюрой. Переходить в наступление на противника, готового к наступательным действиям, не зная точно его состава, замысла и боевых возможностей, ощущая недостаток в артиллерии и боеприпасах, – на что можно рассчитывать? Видимо, только на то, что на какое-то время враг сам будет ошеломлен наглостью русских войск и изменит свои планы. Но как? Его находящаяся на огневых позициях артиллерия немедленно откроет встречный огонь, а развернутая для атаки пехота заляжет и встретит наступающих кинжальным пулеметно-артиллерийским огнем. Печальный конец

такого наступления предугадать не сложно.

Так оно и получилось. «7-й и 8-й корпуса продвинулись недалеко, и громадные силы противника скоро остановили наш порыв». О том, какой ценой было за него заплачено, Брусилов умалчивает. Но в австрийских архивах имеется такой документ: «Утром 30 августа русские на львовском направлении перешли в наступление. Мы не ждали этого наступления, так как сами готовились наступать. У нас все для этого было готово, и потребовалось немного времени для переноса огня. Артиллеристы снарядов не жалели, и вскоре к ним подключились пулеметные команды и пехота, встретившая противника залповым огнем. Потери русских были ужасными».

Но цель была достигнута – израсходовав свои резервы, австрийцы ненадолго вынуждены были перейти к обороне. Однако вечером того же дня они все же перешли в наступление. Правда, к тому времени уже стало известно, что несколько севернее наступление 3-й армии на Рава-Русскую развивается успешно, в связи с чем штаб Юго-Западного фронта высказал предположение, что и на львовском направлении от активных действий противник откажется. Так оно и получилось. В ночь на 31 августа австро-венгерские войска отошли к западу, за реку Верещицу, разрушив на ней все мосты. Войска 8-й армии, еще не оправившиеся от неудачной утренней атаки, противника не преследовали.

События конца августа 1914 года в полной мере показали всю сложность человеческих отношений, возникающих на временно оккупированной территории. Брусилов пишет, что во время жестокого трехдневного сражения жители города Львова, в особенности поляки и евреи, «чрезвычайно волновались мыслью о том, в чьи руки они попадут, то есть останутся ли у нас или вновь придут австрийцы». К тому времени уже было обнародовано воззвание Верховного главнокомандующего к полякам, в котором им была обещана автономия, но после победы. Но евреи, которые в России находились в то время в угнетенном положении, а в Австрии пользовались всеми правами граждан, нетерпеливо ждали, что русских разобьют. Украинское население Львова было более сдержанно в своих симпатиях к австрийцам, кроме представителей политической партии так называемых «мазепинцев», которая смогла сформировать в составе австрийских войск из своих ставленников несколько легионов.

1 сентября из Ставки пришел приказ о назначении командира 8-го корпуса генерала Радко-Дмитриева командующим 3-й армией в связи с назначением генерала Рузского командующим Северо-Западным фронтом. Перед Брусиловым остро встал вопрос

о назначении командира 8-го армейского корпуса. Он предложил назначить на эту должность генерал-лейтенанта Н. А. Орлова, который командовал 12-й дивизией 12-го корпуса, командиром которого раньше был Брусилов.

Николай Александрович Орлов был грамотным офицером, но отличался несколько строптивым характером. Он окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба, участвовал в русско-турецкой, русско-японской войнах и боях в Китае 1900 года, был известен как талантливый военный преподаватель и ученый, продолжительное время служил в Главном штабе. В то же время многие помнили, как в 1900 году командир бригады генерал-майор Орлов был назначен командующим Забайкальской казачьей пешей бригадой, получил высочайший выговор за неисполнение возложенного на него поручения. Правда, это не помешало ему затем стать командиром дивизии. За этим человеком тянулась молва о том, что во время русско-японской войны он также вел себя не лучшим образом. Но Брусилов, который сам не участвовал в этой войне и не особенно жаловал ее ветеранов, судил об Орлове исключительно по совместной службе в 12-м армейском корпусе и высоко ценил его организаторские качества. Это и стало решающим фактором при назначении.

Вскоре после этого все армии Юго-Западного фронта продолжили наступление, но оно было приостановлено из-за крайне плохой работы тылов – Львовский железнодорожный узел не справлялся с вопросами снабжения замыкавшихся на него армий Юго-Западного фронта. Поэтому до конца сентября соединения просто стояли на достигнутых рубежах, отдыхая и набираясь сил для дальнейших действий.

После событий конца августа и начала сентября 1914 года в военных кругах России укрепилось мнение о Брусилове как о талантливом военачальнике, способном правильно оценить обстановку, разгадывать замысел врага и упреждать его действия. За успешное руководство войсками в Городокской операции 19 сентября 1914 года он был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени.

Пока войска 3-й и 8-й армий топтались на своих позициях, войска специально созданной 11-й армии (командующий – генерал Селиванов) осадили крепость Перемышль. Овладению этой крепостью русское командование придавало большое значение, поэтому общее командование всей группировкой войск было поручено генералу Рузскому.

Крепость Перемышль представляла собой мощную систему долговременных оборонительных сооружений. Форты этой

крепости были построены за 20–30 лет до войны и были вооружены главным образом устаревшими артиллерийскими орудиями. Но этих фортов насчитывалось порядка 60 единиц. Кроме того, уже после начала войны усилиями 20 тысяч рабочих крепость была приведена в боевое состояние. На подступах к Перемышлю было построено 30 оборонительных узлов, 200 огневых позиций для артиллерии, вырыто 50 километров окопов, установлено 1000 километров проволочных заграждений. Гарнизон крепости составляли бригада ландштурма, четыре пехотных полка, два саперных полка и два батальона крепостной артиллерии.

11-я армия только находилась в стадии формирования, а о самом Селиванове Брусилов был также невысокого мнения. «Это был старый человек, выказавший в Японскую кампанию не столько военные дарования, сколько твердость характера во время восстания во Владивостоке при революционном движении, охватившем всю Россию в 1905–1906 гг., – писал он. – Он был человек упрямый, прямолинейный и, по моему мнению, мало пригодный к выполнению возложенной на него задачи».

Андрей Николаевич Селиванов.

Но желание овладеть крепостью было огромным. До прибытия Селиванова командовать осадной армией было поручено генералу Щербачеву, который предложил Брусилову с ходу штурмовать эту крепость. Брусилов, видимо, помня историю со Львовом, тут же поддержал эту идею. Неизвестно, чем бы закончился этот штурм, но, пока русские войска к нему готовились, австрийская армия, с целью спасения Перемышля, 21 сентября сама перешла в наступление.

Для отражения этого наступления австрийцев Брусилов был вынужден отказаться от штурма крепости и бросить свои силы против нового противника. И на этот раз он действовал своим излюбленным методом: вместо того чтобы встретить врага хорошо подготовленной обороной, сам перешел в контрнаступление. На этот раз ему сопутствовал успех. Австро-венгерские части, наступавшие на Перемышль с юга, оказались в условиях гористой местности, на которой «глубокие колонны австрийцев, не имея возможности своевременно развертываться, должны были принимать бой при невыгодных для них условиях своими головными частями». Говоря проще – им был навязан бой в невыгодных условиях, на неподготовленной для этого местности. Но и русские войска не смогли на этой местности вести наступление. К первым числам октября обе стороны были вынуждены перейти к обороне. Брусилов писал: «Тут впервые с начала этой кампании вверенной мне армии пришлось около месяца вести позиционную войну при крайне невыгодных для нее условиях».

На других направлениях наступление противника продолжалось. Противнику удалось прорвать фронт русских войск в стыке между 11-й и 8-й армиями, и Брусилову с трудом удалось восстановить положение. До конца октября 8-я армия, твердо стоя на своих позициях, прикрывала подступы к Львову с юга. Ряды защитников постоянно таяли, но пополнений практически не было. И только благодаря вмешательству Ставки Юго-Западный фронт направил на усиление 8-й армии дополнительные части.

В конце октября воздушная разведка доложила, что противник начал оттягивать свои тылы на запад. Уже позже стало известно, что поражение войск левого фланга 4-й австро-венгерской армии под Сандомиром и переход русских войск в наступление от Варшавы на Силезию и Краков заставили командование противника 22 октября принять решение об отводе войск за Карпатский хребет. Брусилов немедленно отдал приказ о переходе в наступление. Удалось несколько продвинуться вперед, захватить новых пленных, орудия и обозы.

Вереница непрерывных боев сильно обескровила соединения 8-й армии. Брусилов пишет: «За три с лишком месяца с начала кампании большинство кадровых офицеров и солдат выбыло из строя, и оставались лишь небольшие кадры, которые приходилось спешно пополнять отвратительно обученными людьми, прибывшими из запасных полков и батальонов. Офицерский же состав приходилось пополнять вновь произведенными прапорщиками, тоже недостаточно обученными. С этого времени

регулярный характер войск был утрачен и наша армия стала все больше и больше походить на плохо обученное милиционное войско»[23].

Несмотря на это, 8-я армия продолжала наступать. Она успешно форсировала реку Сан. Но противник отошел на заранее подготовленные позиции, прикрывавшие проходы через Карпаты, и занял по отношению к 8-й армии фланговую позицию. В это время штаб Юго-Западного фронта, видимо, плохо разобравшись в обстановке, прислал Брусилову приказ ускорить наступление на Краков, действуя совместно с 3-й армией. Алексей Алексеевич отказался выполнять этот приказ, направив в ответ письмо с разъяснениями. Он писал, что в это самое время его войска всеми силами уже атакуют армию противника, занявшую фланговую позицию.

Пленные австрийцы, захваченные войсками 8-й армии в Галиции.

Надо сказать, что данный отказ выполнить директиву фронта отрицательно повлиял на общую обстановку. Три корпуса 8-й армии оказались втянутыми в 10-дневное сражение в Прикарпатье. Противник же, связав корпуса 8-й армии боем, сам смог направить три свои корпуса против 3-й армии, действовавшей в районе Кракова. В ответной телеграмме командующий Юго-Западным фронтом вынужден был указать Брусилову на непозволительность самовольных действий вопреки замыслу вышестоящего командования.

И тут выяснилось, что с этим замыслом командующий 8-й армией просто не был знаком. Брусилов пишет: «Должен

оговориться, что с начала войны я никак не мог узнать плана кампании». Более того, он считал, что его не знает и командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. И. Иванов. Алексей Алексеевич полагал, что «никакого нового плана войны создано не было и войска действовали лишь случайными задачами, которые определялись обстановкой». Командующему казался очень странным тот факт, что русские войска стремились только вперед, не обращая внимания на фланги, на то, «что мы удлиняем наши пути сообщения, растягивая наши войска до бесконечности по фронту, не имея достаточно сильных резервов». Сегодня такое положение любому грамотному военному человеку должно показаться не только странным, но и преступным. Но в то время, когда опыта проведения фронтовых операций еще не было, рассчитывать на другое было сложно.

Во второй половине ноября 8-я армия потеснила противника на южную сторону Карпат, заняв все основные перевалы. Но эти бои были очень тяжелыми. Каждая вершина была заранее хорошо укреплена. Оборона строилась в три-четыре яруса. А наступление на эту оборону, как пишет Брусилов, «нужно было вести с наивозможно меньшей тратой снарядов и патронов, выбивая шаг за шагом противника с одной вершины на другую». Поэтому вполне понятно, что потери русских войск были огромными.

Основная тяжесть боев в этот период выпала на долю 8-го корпуса, которым командовал назначенный на должность его командира по протекции Брусилова генерал Орлов. И тут выяснилось, что эта кандидатура была подобрана неудачно. Брусилов пишет: «Странное было положение этого генерала: человек умный, знающий хорошо свое дело, распорядительный, настойчивый, а между тем подчиненные войска не верили ему и ненавидели его». Такое отношение между командиром и подчиненными не могло способствовать повышению боевых возможностей соединения, и Брусилов провел собственное расследование. «Оказалось, что офицеры его не любят за то, что он страшно скуп на награды, с ними редко говорит и, по их мнению, относится к ним небрежно; солдаты его не любили за то, что он с ними обыкновенно не здоровался, никогда не обходил солдатских кухонь и не пробовал пищи». Для командира корпуса это были серьезные обвинения. В то время видимая сторона работы любого военачальника имела особое значение. В войсках всегда ценились «отцы-командиры», которые шли в атаку впереди своих подчиненных, часто общались с солдатами и в любое время были доступными для офицеров. Орлов, видимо, был другим человеком.

Но Брусилов не спешил с окончательными выводами и довел

начатое расследование до конца. Выяснилось, что все не так уж и плохо. Генерал Орлов «в действительности заботился и об офицере, и о солдате, он всеми силами старался добиваться боевых результатов с возможно меньшей кровью и всегда ко мне приставал с просьбами возможно лучше обеспечивать их пищей и одеждой. Но вот сделать, чтоб подчиненные знали о его заботах, – этим он пренебрегал или не умел этого».

Разобравшись в этом деле, Брусилов неоднократно имел беседы с Орловым. Тот слушал командующего, но должных выводов не делал. «Он просто не умел привлекать к себе сердца людей, – писал Брусилов, – но как командир корпуса с поставленной задачей справлялся успешно». Правда, спустя месяц Брусилов был вынужден отстранить Орлова от командования корпусом, сменив его генералом В. М. Драгомировым.

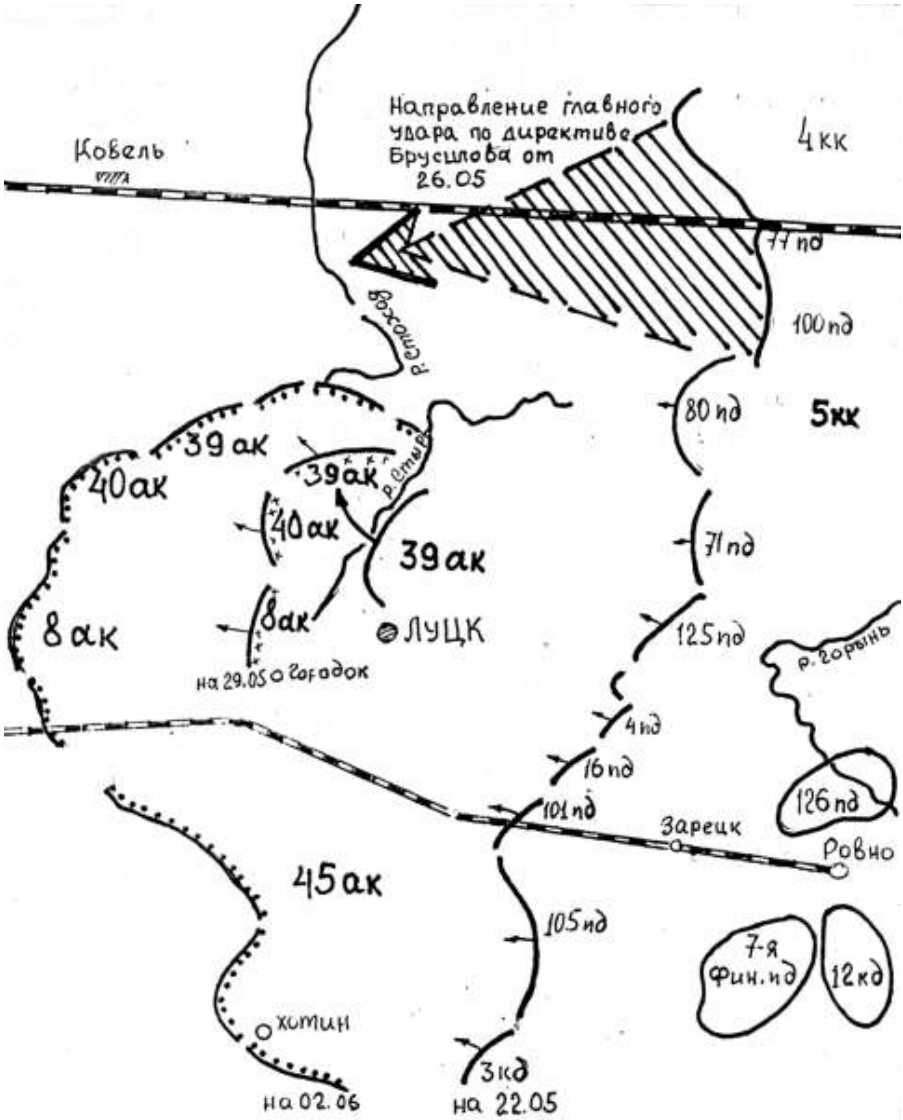


Схема 5. Кампания на Восточноевропейском театре войны 1914 г.

Возникали и более серьезные проблемы. Одна из них была связана с действиями войск 24-го армейского корпуса генерала Цурикова и, в частности, с его 48-й пехотной дивизией Л. Г. Корнилова. Дело было в том, что Корнилов, имея приказ временно приостановить наступление в Венгерскую равнину, «увлекаемый своей жаждой отличиться и своим горячим темпераментом», самовольно решил проникнуть туда вслед за 2-й Сводной казачьей дивизией, которая совершала «набег» на эту местность с целью «произвести там панику и быстро вернуться

назад».

Итак, 48-я пехотная дивизия генерала Л. Г. Корнилова самовольно проникла в Венгерскую долину. Бок о бок с ней действовала и 4-я стрелковая бригада генерала А. И. Деникина. Думается, что если бы их действия более тесно сочетались с действиями Сводной казачьей дивизии и были поддержаны главными силами 8-й армии, то результат проходившей тогда Галицийской битвы был бы куда более значителен.

По приказу генерала Н. И. Иванова основные силы 8-й армии повернули на север. В итоге инициатива Корнилова и Деникина оказалась наказуемой. Опомнившиеся австрийцы и пришедшие им на помощь германцы дружно навалились на соединения, оказавшиеся в Венгерской долине.

Брусилов был сильно рассержен самовольством Корнилова и Деникина. Отругав командира 24-го корпуса, он приказал немедленно вернуть войска с Венгерской долины обратно в Карпаты. Вечером 27 ноября в штаб 48-й дивизии поступил приказ на отход в северо-западном направлении. Но время было упущено. Дивизии пришлось отступать по единственно свободной крутой горной дороге, занесенной снегом.

Австрийцы наседали. У местечка Сины им удалось перерезать маршрут отхода русских войск. В этих условиях Л. Г. Корнилов, чтобы дать возможность своей артиллерии пройти через селение, собрал до батальона пехоты и лично повел его в контратаку. Благодаря этому на другой день дивизия прорвалась из кольца окружения, не оставив противнику ни одного орудия и приведя с собой более двух тысяч пленных, захваченных в Венгерской долине.

Позже об этих событиях генерал А. И. Деникин писал следующим образом: «Ген. Брусилов питал враждебные чувства к ген. Корнилову… В своих воспоминаниях, написанных при большевиках, Брусилов возвел на 24-й корпус, и в особенности на Корнилова несправедливые обвинения. 24-му корпусу якобы было приказано им «не спускаться с перевалов». Корнилов же «из-за жажды отличиться и горячего темперамента… по своему обыкновению, не исполнил приказа своего корпусного командира и, увлекшись преследованием, попал в Гуменное, где был окружен и с большим трудом пробился обратно, потеряв 2 тысячи пленными, всю артиллерию и часть обоза»… Брусилов, по его словам, хотел предать Корнилова военному суду, но по просьбе командира корпуса генерала Цурикова ограничился выговором в приказе… им обоим».

Оценивая сложившуюся ситуацию, А. И. Деникин считал, что причина поражения дивизии Корнилова заключалась в том, что

«войска 24-го корпуса проникли глубоко в расположение противника… Операция сулила большой успех, но над ней уже нависла катастрофа. Движение дивизии Корнилова почему-то ничем не было обеспечено с востока».

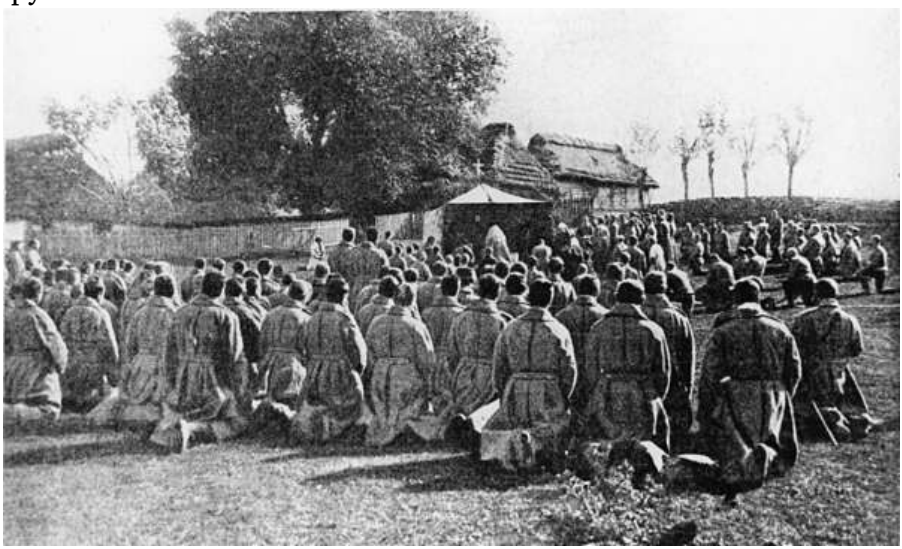
Опасность положения 48-й дивизии хорошо сознавал и Цуриков, который по этому вопросу связался с Брусиловым по телефону в ночь на 23 ноября. Выслушав командира корпуса, Брусилов ответил, что наступление в Венгерскую долину «вовсе не входит в его расчеты»[24].

Казалось бы, небольшой эпизод на фоне событий большой войны. Но он говорит о многом. Ссылаясь на воспоминания Брусилова и мемуары Деникина, мы имеем два совершенно противоположных взгляда на одни и те же события. Одно пишет Брусилов, находившийся в сотне километров от места боев, и время его воспоминаний относится к советскому периоду, другое – А. И. Деникин, непосредственный участник боевых действий, во время работы над своими мемуарами находившийся в эмиграции в Париже. Кому верить – не ясно. Но тот факт, что командир 48-й пехотной дивизии не знал об истинной задаче Сводной казачьей дивизии, действующей перед фронтом его войск, не лучшим образом характеризует командующего 8-й армией и командира 24-го армейского корпуса. В то же время нельзя одобрить и самовольные действия командира 48-й дивизии, который решился на наступление, не зная замысла штаба армии и корпуса. И если со стороны Брусилова это можно рассматривать как служебную халатность, то действия Корнилова явно тянут на воинское преступление. Но в то время по отношению к генералам такие формулировки применялись крайне редко.

Весна в Карпатах

В конце января 1915 года австрийцы и германцы в Карпатах, желая предупредить маневр русских, сами перешли в наступление. Одновременно перешли в наступление и русские войска. Обоюдное наступление противоборствующих сторон тут же вылилось в ряд встречных боев.

Встречные бои войск 8-й армии зачастую имели характер трудных лобовых атак, которые происходили на горных перевалах в зимнюю стужу. В результате этого темпы наступления русских войск были крайне низкими. Только в первых числах февраля правое крыло 8-й армии овладело участком Карпат, выйдя на линию Конечна-Свидник-Мезо-Лаборч-Балигрод. Но войскам, наступавшим юго-восточнее, против которых находилось от 13 до 15 австро-германских дивизий, приходилось перейти к обороне. Особенно сильными были атаки германских войск на мункачском направлении, в районе горы Козювки. В Буковине русские войска были вынуждены отходить на реки Серет и далее на Днестр и Прут.



Молебен перед наступлением.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. И. Иванов, видя нежелательное развитие операции, обратился в Ставку с просьбой о подкреплении фронта свежими силами. Но ему было отказано вследствие неустойчивого в то время положения на Северо-Западном фронте. Тогда ему пришлось прибегнуть к перегруппировке войск своего фронта, растянутого от реки

Пилицы до Румынии. С левого берега реки Вислы было переброшено на левый фланг Юго-Западного фронта несколько корпусов, образовавших новую 9-ю армию генерала Лечицкого (8,5 пехотной и 5 кавалерийских дивизий). Эта армия развернулась в полосе от Бочехова до румынской границы, имея своей задачей нанести контрудар по противнику, наступавшему от Мармарош-Сигета на Надворную. Переброска соединений 9-й армии закончилась к концу февраля.

Всю зиму войска 8-й армии простояли в Карпатах, время от времени ведя с противником бои местного значения. 26 января он пишет жене: «Мне, военному, всю мою жизнь усердно изучавшему военное искусство, хотелось принять участие в этой великой народной войне и этим завершить военное и земное поприще… Но из этого не следует, чтобы мне не было часто страшно тяжело»[25].

2 марта 1915 года в Ставку приехал командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. И. Иванов, который долго о чем-то совещался с Верховным главнокомандующим и его начальником штаба. Он сообщил о том, что с конца декабря 1914 года Главное командование Юго-Западного фронта самостоятельно ведет подготовку операции прорыва через Карпаты для вторжения в Венгрию. Николай Николаевич с готовностью схватился за эту идею, и уже 19 марта Янушкевич письмом уведомил обоих главнокомандующих фронтами о том, что «отныне Верховный главнокомандующий имеет своей основной целью перейти всем Северо-Западным фронтом к чисто оборонительного характера действиям, а Юго-Западному фронту предназначает главнейшую задачу будущей части кампании. Общая идея при этом та, чтобы действовать активно, нажимая с левого фланга Юго-Западного фронта, продвигаясь в направлении примерно на Будапешт и далее в обход всей линии Краков-Познань-Торн». Таким образом, наступательная операция Юго-Западного фронта была выдвинута на главное место в стратегических планах русского командования на весну 1915 года.

По замыслу штаба Юго-Западного фронта главный удар должна была наносить 8-я армия генерала А. А. Брусилова. Для этого четыре ее корпуса были сосредоточены на участке от Дуклинского прохода до Балигрода с задачей наступать на Гуменное в Венгерскую равнину. Одновременно через Турку на Унгвар должен был наступать еще один корпус с кавалерийской дивизией для отвлечения на себя части австрийских сил. Левый фланг 8-й армии планировалось обеспечить частями соседней 3-й армии генерала Радко-Дмитриева.

В это время основное внимание командования Юго-Западного

фронта было приковано к крепости Перемышль, осада которой продолжалась. 9 марта эта крепость наконец капитулировала, и, как пишет Брусилов, «наше положение на фронте в Карпатах стало легче».

В середине марта, в связи с болезнью генерала Н. В. Рузского, командующим Северо-Западным фронтом был назначен генерал М. В. Алексеев. Начальником штаба Юго-Западного фронта, по просьбе Иванова, стал генерал В. М. Драгомиров. Командиром 12-го армейского корпуса был назначен генерал А. М. Каледин.

Покончив с Перемышлем, русское командование наконец-то решилось начать наступление и в полосе 8-й армии. Брусилов не возражал против этого. 18 марта он отдал приказ войскам, в котором говорилось: «Массовая сдача в плен противника указывает, что дух его подорван, и необходимо напрячь все силы, чтобы добить врага. Я отлично понимаю, что в настоящее время года, при полнейшей распутице, при бездорожье, движение представляет громадные трудности и требует сверхчеловеческих усилий. Но противнику еще более тяжело, потому и надо напрячь все силы, чтобы безостановочно теснить противника и окончательно его разгромить».

Но русское командование, толкнув войска Брусилова в это наступление, явно переоценило свои силы. Подтянув резервы, используя условия местности, противник на каждом выгодном рубеже встречал русских подготовленной обороной. К тому же Брусилов, ведя наступление на противника исключительно с фронта, в то время практически никак не использовал возможности своей кавалерии для флангового маневра. В результате этого перед каждым новым оборонительным рубежом противника русским войскам приходилось останавливаться для подготовки новой атаки, а лобовые атаки, как известно, чреваты большими потерями. Поэтому уже 27 марта Брусилов, ссылаясь на большую утомленность и потери войск, предупредил командование Юго-Западного фронта, что без пополнения 8-й армии резервами «наступление может приостановиться». Но резервов на то время у фронта не было, и в ответной телеграмме от 28 марта генерал Иванов отдал приказ 8-й армии о переходе к обороне на занимаемых рубежах.

Позиции зимой в Карпатах.

Тем временем германское командование, обеспокоенное неудачами австро-венгерских войск в Карпатах, вновь решило помочь своему союзнику. К середине апреля, перебросив значительные силы с Западного фронта, противник создал мощную группировку войск в полосе 3-й армии Юго-Западного фронта. Она превосходила противостоявшие ей русские войска по живой силе в 2 раза, по легкой артиллерии и пулеметам – в 3 раза, по тяжелой артиллерии – в 40 раз. Различными были и возможности сторон по боеприпасам. Русская артиллерия могла отвечать одним выстрелом на сорок выстрелов противника. Все это делало угрозу сильного вражеского наступления весьма реальной.

В начале апреля Брусилову стало известно, что 8-ю армию намерен посетить Николай II. Безусловно, для командующего армией приезд царя в сопровождении Верховного главнокомандующего и командующего фронтом было событием чрезвычайной важности. До этого времени с начала войны с Николаем II Брусилову встречаться не приходилось. Царь изредка посещал Ставку, но до войск опускался крайне редко и в оперативные вопросы практически не вникал. И вот царь с Верховным главнокомандующим по пути из Львова приехал в расположенный у подножья Карпат город Самбор, где в то время находился штаб 8-й армии. Брусилова также заранее предупредили, что царь со своей свитой будет в Самборе обедать, после этого поедет в Старое Место, где произведет смотр 3-му Кавказскому армейскому корпусу, а к ночи направится в

Перемышль для осмотра этой крепости.

С утра 10 апреля на железнодорожной станции был выставлен почетный караул. Около 11 часов утра на станцию прибыл первый поезд с царской свитой. В 12 часов прибыл царский поезд. Брусилов коротко доложил царю о состоянии вверенной ему армии. При этом он успел отметить особые заслуги «Железной» дивизии А. И. Деникина, ее 16-го стрелкового полка, также его 1-й роты, шефом которой числился государь и которая находится в почетном карауле. Царь тут же вручил всем солдатам этой роты Георгиевские кресты.

Затем с железнодорожной станции царь и его свита поехали в дом, занимаемый штабом 8-й армии, где для них уже был приготовлен обед. В столовой государь, обращаясь к Брусилову, сказал, что в память того, что он обедает у него в армии, он жалует ее командующего своим генерал-адъютантом. Брусилов был больше обижен, чем обрадован этой наградой. Объясняя это, он писал: «Я этого отличия не ожидал, так как царь относился ко мне всегда, как мне казалось, с некоторой недоброжелательностью, которую я объяснял тем обстоятельством, что, не будучи человеком придворным и не стремясь к сему, я ни в ком не заискивал и неизменно говорил царю то, что думал, не прикрашивая своих мыслей. Заметно было, что это раздражало царя. Как бы то ни было, это пожалование меня несколько обидело, потому что из высочайших уст было сказано, что я жалуюсь в звание генерал-адъютанта не за боевые действия, а за высочайшее посещение и обед в штабе вверенной мне армии».

В завершение смотра войска прошли перед царем торжественным маршем. После этого Николай II и сопровождавшие его лица снова сели в поезд и поехали в Перемышль. Брусилов же вернулся в Самбор, в штаб своей армии.

Позже, уже после Октябрьской революции, Брусилов в своих воспоминаниях в отношении личности Николая II напишет: «Я считал лично Николая II человеком чрезвычайно незадачливым, которого преследовали неудачи в течение всего его царствования, к чему бы он ни приложил своей руки. У меня было как бы предчувствие, что эта поездка предвещает нам тяжелую катастрофу». И несколько ниже: «Царь не умел обращаться с войсками, говорить с ними. Он и тут, как всегда, был в некоторой нерешительности и не находил тех слов, которые могли привлечь к нему души человеческие и поднять дух. Он был снисходителен, старался выполнять свои обязанности верховного вождя армии, но должен признать, что это удавалось ему плохо, несмотря на то что в то время слово «царь» имело еще магическое влияние на

солдат»[26].

Сам император этому визиту не придавал особого значения. В дневнике Николая II сохранилась скупая запись: «В 10 часов отправился с Николашей и другими по жел. дор. в Самбор. Приехал туда около часа и был встречен Брусиловым и моей чудной ротой 16-го стрелкового императора Александра III полка – под командой ее фельдфебеля. Проехал в штаб-квартиру Брусилова, где назначил его генерал-адъютантом. Он нас накормил завтраком, после чего вернулись в поезд и продолжили путь на юг. Первая гряда Карпат была хорошо видна. Погода стояла дивная. Около 4 час. прибыл в Жиров, где был собран весь 3-й Кавказский корпус ген. Ирманова. Обошел все части пешком, а затем объехал их на моторе и благодарил за боевую службу. Вид полков великолепный…»[27].

19 апреля 1915 года австро-германские войска переходят в наступление в Галиции и прорывают фронт 3-й армии генерала Радко-Дмитриева. Позже это наступление получило название «Горлицкий прорыв». Оно началось на узком участке фронта в условиях значительного превосходства противника в силах и средствах. Против шести русских дивизий, имевших всего 50 легких полевых орудий с ограниченным боекомплектом снарядов, германское и австро-венгерское командование бросило 13 хорошо укомплектованных дивизий, наступление которых поддерживало 200 орудий, из которых 50 были тяжелыми, при практически неограниченном запасе снарядов. В результате русская артиллерия отвечала одним выстрелом на 150–200 выстрелов противника, снаряды которого буквально перепахивали русские окопы. Это позволило германскому командованию прорвать русскую оборону и начать развитие наступления в глубину. Соединения 3-й армии начали отход со своих позиций в полном беспорядке.

Провал очередного наступления.

Брусилов, наблюдавший за боями в районе Горлицы несколько со стороны, позже позволил себе подвергнуть острой критике как действия командующего фронтом, так и командующего армией. Он считал, что «вина прорыва 3-й армии ни в какой мере не может лечь на Радко-Дмитриева, а должна быть всецело возложена на Иванова».

В то же время он находил, что Радко-Дмитриев, который знал о готовящемся наступлении противника, со своей стороны не сделал все необходимое для его отражения. Брусилов считал, что в таких условиях командующий 3-й армией «должен был своевременно распорядиться о сборе всех возможных резервов своей армии к угрожаемому пункту и вместе с тем отдать точные приказания всем своим войскам, в каком порядке и направлении, в случае необходимости, отходить, на каких линиях останавливаться и вновь задерживаться, дабы по возможности уменьшить быстроту наступления противника и провести отступление своих войск планомерно и в полном порядке. Для сего необходимо было заблаговременно, без суеты убрать все армейские тыловые учреждения и также заблаговременно распорядиться устройством укреплений на намеченных рубежах». Судя по этой записи, можно сделать вывод о том, что к весне 1915 года Брусилов, хорошо изучив особенности обороны противника в Карпатах, предлагал наиболее передовой ее опыт внедрить в

практику русских войск. Так появлялась передовая для того времени теория «маневренной обороны», которая в последующем была принята на вооружение многими армиями мира.

Представляют интерес и взгляды Брусилова на вопросы управления войсками. Он пишет, что «во время этого несчастного отступления на всем обширном фронте армии Радко-Дмитриев потерял бразды управления, чего не было бы, если бы он заблаговременно, по намеченным рубежам, надлежащим образом распорядился устроить техническую службу связи». Вместо этого командующий 3-й армией «стал сам катать в автомобиле от одной части к другой и рассылал для связи своих адъютантов, которые, как рассказывали очевидцы, отдавали от его имени приказания начальникам частей, минуя их прямых начальников; приказания же эти были часто противоречивые».

Подводя итоги неудачных действий 3-й армии в районе Горлица, Брусилов писал: «Понятно, что от такого управления войсками сумбур только увеличивался, и беспорядок при отступлении принял грандиозные размеры не столько от поражения, сколько от растерянности начальников всех степеней, не управляемых более одной волей, не знавших, что им делать, и не знавших, что делают их соседи. Результат совокупности всех перечисленных условий отступления и не мог быть иным»[28].

В связи с продвижением противника в глубину угроза нависла над правым флангом 8-й армии, где оборонялись 24-й корпус генерала А. А. Цурикова и 48-я пехотная дивизия генерала Л. Г. Корнилова. Разгромив главные силы 3-й русской армии, противник вышел во фланг и тыл 24-го корпуса. Вскоре после этого дивизия Корнилова была разгромлена, а сам он попал в плен.

События развивались следующим образом.

Угроза, нависшая над его правым флангом, вынудила генерала Цурикова отдать приказ на отступление. В первой половине суток 23 апреля 48-я дивизия, оставив 20-километровый укрепленный рубеж, отошла на 25–30 км. Поздно вечером Лавр Георгиевич получил новый приказ об отходе дивизии еще на 15–20 км. После этого командир корпуса уехал в тыл, предоставив организацию отхода соединений командиру дивизии.

Объективно говоря, 48-я дивизия вполне могла избежать окружения. Но Корнилов, не имея информации от соседей, неправильно оценил обстановку. Вместо того чтобы быстрее выполнить полученный приказ, он готовился начать наступление во фланг группировки противника, теснившей части соседней дивизии. В это время бригада 2-го германского корпуса, используя отход соседней дивизии, уже заняла господствующие

высоты на путях отхода частей 48-й пехотной дивизии.

Безусловно, наступление 48-й дивизии не удалось. Наступающие, понеся тяжелые потери, залегли и окопались. Утром 24 апреля Корнилов послал командиру корпуса донесение с просьбой о помощи. Но генерал Цуриков получил это донесение лишь вечером этого дня и никаких мер предпринять не успел.

В полдень Корнилов попытался прорываться собственными силами. Но во время развертывания для атаки один из полков попал под мощный огонь пулеметов со стороны Мшаны. Солдаты в панике бросились в лес. Часть была разгромлена, и через несколько часов австрийцы пленили около трех тысяч человек.

К 18 часам немецкие войска заняли Дукл, а передовые части австрийцев – Тржицианy. Кольцо окружения сомкнулось. Капитуляция в таких условиях была бы вполне естественной. Но Корнилов в наступивших сумерках снова повел дивизию на прорыв. Удача улыбнулась немногим. Прикрывавший отход батальон 192-го Рымникского полка полег почти полностью.

С рассветом огонь противника обрушился на оставшиеся в окружении подразделения со всех сторон. Русские отчаянно отбивались. На предложение немецкого парламентера сдаться генерал Корнилов ответил, что он не может этого сделать без разрешения на то старшего командира. После этого он, предварительно в приказе по соединению сложив с себя командование дивизией, с группой офицеров штаба скрылся в лесах.

Информация о бегстве командира быстро распространилась среди остатков 48-й пехотной дивизии. Вскоре почти три с половиной тысячи солдат и офицеров, оставшихся в живых, сдались немцам. Сам Корнилов, раненный в руку и ногу, 28 апреля был взят в плен австрийцами.

Как ни странно, но действия 48-й дивизии, несмотря на печальный исход боя, были высоко оценены командующим войсками Юго-Западного фронта генералом Н. И. Ивановым, который обратился в вышестоящие инстанции с ходатайством о награждении доблестно сражавшихся частей дивизии и особенно ее командира. Его ходатайство было удовлетворено: всем нижним чинам были жалованы Георгиевские кресты, а отличившимся в боях офицерам – ордена Святого Георгия 4-й степени. Корнилов был представлен к ордену Святого Георгия 3-й степени.

Правда, непосредственный начальник Корнилова командир корпуса генерал А. А. Цуриков считал Лавра Георгиевича ответственным за гибель 48-й дивизии и требовал суда над ним. Но его голос был не услышан из-за дифирамбов, которые пел Корнилову генерал Иванов, а Брусилов также не стал «выносить

сор из избы». Неприятности не нужны были никому.

Между тем события в районе Горлицы набирали нежелательные для русских войск обороты. В этих условиях командование Юго-Западного фронта, начавшее переброску войск в полосу 3-й армии, освободило эту армию от обороны ранее захваченной у противника крепости Перемышль, перепоручив ее 8-й армии. Но на то время эта крепость уже не представляла собой сильной боевой единицы: большинство ее фортов было разрушено, артиллерийское вооружение крепости снято. Правда, вместе с крепостью к Брусилову из состава 3-й армии отходили и два армейских корпуса. Но на поверку оказалось, что эти корпуса представляют собой лишь «жалкие остатки» мощных армейских соединений.

Армия Брусилова не смогла удержать Перемышль, который 3 июля был снова захвачен противником. После поспешного отхода ее соединений к Хырову австро-венгерские войска охватили с фланга 11-ю армию, заставив ее отступать за Днестр. Оправдывая свой отход, в своих воспоминаниях Брусилов пишет много. Но, внимательно прочитав его записи, я пришел к выводу, что на этапе выхода из боя и отхода сопротивление противнику оказывалось минимальное. Промежуточные рубежи не занимались, на занятых рубежах войска не окапывались. Доходило до того, что ни командир корпуса, ни командир дивизии, ни командир полка не могли показать командующему на местности начертание оборонительной линии, при том, что на карте она была четко обозначена.

Анализируя операцию 8-й армии в районе Перемышля, справедливости ради нужно отметить следующее. Оборонявшиеся в районе Перемышля 12-й и 21-й армейские корпуса на момент передачи их в оперативное подчинение 8-й армии (4 мая) имели в своем составе пять пехотных дивизий, а некомплект в них составлял всего 8 тысяч человек (около 12 % от штатного состава). При таком некомплекте войска считались еще вполне боеспособными. Кроме того, у Брусилова было достаточно войск для переброски части сил в угрожаемый район. Именно поэтому Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич писал Брусилову: «Привыкший и уверенный всегда в Ваших энергичных действиях, я убежден, что Вы в соответствии с директивой генерал-адъютанта Иванова не только удержите Перемышль… но и упорной обороной на фронте Ваших правофланговых корпусов и активными действиями на всем остальном Вашем фронте упрочите общее положение дел».

Во-вторых, история о разоружении Перемышля выглядела не совсем правдоподобно. Известно, что в самой крепости были

захвачены практически все орудия, доставшиеся русским при ее сдаче, а также большое количество снарядов к ним. При отходе от Перемышля южнее этой крепости русскими войсками было оставлено до 30 орудий. Планомерно организованным такой отход назвать трудно.

Но, как видно, Брусилову легче было критиковать Радко-Дмитриева за неумелую оборону в районе Горлицы и советовать, как нужно было ее вести, чем реализовать эти советы на практике.

Смена верховных

В боях с 30 мая по 2 июня противник прорвал фронт 8-й армии у Мосциске и южнее Любачува. В связи с этим Брусилову было приказано упорно задерживать противника, отходя на Раву-Русскую и Львов. Однако отход 8-й армии на Гродекскую позицию был обнаружен противником, который постоянно преследовал ее соединения, буквально «вися у них на плечах».

6 июня армия Макензена прорвала фронт Брусилова у Магирува, а армия Бем-Эрмолли полностью выбила русских с Гродекской позиции. 7 июня Львов был захвачен противником. При этом врагу удалось захватить 59 тысяч пленных, 9 орудий и 136 пулеметов.

9 июня Брусилов приказал своим войскам отойти на рубеж Карне-Пржистане-Жедлец-Ярычув-Бобрика. После боев на этом рубеже Брусилов 14 июня внезапно отвел почти все свои силы за реки Западный Буг и Солокия, поставив в трудное положение упорно оборонявшиеся в районе Рава-Русской и южнее Львова войска 3-й и 11-й армий.

Плохо организованный, близкий к паническому отход 8-й армии вызвал недовольство командующего Юго-Западным фронтом. В своей телеграмме в Ставку от 14 июня он отмечал, что отход 8-й армии принял «какой-то стадный характер», что воля ее начальников подавлена противником и они потеряли чутье при оценке обстановки. В ответ Брусилов 15 июня направил телеграмму начальнику штаба Ставки генералу Н. Н. Янушкевичу о том, что после высказанных упреков в адрес командования 8-й армии ему невозможно оставаться в своей должности. Того же дня Верховный главнокомандующий направил Брусилову телеграмму следующего содержания: «Ознакомившись с телеграммой генерал-адъютанта Иванова, уверен, что Вы приложите все силы, чтобы осуществить указания главнокомандующего (командующего фронтом. – *Авт.*) и сохранить всегда доблестно дравшуюся 8-ю армию». Правда, при этом он известил Иванова, что полностью согласен с его выводами.

Но, как видно, Брусилов и сам понимал свою вину за не совсем хорошо организованный отход его армии. Именно поэтому буквально на следующий день после получения телеграммы от Верховного он поехал в Ровно, в штаб фронта, для объяснений с Ивановым. Прибыв туда, он был встречен новым начальником штаба фронта генералом С. С. Савичем, с которым постарался объясниться. Его раньше Брусилов не знал, но уже на основании

первой встречи с этим человеком «вынес убеждение, что это – тип так называемой лисы патрикеевны и что мне и в будущем ничего приятного в сношениях с этим штабом не предстоит».

Затем Брусилов встретился с генералом Ивановым, который принял командующего 8-й армией довольно любезно, и Брусилову даже показалось, что он был несколько смущен. Он сказал, что совершенно не понимает, чем Брусилов на него обижен, так как его критика касалась не командующего, а его штаба. На это Брусилов ответил, что его штаб находится под его непосредственным начальством и сам по себе ничего штаб делать не может. В заключение Брусилов сказал, что сможет оставаться командующим армией только в том случае, если будет пользоваться полным доверием командующего фронтом, и прямо спросил о том, пользуется ли он таким доверием.

Руководство боем.

Иванов уклонился от прямого ответа на поставленный вопрос. Вместо этого он начал рассказывать разные эпизоды из Японской кампании, которые не имели отношения к делу. Он говорил также, что у него нет оснований не доверять командующему 8-й армией и что лично против него ничего не имеет.

Но Брусилов поехал в Ровно совсем не для того, чтобы окончательно рассориться с Ивановым и настоять на своем освобождении от должности командующего армией. В воспоминаниях он пишет: «Оснований для ухода с моего поста я не получил, да мне, в сущности, и жалко было покидать армию в

то время, когда наши дела были плохи и когда мы обязаны были напрячь все наши силы, чтобы спасти Россию от нашествия». Поэтому, пообедав в компании Иванова и Савича, Брусилов в тот же день вернулся в штаб 8-й армии. Вечером он написал очередное письмо жене, в котором, между прочим, указывалось: «Я ездил в Ровно объясняться с Ивановым. Окончилось примирением».

В Петербурге военные неудачи российской армии на австро-германском фронте в 1914 и 1915 годы, как правило, объяснялись слабостью Верховного командования. Причем говорили об этом на всех уровнях – от улицы до коридоров Зимнего и Царскосельского дворцов. Поэтому неудивительно, что император Николай II все чаще приходил к мысли о необходимости лично возглавить вооруженную борьбу России с врагами во всех ее проявлениях. Перед ним были примеры Петра Великого, Александра I и Александра II, которые во время войны были вместе со своей армией. Со временем, по мнению императора и его ближайшего окружения, это стало особым выражением отношения царя в своему долгу перед подданными и Отечеством. И Николай II не смог не поддаться искушению.

В августе 1915 года он принял ответственное решение.

«Вечером 4 августа после обычного доклада, – вспоминал бывший тогда военным министром А. А. Поливанов, – государь высказал мне намерение вступить в верховное командование армиями. На возражение о трудностях, сопряженных с таким намерением, император ответил:

– Я много размышлял по сему поводу, принятое мною решение является вполне твердым».

События последующих дней до вступления Николая II в должность Верховного главнокомандующего мало чем отличались от обычного уклада его жизни.

11 августа у императора состоялись встречи и обстоятельные разговоры с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, председателем Государственной думы М. В. Родзянко и новым военным министром А. А. Поливановым. Обсуждались меры, связанные с вступлением императора в должность Верховного главнокомандующего. Сазонов и Поливанов были против, Родзянко, почувствовав ослабление контроля над Государственной думой, занял явно выжидательную позицию.

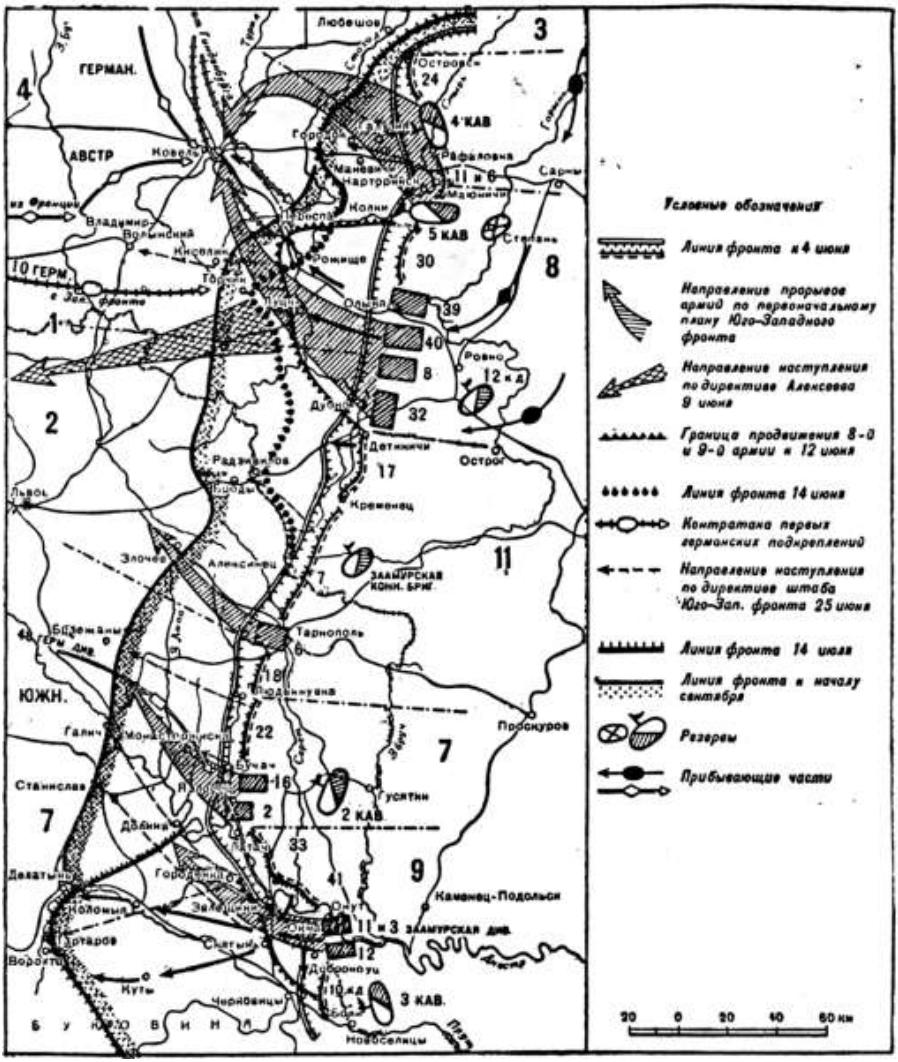


Схема 6. Кампания на Восточноевропейском театре 1915 г.

После этого несколько дней Николай II в кругу семьи обдумывал результаты этой беседы, не встречаясь ни с кем из ответственных министров. 15 августа он снова пригласил к себе А. А. Поливанова и министра Императорского двора В. Б. Фредерикса. На этот раз вопрос о вступлении в верховное главное командование уже не обсуждался, а обговаривались только отдельные детали. При этом если военный министр уже внутренне был готов к такому разговору, то 75-летний Фредерикс выглядел явно подавленным.

18 августа император снова пригласил к себе А. А. Поливанова, с которым проговорил ряд вопросов, связанных со снабжением армии на ближайшее время. По тому, что впервые

вопросы военных поставок рассматривались не в целом, а по направлениям, у военного министра сложилось мнение, что император старался увязать их со стратегическими планами ближайшей кампании.

20 августа, после обеда, по настоянию большинства министров Николай II собрал в Царском Селе совет для того, чтобы выслушать тревожившие его членов мысли. С горячими речами выступило большинство министров, убеждая государя отказаться от задуманного. Они указывали на то обстоятельство, что положение на фронте не является следствием просчетов великого князя Николая Николаевича, отмечали те опасности, которые могут возникнуть с оставлением государем столицы при нарушенном равновесии в стране.

Заседание продолжалось до 23.30. По воспоминаниям его участников, Николай II с усталым видом выслушал речи министров и в заключение кратко произнес:

– Я остаюсь при своем мнении…

В подавленном настроении разъезжались участники этого заседания.

На другой день большинство их собрались вновь у министра иностранных дел С. Д. Сазонова и подписали коллективное письмо государю, убеждая его отказаться от верховного командования. И хотя это письмо было подписано восемью министрами, оно не вызвало никаких изменений в решении Николая II.

В этот день он ездил из Царского Села в Петроград, где обошел несколько церквей и принял благословение от матери.

22 августа император снова поехал в Петроград, где в Зимнем дворце провел первое расширенное совещание по снабжению армии боеприпасами и снаряжением. Во время этого совещания в зал вошла Александра Федоровна с наследником Алексеем, которые обошли всех присутствовавших, поздоровавшись с ними. Данная акция не имела никакого отношения к материальному снабжению армии, но должна была возбудить верноподданнические чувства присутствующих и мобилизовать их на новые свершения.

23 августа император «в 3.30 прибыл в свою Ставку в одной версте от города Могилева, – с особым ударение отмечает он. – Николаша ждал меня. Поговорив с ним, принял генерала Алексеева и первый его доклад. Все обошлось хорошо».

На следующий день утром Николай II выехал в Могилев. Первым делом посетил молебен в городском соборе, затем поехал в дом губернского правления, где размещался штаб Ставки. Выслушав доклады начальника штаба и генерал-квартирмейстера,

поехал в дом губернатора, часть которого занимал великий князь Николай Николаевич. Там он подписал указ и приказ по армии о принятии им верховного командования с 23 августа 1915 года.

Император, а теперь уже и Верховный главнокомандующий, требовал от своих генералов самых решительных действий. В начале сентября 1915 года русские войска останавливают наступление германских войск у Тернополя. Войска окапываются, позиции окутываются многими рядами колючей проволоки. Стороны переходят к позиционной войне.

Временная позиция в Карпатах.

Таким образом, меньше чем за полтора года войны Брусилов овладел навыками командования армией в различных видах боевой деятельности. Разработанные и проведенные им наступательные и оборонительные операции были чужды шаблону, свойственному многим высшим военачальникам русской армии того периода. Он стремился к инициативным, решительным действиям, навязывая свою волю противнику, используя все возможное для достижения хотя бы частного успеха. Войска, в свою очередь, стремились добросовестно выполнять поставленные задачи, веря в полководческий талант своего командующего.

При этом сам Брусилов не питал иллюзий ни в отношении масштабов, ни в отношении продолжительности войны. Так, 3 февраля 1916 года он писал жене: «Это исключительная, мировая война, не ожидай ее скорого конца». В то же время он считал, что войну «выиграть необходимо во что бы то ни стало даже при том, что противники считают себя по праву факта победителями. Предстоит им доказать, что они ошибаются, для этого их нужно

разбить и выкинуть вон из нашей страны. Это, несомненно, будет, но не так-то скоро… как ни тяжело, но мира не может быть, пока не разгромим немца»[29].

Решение императора Николая II стать во главе действующих войск было встречено с большой сдержанностью и русскими общественными кругами, и многочисленными членами императорской фамилии, и за границей – союзниками. На чрезвычайном собрании московской Городской думы раздались громкие протесты против этого решения. Отрицательно было отношение к этому факту и многих членов законодательных палат. Предостерегающие доклады делались императору и некоторыми великими князьями. «В армии, – отмечал А. И. Деникин, в то время командующий 10-й армией, – этот значительный по существу акт не произвел какого-либо впечатления. Генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос, кто будет начальником штаба… Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии».

Представляет интерес также оценка происшедшего председателем Государственной думы М. В. Родзянко. «Император Николай II брал на себя очевидно непосильную задачу и бремя, – писал он, – одновременно в небывало тяжелое время управлять уже начавшей волноваться страной и вести совершенно исключительной трудности войну, приняв командование над более чем десятимиллионной армией, не будучи совершенно к этому подготовлен в стратегическом отношении. Дело осложнялось еще и тем, что исчезал высший орган, перед которым главнокомандующий был бы ответствен. Русский царь добровольно и без всякой надобности брал на себя ответ в случае дальнейших военных неудач».

Но Николай II, возглавив действующую армию, рассчитывал только на последующие успехи. 11 октября из Ставки выехал на юг, в расположение войск Юго-Западного фронта. На следующий день Николай II в Ровно, где располагался штаб 8-й армии, приехал с наследником Алексеем и командующим войсками фронта генералом Н. И. Ивановым в сопровождении большой свиты. Свитские чины очень боялись появления вражеских аэропланов, которые действительно частенько бомбили станцию. Но в этот день небо было покрыто низкими тучами, и визита «таубе» не приходилось ждать. Кроме того, командующий армией «на всякий случай» приготовил восемь самолетов для прикрытия станции, на которую прибыл августейший гость.

Выслушав рапорт Брусилова, Николай спросил:

– Далеко ли до противника?

– Фронт находится верстах в двадцати пяти, государь, – ответил Алексей Алексеевич. – А только что сформированная 100-я дивизия, которую Вашему Величеству угодно осмотреть, сосредоточена в восемнадцати верстах отсюда…

Немного помедлив, Брусилов добавил:

– Считаю своим долгом предупредить Ваше Величество, место сосредоточения дивизии в это время подвергается воздействию вражеской тяжелой артиллерии. Поездка все же представляется мне довольно безопасной, поскольку в тумане неприятель стрелять не станет: без корректирования стрельбы немцы зря снаряды не тратят.

К месту смотра поехали на автомобилях. Царь вместе с наследником обошел войска, пропустил их мимо себя церемониальным маршем. Затем он поехал еще ближе к фронту и осмотрел перевязочный пункт для тяжелораненых. Особой пользы для войск от этого визита не было.

Подготовка большого наступления

На начало 1916 года для борьбы на все существовавшие в то время фронты страны Четверного союза смогли мобилизовать 9 млн человек, в то время как страны Антанты держали под ружьем 18 млн человек. Это позволяло воюющим сторонам иметь соответственно 286 и 365 дивизий. Возросла и огневая мощь пехотных соединений, которые составляли основу действующих армий сторон. Так, если в начале войны в германской и французской пехотных дивизиях было всего по 24 пулемета, то к концу 1915 года германская дивизия имела на вооружении 54 станковых, 108 ручных пулеметов, французская – 72 станковых и 216 ручных пулеметов[30].

Имея численное превосходство, Великобритания и Франция решили в 1916 году перейти к активным боевым действиям на Западном фронте. Это решение было принято на межсоюзнической конференции в Шантийи в декабре 1915 года. Срок начала этого наступления намечался на лето 1916 года. Главный удар должен был быть нанесен во Франции.

Командование армий Четверного союза, не видя перспективы наступления на Восточном фронте, также считало, что в кампанию 1916 года следует главный удар нанести по Франции, которую предполагалось таким образом вывести из войны и тем самым оставить Великобританию без мощного союзника. Районом для наступления были выбраны Вердены. Там против 632 французских орудий немцы собрали более 1400 орудий и минометов, из них 493 тяжелых и 29 сверхтяжелых калибром более 380 и 420 мм. Всего же немцы превосходили противника по числу дивизий и артиллерии в 4 раза.

Операция, позже получившая название «Верденская мясорубка», началась 21 февраля и продолжалась до конца 1916 года. Она не дала успеха ни одной из сторон, но стоила им огромных потерь. За 10 месяцев тяжелых боев немцы потеряли до 600 тысяч человек, французы – 350 тысяч[31].

Союзники, с целью ослабить нажим немцев под Верденом, начали требовать от российской Ставки немедленного начала наступательной операции. Но наступление русских войск в районе озера Нарочь в период с 18 по 29 марта успеха не имело. Сказались спешка в его подготовке, недостаток боеприпасов и тяжелой артиллерии. Тем не менее русские свою задачу выполнили, заставив спешно снять с Западного фронта четыре дивизии.

В самый разгар сражения под Верденом, в марте 1916 года

Италия начала очередное наступление на австро-венгерские войска на реке Изонцо. Но это наступление быстро захлебнулось, и 15 мая австрийцы под командованием эрцгерцога Евгения сами перешли в контрнаступление. Им удалось в ходе Трентийской операции прорвать итальянские позиции на фронте в 60 км. Итальянское правительство обратилось с просьбой к России немедленно начать наступление с тем, чтобы оттянуть на себя австрийские войска. Но 30 мая наступление австро-венгерских войск затухло уже само по себе.

На начало 1916 года против Центральных держав (1061 тысяча штыков и сабель) в составе Северного, Западного и Юго-Западного фронтов русские имели 1732 тысячи штыков и сабель. Основная масса этих сил была сосредоточена севернее Полесья против германских войск. Несколько меньше войск было сосредоточено в полосе Юго-Западного фронта, действовавшего против австро-венгров.

Командующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт.

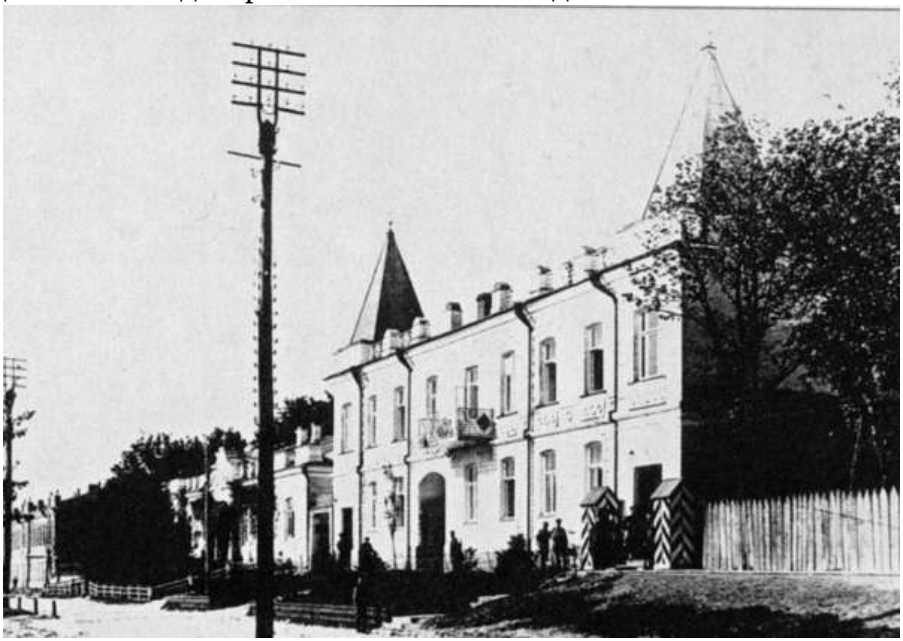
1 апреля 1916 года генерал М. В. Алексеев представил Верховному главнокомандующему план наступления силами Северного и Западного фронтов. Юго-Западный фронт должен был играть только вспомогательную роль. Но командующий Северным фронтом генерал А. Н. Куропаткин и командующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт считали, что их фронты к масштабным наступательным действиям не готовы. А. А. Брусилов повел себя совершенно иначе. Он заявил, что при

настоящем положении дел в нашей армии он твердо убежден, что подчиненные ему войска могут наступать. Он сказал: «Не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, но Юго-Западный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать, и полагаю, что у нас есть все шансы для успеха, в котором я лично убежден. На этом основании я не вижу причин стоять мне на месте и смотреть, как мои товарищи будут драться.

Командующий Северным фронтом генерал А. Н. Куропаткин.

Я считаю, что недостаток, которым мы страдали до сих пор,

заключается в том, что мы не наваливаемся на врага сразу всеми фронтами, дабы лишить противника возможности пользоваться выгодами действий по внутренним операционным линиям, и потому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он, пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию… Поэтому я настоятельно прошу разрешения и моим фронтом наступательно действовать одновременно с моими соседями…»[32].



Здание штаба Юго-Западного фронта в Бердичеве. Лето 1916 г.

После окончания военного совета Брусилов уехал обратно в Бердичев. По приезде туда он вызвал в штаб фронта всех командующих армиями и их начальников штабов. Он собрал их «не для того, чтобы спросить их мнения о возможности или плане военных действий, но считал весьма важным перед решающими событиями собирать своих ближайших сотрудников для того, чтобы лично изложить им свои решения и в случае каких-либо недоразумений разъяснить те пункты, которые им неясны или разно понимаются». Прибыли командующий 8-й армией генерал А. М. Каледин, командующий 11-й армией генерал В. В. Сахаров, командующий 7-й армией генерал Д. Г. Щербачев и исполняющий обязанности командующего 9-й армией генерал А. М. Крымов, так как П. А. Лечицкий еще болел.

Брусилов довел свое решение начать наступление в мае. Генералы молчали. Первым прервал молчание Щербачев:

– Вы лично давно уже меня знаете и знаете о моем желании действовать максимально активно, – сказал он. – Но в настоящее время, исходя из общей обстановки, я считаю наступательные действия очень рискованными и нежелательными.

– Я собрал вас не для того, чтобы решать вопрос о целесообразности ведения наступательных действий, – прервал его Брусилов. – Вопрос решен. Мы собрались для того, чтобы обсудить вопрос о том, какая роль выпадет на долю каждой из армий, и строго согласовать их действия. Поэтому предупреждаю сразу, что никаких колебаний и оговорок ни от кого ни в коем случае принимать не буду[33].

Через десять дней в Ставке снова был обсужден план предстоящей операции. На этот раз было решено главный удар нанести в полосе Западного фронта, а на армии Северного и Юго-Западного фронтов возложить нанесение вспомогательных ударов. При этом Западный фронт должен был нанести главный удар на Ошмяны и Вильно, Северный фронт – вспомогательный удар против Видзы, а Юго-Западный – против Луцка. Итогом совещания в Могилеве стала директива от 11 апреля, в которой указывалось: «Подготовку операции закончить в начале мая, главным образом в техническом отношении, в смысле накопления продовольственных и боевых средств, соответствующего их эшелонирования, подготовки дорог, в отношении сближения с противником окопами, по возможности, по всему фронту»[34].

Но если Куропаткин и Эверт всеми силами старались отговорить Ставку Верховного главнокомандующего от стратегического наступления в конце весны 1916 года, то совсем недавно назначенный командующим Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов на этот счет был совершенно иного мнения.

Дело в том, что еще в ноябре 1915 года, являясь командующим 8-й армией, Алексей Алексеевич предлагал командующему Юго-Западным фронтом зимой провести наступление силами его армии в районе Луцка и даже представил уже разработанный штабом армии план этой операции. Но осторожный Иванов тогда этот план отклонил.

И вот 11 апреля последовала директива о нанесении Юго-Западным фронтом только вспомогательного удара. Его подготовка проходила в обстановке разногласий между А. А. Брусиловым и М. В. Алексеевым. Первый предлагал нанести вспомогательный удар всеми армиями Юго-Западного фронта, второй убеждал командующего фронтом не распылять сил и нанести один, но мощный удар по Луцку, вполне справедливо полагая, что у такого удара больше шансов на успех. Но Брусилов

настаивал на своем мнении, и в этом его поддерживал начальник штаба армий Юго-Западного фронта генерал от инфантерии В. Н. Клембовский. В результате был достигнут компромисс: Брусилову было разрешено наступать на всем фронте, сосредоточив основные усилия в направлении на Ковель. Эту главную задачу должна была выполнить 8-я армия генерала А. М. Каледина. Позднее А. А. Брусилов, объясняя свое предложение, заявлял, что выбрал 8-ю армию в качестве ударной потому, что поддерживал идею Алексеева заставить противника отступить от Ковеля и Брест-Литовска, а наступление на всем фронте должно было вконец запутать противника относительно направления главного удара. «Я не гнался за городом или крепостью, а мне нужна была широта операции, чтобы принести возможно больше вреда противнику», – утверждал он[35].

А. А. Брусилов за работой в штабе 8-й армии. Апрель 1915 г.

В полосе Юго-Западного фронта со стороны противника действовали смешанная австро-венгро-германская группировка, в составе которой находились армейские группы генералов Х. Фата и Л. фон Хауэра, 4-я австро-венгерская армия группы армий генерала от инфантерии А. фон Линзингена из германского Восточного фронта, австро-венгерский Северный фронт в составе 1, 2 и 7-й австро-венгерских и Южной германской армий. В процессе подготовки операции русскому командованию удалось выяснить, что немцы сняли с данного участка фронта несколько

своих дивизий для переброски их на французский фронт. Австрийцы, которые надеялись на силу своей обороны и пассивность русских, также перебросили несколько дивизий на итальянский фронт.

В отношении численности войск противника в отечественной научной литературе имеется несколько данных, существенно отличающихся друг от друга. Так, сам А. А. Брусилов пишет: «Мы считали, что перед нами находятся австро-германцы силою в 450 тысяч винтовок и 30 тысяч сабель. Преимущество противника над нами состояло в том, что его артиллерия была более многочисленна по сравнению с нашей, в особенности тяжелой, и, кроме того, пулеметов у него было несравнимо больше, чем у нас. Агентурная разведка, кроме того, сообщила нам, что в тылу у неприятеля резервов почти нет и что подкреплений к нему не подвозится».

В исследовании, проведенном кафедрой военной истории Академии Генерального штаба РККА в 1939 году, указано, что против армий Юго-Западного фронта австро-венгры имели 437 140 штыков и 30 600 сабель, 1846 орудий, в том числе 545 тяжелых[36].

Начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев.

Имеются и другие данные. В частности, в Интернете указано, что в составе группировки противника находилось 592 330 пехотинцев, 29 764 кавалериста, 757 минометов, 107 огнеметов, 2731 артиллерийское орудие, 8 бронепоездов и 11 авиационных дивизионов и рот. Я думаю, что исследователи Академии Генерального штаба более объективны в своих подсчетах, так как А. А. Брусилов еще мог не иметь австрийских документов. Что же касается последних данных, то они, безусловно, несколько

завышены и, вероятно, охватывают всю операцию, а не только ее начало.

Оборона противника в своем построении была достаточно мощной, так как ее подготовкой австро-венгерские войска занимались более девяти месяцев. Она состояла из двух-трех позиций, удаленных одна от другой на 3–5 км. Каждая позиция, глубиной от 1,5 до 2 км, представляла собой цепь узлов сопротивления в две-три линии окопов полного профиля. Окопы были оборудованы бетонированными бойницами, стальными щитами. Для укрытия личного состава имелись тяжелые блиндажи, различные убежища, а непосредственно в окопах были вырыты так называемые «лисьи норы». Солдатские и особенно офицерские землянки были оборудованы подвесными койками, к ним было подведено электричество, а около некоторых землянок даже были разбиты цветники.

Для связи с тылом имелась целая система многочисленных ходов сообщения. Сами окопы были сооружены с таким расчетом, чтобы подступы к позициям обстреливались перекрестным ружейным и пулеметным огнем.

Подступы к первой позиции были прикрыты двумя-тремя полосами проволочных заграждении по 5–8 рядов кольев, впереди которых были заложены фугасы. Местами проволочные заграждения электрифицировались.

На удалении от 5 до 10 км от первой находилась тыловая оборонительная полоса. Но она обозначена на местности прерывистой линией окопов, прикрытых одним или двумя рядами проволоки[37].

Подготовка войск к преодолению заграждений противника.

Таким образом, оборона противника в полосе Юго-Западного фронта была достаточно сильной. Характеризуя эту оборону, Брусилов пишет: «Убежища были устроены чрезвычайно основательно, глубоко врыты в землю и укрывали людей не только от легких, но и от тяжелых артиллерийских снарядов. Они имели сверху два ряда бревен, присыпанных слоем земли толщиной около 2½ аршин; в некоторых местах вместо бревен были железобетонные сооружения надлежащей толщины; в некоторых местах они устраивались даже с комфортом: стены и потолки обиты были досками; полы были или дощатые, или глинобитные, а величина таких комнат была шагов двенадцать в длину и шесть в ширину; в окна, там, где это оказывалось возможным, были вставлены застекленные рамы. В таких помещениях ставилась складная железная печь и были устроены нары и полки. Для начальствующих лиц устраивались помещения из трех-четырех комнат с кухней, с крашеными полами и со стенами, оклеенными обоями.

Каждая укрепленная полоса позиций противника была основательно оплетена колючей проволокой: перед фронтом тянулась проволочная сеть, состоявшая из 19–21 ряда кольев. Местами таких полос было несколько, в расстоянии 20–50 шагов одна от другой; некоторые ряды были оплетены столь толстой стальной проволокой, что ее нельзя было резать ножницами; на некоторых боевых участках через проволоку заграждений пропускался сильный переменный электрический ток высокого напряжения, в некоторых местах подвешены были бомбы, а во многих местах впереди первой полосы были заложены самовзрывающиеся фугасы»[38].

Противник был уверен в силе своей обороны. Так, по признанию одного из австрийских офицеров, плененных в первый день наступления: «Мы считали, что наши позиции неприступны и прорвать их невозможно. А если бы это вам удалось, тогда нам не остается ничего другого, как соорудить грандиозных размеров чугунную доску, водрузить ее на линии наших теперешних позиций и написать: «Эти позиции были взяты русскими. Завещаем всем – никогда и никому с ними не воевать».

В то же время некоторые исследователи утверждают, что оборона австро-венгерских войск была слабой. Несмотря на то что австро-венгерское командование заранее перехватило приказ Брусилова о подготовке наступления в полосе Юго-Западного фронта, принять какие-либо действенные контрмеры оно не смогло. В частности, на фронте 4-й армии позиции были построены неудачно, так что вся вторая полоса обороны теряла

значение после прорыва первой линии. Так, один из них пишет: «Вторая позиция уже не могла быть оборудована так тщательно, так как на это не хватало рабочих рук. Третья позиция была нанесена на карты штабов большей частью в виде кое-как устроенных окопов или просто в виде линии, по которой только намечалось сооружение окопов».

Теперь в отношении сил и средств, которыми располагал Юго-Западный фронт к началу наступления. Сам Брусилов почему-то обходит этот вопрос. Но исследователи Академии Генерального штаба РККА подсчитали, что в составе 8, 11, 7 и 9-й армий было 574,6 тысячи штыков, 59,7 тысячи сабель, 1926 орудий, в том числе 279 тяжелых.

Правда, в другом, более позднем исследовании указано, что в этих армиях насчитывалось намного больше – 603 184 штыка, 62 836 шашек, а также 223 тысячи бойцов обученного запаса и 115 тысяч безоружных бойцов, так как на всех не хватало винтовок. На вооружении войск имелось 2480 пулеметов, 221 бомбомет (только в 9-й армии, по другим армиям нет сведений), 2017 орудий полевой и тяжелой артиллерии. Кроме того, войска фронта располагали двумя бронепоездами, дивизионом и 13 взводами бронеавтомобилей, 20 авиационными отрядами и двумя бомбардировщиками «Илья Муромец».

Я не берусь оспаривать эти цифры, но многолетний опыт военно-исторической работы подсказывает, что исследования, проведенные в военных академиях в конце 30-х годов, заслуживают внимания. Поэтому предлагаю остановиться именно на этих данных.

Таким образом, к началу наступления Юго-Западного фронта Брусилов имел небольшое превосходство в пехоте, почти двукратное в кавалерии, относительное равенство в артиллерии, но уступал врагу по числу тяжелых орудий. При таком соотношении сил и средств он хорошо понимал, что успех наступления будет во многом зависеть от качества его подготовки, на которую оставалось времени около восьми недель. За это время нужно было провести тщательную разведку обороны противника, определить задачи своим войскам, согласовать их усилия по рубежам, времени и способам выполнения задач, подготовить войска, создать необходимые войсковые запасы и сделать еще многое другое.

Смотр А. А. Брусиловым автомобильной части.

Изучение противника русское командование осуществляло всеми доступными ему видами разведки, прежде всего силами агентурной и воздушной разведки. Характеризуя результаты этой разведки, Брусилов пишет:

> «Уже заранее с помощью войсковой агентуры и воздушной разведки мы ознакомились с расположением противника и сооруженными им укрепленными позициями. Войсковая разведка и непрерывный захват пленных по всему фронту дали возможность точно установить, какие неприятельские части находились перед нами в боевой линии… Воздушная разведка с самолетов сфотографировала все неприятельские укрепленные позиции как ее боевой линии, так и лежавшие в тылу. Эти фотографические снимки с помощью проекционного фонаря разворачивались в план и помещались на карте; фотографическим путем эти карты легко доводились до желаемого масштаба. Мною было приказано во всех армиях иметь планы в 250 саженей в дюйме с точным нанесением на них всех неприятельских позиций. Все офицеры и начальствующие лица из нижних чинов снабжались подобными планами своего участка»[39].

По замыслу Брусилова каждая армия Юго-Западного фронта должна была наступать в ранее занимаемой ею полосе без

существенных маневров силами и средствами вдоль фронта. Это должно было ввести противника в заблуждение относительно главного удара фронта. Но при этом он требовал, чтобы каждый командующий армией «сообразно с имевшимися у него средствами» сам выбирал «у себя подходящий участок для прорыва фронта неприятельской позиции», который мог колебаться от 15 до 30 верст. На основании этого указания 8-я армия планировала наносить главный удар на участке в 20 км, 11-я армия – 10 км, 7-я армия – 13 км и 9-я армия – 15 км. Благодаря тому что к участку прорыва было сосредоточено большее количество сил и средств, их плотности значительно возрастали.

В частности, директиву командующего фронтом о подготовке наступления командующий 8-й армией получил 7 апреля 1916 года. В ней были указаны силы усиления армии, разграничительные линии и требование «к 15 сего апреля командующим армиями представить мне свои подробные соображения о подготовке и организации атаки»[40].

Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал В. Н. Клембовский.

14 апреля, то есть через неделю после получения задачи, командующий 8-й армией доложил А. А. Брусилову первый вариант замысла наступления 8-й армии, который у того не вызвал возражения, но был сделан ряд рекомендаций. В соответствии с этими рекомендациями замысел был доработан и вновь представлен на утверждение 23 апреля, то есть спустя 16 дней после получения задачи. После этого замысел неоднократно

уточнялся по различным вопросам перепиской между генералом А. М. Калединым и начальником штаба фронта генералом В. Н. Клембовским.

В результате в полосе наступления 8-й армии был определен один участок прорыва шириной от 6 до 8 км. На каждый километр участка прорыва у русских было сосредоточено 6 батальонов пехоты (5300 человек), 14 легких и 6 тяжелых орудий, у австрийцев – 2,7 батальона пехоты (до 3000 человек), 9-10 легких и 2,5 тяжелого орудия[41]. Однако, с учетом усиления армии резервами фронта, конечные плотности составляли 2,5 км на дивизию и до 20 орудий на 1 км фронта.

Командующий 8-й армией генерал А. М. Каледин.

После выработки замыслов армейских планов Брусилов предписывал, чтобы каждый командующий представлял ему на утверждение «свои соображения об атаке». Они детально рассматривались в штабе фронта, сопоставлялись с другими и только после этого утверждались, после чего «началась горячая работа по самой тщательной подготовке к атаке: в эти районы скрытно притягивались войска, предназначавшиеся для прорыва неприятельского фронта. Однако, для того чтобы противник не мог заблаговременно разгадать наши намерения, войска располагались в тылу за боевой линией, но их начальники разных степеней, имея у себя планы в 250 саженей в дюйме с подробным расположением противника, все время находились впереди и тщательно изучали районы, где им предстояло действовать, лично знакомились с первой линией неприятельских укреплений, изучали подступы к ним, выбирали артиллерийские позиции, устраивали наблюдательные пункты и т. д.».

Для обучения войск в тылу каждой армии были построены участки позиций, подобные австрийским, на которых пехота и артиллерия тренировались в технике совместных действий при выполнении боевых задач. Большое внимание уделялось вопросам поражения переднего края противника при помощи ручных гранат, преодолению проволочных заграждений, захвату и закреплению отдельных участков позиций.

Большую проблему в то время представляло собой сближение с противником до начала атаки. Дело в том, что, как только заканчивались активные наступательные действия, стороны закреплялись на своих рубежах, располагавшихся на значительном удалении друг от друга. Это диктовалось не боевой необходимостью, а условиями жизни: нужно было выйти из зоны эффективного ружейно-пулеметного и минометного огня противника, иметь место для сооружения различных искусственных препятствий, усложнять визуальную разведку со стороны противника своего переднего края. Но при подготовке очередного наступления, в условиях наличия у противника большого количества пулеметов, это пространство становилось губительным для атакующих войск. Поэтому по приказу Брусилова «пехотные части еще задолго до атаки… во многих местах начали сближение с противником окопными работами: по ночам они выдвигались ходами сообщений на 100–200 шагов вперед и устраивали окопы, обнося их рогатками с колючей проволокой. Таким путем на избранных участках наши окопы, постепенно сближаясь с противником, доводились до того, что

отстояли от позиций австро-германцев всего на 200–300 шагов, в зависимости от местности. Для удобства атаки и скрытного расположения резервов на этих исходных для боя плацдармах строилось несколько параллельных рядов окопов, также соединенных между собой ходами сообщений».

Письмо на родину перед наступлением.

За несколько дней до начала наступления незаметно ночью на первую позицию были введены войска, предназначенные для первоначальной атаки. Тогда же на огневые позиции была поставлена и хорошо замаскирована артиллерия. Отдельные орудия, специально выделенные для этого, одиночными выстрелами произвели тщательную пристрелку по намеченным целям. Были согласованы действия артиллерии и пехоты во время самой атаки и на период ее развития в глубине.

Таким образом, Брусилов разрабатывал план фронтовой наступательной операции, не имея перед собой четкого плана Ставки о действиях всех русских войск на этот период. Получив право начать наступление одновременно с другими фронтами, он в то же время имел задачу по оказанию помощи Западному фронту, в связи с чем и намечается главный удар на правом крыле фронта. В то же время и замысел самого Брусилова носит скорее тактический, чем оперативный характер, так как проблема развития успеха на большую глубину им не рассматривается. Действия армий Юго-Западного фронта рассчитаны исключительно на фронтальное наступление, без заблаговременного планирования фланговых и обходящих ударов. Между тем наличие большой массы конницы (до 15

кавалерийских дивизий) позволяло ему заранее предусмотреть развитие тактического успеха в оперативный.

Высочайший визит

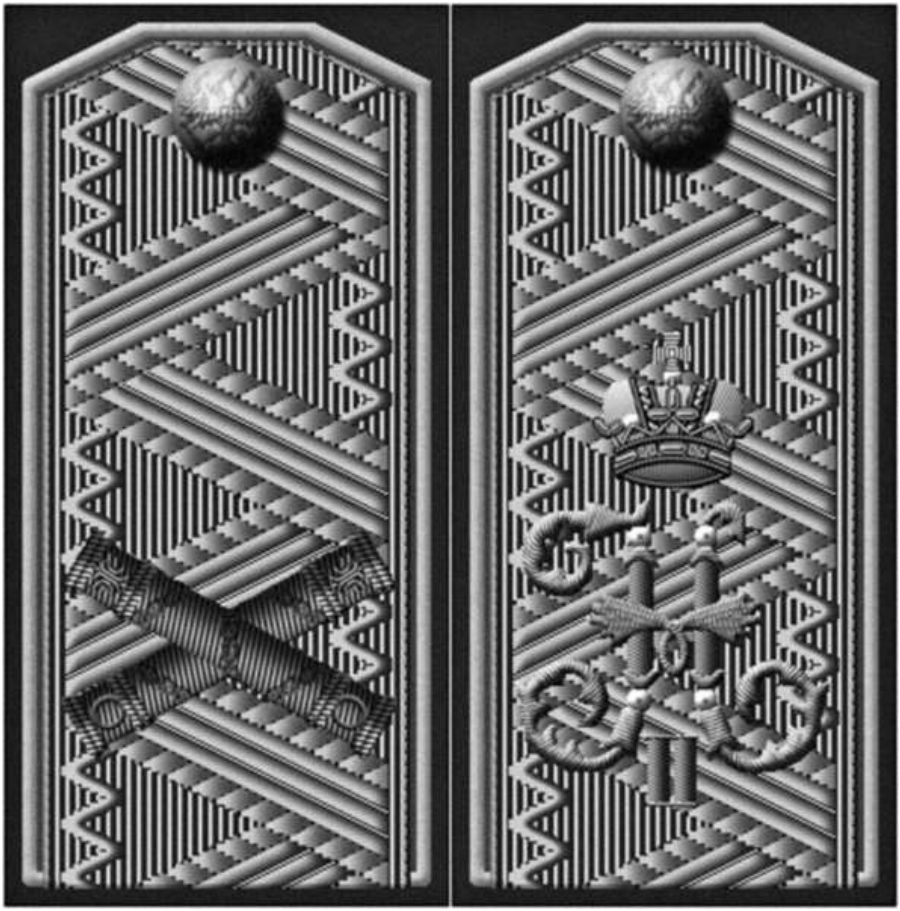
Во время подготовки войск Юго-Западного фронта к наступлению произошло нечто, что на несколько суток оторвало Брусилова от работы с войсками.

В конце апреля Алексей Алексеевич получил известие из Ставки от генерала М. В. Алексеева о том, что Николай II с супругой и дочерьми едет в Одессу для смотра Сербской дивизии, формировавшейся из пленных австро-венгерских солдат. Путь семьи императора пролегал через территорию, где размещались тылы Юго-Западного фронта, и 30 апреля Брусилову было приказано лично встречать ее в Бендерах. Это был первый визит Верховного главнокомандующего в войска Юго-Западного фронта после вступления Брусилова в должность его командующего.

Желая все подготовить к приезду императора самым лучшим образом, Алексей Алексеевич вначале поехал в Одессу, чтобы познакомиться с делами Одесского военного округа и убедиться в готовности дивизии. Найдя там все в достаточно хорошем состоянии, он направился в Бендеры, где в то время проводил смотр формировавшейся пехотной дивизии. После этого смотра они все вместе поехали в Одессу, причем Брусилов был приглашен ехать в купе к дворцовому коменданту генералу Н. В. Воейкову. Тогда Алексей Алексеевич обратил внимание на то, что среди лиц, сопровождавших Верховного главнокомандующего в многодневной поездке, не было ни одного офицера Генерального штаба, который мог бы постоянно держать Николая II в курсе важнейших оперативных вопросов. Он пишет, что в эти дни «связь царя с фронтом состояла лишь в том, что он ежедневно по вечерам получал сводку сведений о происшествиях на фронте. Думаю, что эта связь чересчур малая; она с очевидностью указывала, что царь фронтом интересуется мало и ни в какой мере не принимает участия в исполнении столь сложных обязанностей, возложенных по закону на Верховного главнокомандующего».

Перед встречей Николая II в Самборе.

Безусловно, в своих выводах Брусилов был прав. Николай II откровенно скучал в Ставке. И хотя поездки по стране средствами массовой информации выдавались за проявление государем заботы о своем народе, на самом деле они носили совсем другой характер.



Погоны генерала от артиллерии и генерал-адъютанта

Сегодня у многих россиян почему-то существует мнение, что император Николай II как правитель России заслуживает более высокой оценки. На мой взгляд, это мнение людей, недовольных нынешней властью. Как историк, я глубоко убежден, что именно Николай Романов лично виновен во многих бедах, которые обрушились на Россию и ее народ в начале XX века. А так как Брусилову как командующему фронтом приходилось работать под непосредственным руководством Верховного главнокомандующего, то есть Николая II, то от личных качеств этого человека он зависел очень сильно. В частности, на этот раз, в самый разгар подготовки крупнейшей стратегической наступательной операции 1916 года, царь с семьей 7 мая уехал из Могилева. Я предлагаю читателю, опираясь на дневник Николая II, проследить ход этой поездки.

8-го мая. Воскресенье.

Царский поезд приехал в Киев, где «к нашей радости были

встречены дорогой Мама и Ольгой. Поговорили минут 20, простились и продолжили путь. Погода была холодная с сильными ливнями. В Казатине во время закуски вышел к двум ротам, следовавшим с фронта для формирования новых полков в Москве для посылки в Салоники. В 2 часа прибыли в Винницу, где сперва обошли поезд передового санитарного отряда Аликс. Затем поехали и вблизи станции осмотрели склад и аптеку и дом, где помещается управление этого отряда. Под конец обошли огромный лазарет Земского союза, где находилось много раненых и больных, и объехали город на пути в поезд. Вернулись в 6¼. Устали порядочно. Обедали несколько чел. из местных и г-жа Гартвиг, вдова нашего посланника в Сербии. В 9 час. поехали дальше на юг.

9-го мая. Понедельник.

К счастью, вчерашняя погода изменилась к лучшему, и юг постоял за себя. В 10 час. вышли на ст. Бендеры и приняли Брусилова, Эбелова, губернатора и других. В поезде доехали до места смотра в 2 вер. от города. Участвовали части вновь сформирован. 45-го арм. корпуса, бригада 113-й пех. див., 451-й пех. Пирятинский и 452-й Кролевецкий и бригада 126-й пех. див., 501-й Сарапульский и 502-й Чистопольский полки и 1-й дивизион 126-й арт. бригады. Все представились молодцами, и я остался очень доволен. Посетили небольшой лазарет в народном доме и завтракали со старшими начальниками. В 2 часа поехали дальше. Солнце чудно пригревало. В 5.45 прибыли в Одессу. Обычная встреча и великолепный поч. караул от 465-го Уржумского полка. Поехали в собор по знакомым улицам и оттуда в склад, где получают работу жены запасных. В поезд вернулись перед самым обедом. Вечером долго ходил по платформе с дочерьми; Игорь приставал к ним.

10-го мая. Вторник.

Встал в 9 час. Погода была отличная. В 10¼ отправились на смотр за лагерь на т. н. стрелковое поле. Участвовали: бригада 117-й пех. дивизии – 465-й Уржумский и 466-й Малмыжский полки, три пех. полка 1-й Сербской добров. дивизии, 113-я арт. бригада и Черноморский конный п. Войска представились отлично, люди молодцами и лошади тоже хороши. С сербами здоровался и благодарил их, и они отвечали по-сербски! На возвратном пути, против вокзала город устроил новый сад, в кот. мы посадили по дереву. Затем осмотрел всех предметов, выделываемых Воен. промышл. комитетом здесь в Одессе. Завтракали поздно. В 3 часа поехали за город к морю. Осмотрели место производства йода и посетили Куяльницкий лиман для лечения нижн. чин. и Хаджибейский лим. для офицеров – под

покровительством Аликс. Все хорошо устроено и окружено прелестными садами, кот. все в цвету. Вернулись через весь город в поезд в 6 час. Читал первые бумаги, пришедшие сюда. После обеда на станции собрались провожающие, также и дамы. В 9 час. уехали из радушной Одессы. Все залегли спать рано.

11-го мая. Среда.

Встал в 9 час. Погода была серая, весьма приятная для путешествия. На всех [станциях] встречала масса народа, т. к. по этой дороге очень редко ездили. Не доезжая Екатеринослава, остановились и сделали хорошую прогулку вдоль пути около 2½ верст. Во время чая пролетели мимо Екатеринослава, узнал Брянский завод. Около 10 ч. остановились на ст. Попово, где еще погуляли, наслаждаясь теплым воздухом с ароматом белой акации.

12-го мая. Четверг.

Встал на ст. Альма, чтобы видеть знакомые красивые места. День был чудный с свежим ветром. В 10 час. прикатили в Севастополь. Морское и военное начальство, дамы, почетный караул от Черном. фл. эк. В 11 час. посетили Романовский институт. После завтрака принял доклад Григоровича. В 2½ отправились на нефтяном катере на рейд. Так вышло удачно, что весь флот был именно теперь в сборе. Посетили вместе линейные корабли: «Имп[ератрица] Екатерина Великая» и «Имп[ератрица] Мария». Корабли в большом порядке и производят могучее впечатление. Вернулись в поезд в 5½ ч. Занимался делами. Вечером долго оставались на воздухе, разговаривали с обедавшими моряками.

13-го мая. Пятница.

Чудный день во всех отношениях. Я с Алексеем побывал на 25 судах. В 9½ час. начал объезд, посетив: лин. корабли – «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон» и «Ростислав»; и крейсера – «Кагул», «Память Меркурия», «Алмаз» и «Прут». На каждом обходил офицеров и команды и благодарил их за боевую службу. Вернулся к завтраку. В 2½ продолжал объезд со всеми детьми. Посетил всю минную бригаду. Миноносцы 1-го дивизиона: «Пронзительный», «Счастливый», «Беспокойный», «Гневный» и «Дерзкий»; 2-го дивизиона – «Громкий», «Пылкий», «Быстрый» и «Поспешный»; 3-го див. «Лейтенант Шестаков», «Кап[итан]-лейт[енант] Баранов», «Кап (итан) Сакен» и «Лейтенант Зацаренный»; 5-го див. «Заветный», «Звонкий», «Жаркий» и «Жуткий». Кончил ровно в 5 час. Сандро встретил нас на пристани и обедал с нами. Вечер был теплый и дивный.

14-го мая. Суббота.

Дивный жаркий день. В 10¼ отправились на лин. кор. «Имп.

Мария» к обедне. Аликс с детьми вернулась в поезде, а я заехал к Эбергарду на «Георгий Победоносец» и выслушал его доклад. Начали завтрак в час с половиною. В 2.45 отправился со всеми детьми на Северную сторону, где осмотрел весь участок, на кот. возводятся постройки здешнего Морского корпуса. Посетил авиацию Черном. флота и оттуда проехал через город на другую гидро-авиационную станцию у Круглой бухты – все вновь устроено. Вернулся в поезд в 6 час. Не успел почитать до обеда.

15-го мая. Воскресенье.

Такой же дивный день с легким южным ветром. В 10¼ поехали к обедне во Владимирский собор; откуда повез Алексея в панораму – штурм Севастополя. После завтрака выехали все вместе из города и остановились заглянуть в новую церковь креп. артиллерии во имя св. муч. Иоанна-Воина. Затем доехали почти до самого Херсонесского монастыря, где я осмотрел строящуюся батарею и далее влево еще другую. Заехали в Георгиевский монастырь, в кот. были вдвоем в 1898 г. Вернулись в поезд в 5¼. Читал. Вечером долго разговаривали с гостями и простились со старшими начальниками.

16-го мая. Понедельник.

В 8 часов утра прибыли в Евпаторию, когда я еще спал. В 10 часов вышли из поезда и, приняв депутации, поехали в город. Погода была теплая, серая и ветреная. Посетили собор, мечеть и кинассу караимов, которую также посетил Александр Павлович в 1825 г. Затем осмотрели лазарет Аликс – приморскую санаторию с ранеными из Ц. Села. Прошел с Алексеем к морю и осмотрел ванны. Побывали еще в земской уездной больнице и вернулись в поезд в час с ¼. После завтрака отправились запросто в город в дальний его участок на дачу, занимаемую Аней. Дети резвились на берегу на чудном песку. Хотелось выкупаться, но воздух был прохладен. Выпив у нее чаю, приехали в поезд и в 6¼ уехали из Евпатории. Город производит очень приятное впечатление и надо надеяться разовьется в большое и благоустроенное лечебное место. Довезли Аню до ст. Сарабуз.

17-го мая. Вторник.

Спал отлично и встал, когда проходили Спасов Скит. Погода была ясная, но прохладная. Гулял с детьми на двух станциях. Читал Аликс вслух «The Mictress of Shenstone». С вчерашнего выезда из Евпатории поезд опаздывал на два часа. В Курск приехали в 3 ч. Элла встретила. Простился с дорогой Аликс и дочерьми – они продолжали путь на Север, а я с Алексеем повернули на Бахмач. Пусто стало в поезде! Было порядочно пыльно и к ночи сделалось очень холодно. Лег пораньше.

18-го мая. Среда.

С утра день был теплый и ясный. В 10½ прибыли в Могилев…»[42].

Смотр Верховным главнокомандующим войск Юго-Западного фронта (май 1916 г.).

Итак, 11-дневная поездка накануне крупнейшего наступления. За все время этой поездки только два дня (9 и 10 мая) проведены в полосе Юго-Западного фронта, и то не в боевых частях. Остальное время – осмотры, прогулки, молебны, встречи с чиновниками, занятия с детьми… Но ведь в лице императора в России в тот период была сосредоточена вся государственная и военная власть. Но как глава государства он был слаб. Николай II не смог мобилизовать все силы страны для решения военно-политических задач. Воюющая Российская империя в 1914–1916 гг. не представляла собой единый военный лагерь, а оставалась страной, раздираемой на части интересами различных группировок и партий. «Его политика всегда сводилась к тому, чтобы в крайних случаях идти на минимальные уступки обществу, а данные торжественные обещания не выполнять, если окажется малейшая возможность, – писал председатель II Государственной думы Ф. А. Головин. – В царствование Николая II министры мелькают, как в калейдоскопе, они сменяются в зависимости от постоянных колебаний политики то вправо, то влево. Он все время лавирует между подводными скалами революции, заботясь не о пользе и нуждах государственных, а о сохранении в возможной полноте своей власти царской.

Николай II и А. А. Брусилов во время объезда войск (май 1916 г.).

Хитрый, двуличный, трусливый государь ведет эту свою извилистую политическую линию вполне сознательно и самостоятельно, но по свойству своего характера старается всегда замаскировать свое авторство и руководство в правительственных безобразиях наивным своим видом безответственного агнца, притворной жертвы влияния посторонних темных сил, окружающих царя. Не обладая ни достаточным умом, ни волею, ни силой характера, несчастный Николай II, сознавая все же, что он своею узкоэгоистическою политикою приносит неисчислимые бедствия государству, чувствуя, что в конце концов он может довести Россию до гибели или свой трон до падения, живет в вечном страхе».

Не был Николай II и человеком, способным осуществлять управление вооруженными силами воюющей России. Не обладая должными знаниями в области военной стратегии, он не понимал самой сути процесса вооруженной борьбы. Он не знал основ подготовки и проведения крупных операций, не понимал роль родов войск и боевых возможностей различных соединений. Он вполне серьезно считал, что Ставку он скрепляет своим

присутствием, а войска радует своим посещением. При этом конкретно решаемые войсками задачи его, как правило, не интересовали.

В течение 9 и 10 мая Брусилов постоянно находился рядом с Николаем II. Он пишет: «Я неизменно завтракал за царским столом, сидя между двумя великими княжнами. Царица к общему столу не выходила, пищу она принимала отдельно».

На второй день пребывания в Одессе Брусилов неожиданно для него был приглашен в вагон Александры Федоровны. Он вспоминает: «Она встретила меня довольно холодно и спросила, готов ли я к переходу в наступление. Я ответил, что еще не вполне, но рассчитываю, что мы в этом году разобьем врага. На это она ничего не ответила, а спросила, когда думаю я перейти в наступление. Я доложил, что мне это пока неизвестно, что это зависит от обстановки, которая быстро меняется, и что такие сведения настолько секретны, что я их и сам не помню. Она, помолчав немного, вручила мне образок св. Николая-чудотворца; последний ее вопрос был: приносят ли ее поезда-склады и поезда-бани какую-либо пользу на фронте? Я ей по совести ответил, что эти поезда приносят громадную пользу и что без этих складов раненые во многих случаях не могли бы быть своевременно перевязаны, а следовательно, и спасены от смерти. На этом аудиенция и закончилась».

А. А. Брусилов встречает прибывшего на фронт Николая II.

Брусилов прав – в действительности царю в Ставке было скучно. Находясь там, «ежедневно в 11 часов утра он принимал доклад начальника штаба и генерал-квартирмейстера о положении на фронте, и, в сущности, на этом заканчивалось его фиктивное управление войсками. Все остальное время дня ему делать было нечего, и поэтому, мне кажется, он старался все время разъезжать то в Царское Село, то на фронт, то в разные места России, без какой-либо определенной цели, а лишь бы

убить время. В данном случае, как мне объяснили его приближенные, эта поездка в Одессу и Севастополь была им предпринята главным образом для того, чтобы развлечь свое семейство, которому надоело сидеть на одном месте, в Царском Селе»[43].

Схема 7. Положение сторон в полосе Юго-Западного фронта на 4 июня 1916 г.

Но нельзя утверждать, что Николай II совсем не интересовался делами. Ежедневно он принимал доклады о том, что происходит в мире, особенно в зарубежных царственных домах, и вел переписку со многими влиятельными политиками. Он прекрасно понимал, что летнее наступление 1916 года очень нужно Антанте, и прежде всего Италии, оказавшейся в тяжелом

положении. Поэтому 12 мая он телеграфировал итальянскому королю: «Мой начальник штаба доложил мне, что 4 июня моя армия будет в состоянии начать атаку австрийцев. Это даже несколько ране той (даты. – *Авт.*), которая установлена союзным советом. Я решил предпринять это изолированное наступление с целью оказать помощь храбрым итальянским войскам во внимание к твоей просьбе».

Незавершенная операция

Ранним утром 22 мая 1916 года, после долгой артиллерийской подготовки (в 7-й армии она продолжалась двое суток), русские войска перешли в наступление в полосе всего Юго-Западного фронта. За время артиллерийской подготовки русским войскам удалось огнем проделать достаточно много проходов в проволочных заграждениях противника (в 8-м корпусе 8-й армии – до 50 проходов).

23 и 24 мая соединения 8-й армии прорвали позиции австро-венгерских армий. При этом исключительное значение для успеха имел артиллерийский обстрел, заставивший противника часами не покидать своих убежищ. Наибольшего результата достиг 40-й армейский корпус, усиленный бригадой 4-й финляндской пехотной дивизии, который за это время углубился в оборону противника на 15–17 км. К вечеру четвертого дня наступления частями 40-го армейского корпуса был захвачен город Луцк. По имеющимся данным, на четвертый день русского наступления на этом участке австрийская армия представляла собой в этот момент толпу безоружных людей, которые бежали в панике через Луцк, бросая все на своем пути. Наибольшему разгрому подверглись 2, 13 и 11-я дивизии, численность которых теперь составляла всего две тысячи человек вместо 61 тысячи, положенных по штату. За три дня 8-й армией было захвачено в плен до 45 тыс. человек, 66 орудий, 150 пулеметов, много винтовок, патронов, целые склады снарядов и другого имущества. В свою очередь, и потери 8-й армии были также значительными и составляли 6 тысяч человек убитыми, 26 тысяч ранеными и одну тысячу пропавшими без вести, то есть 15 % от ее начального состава. По итогам этих боев командующий 4-й армией эрцгерцог Йозеф Фердинанд был смещен со своей должности[44].

Развертывание артиллерии на огневых позициях.

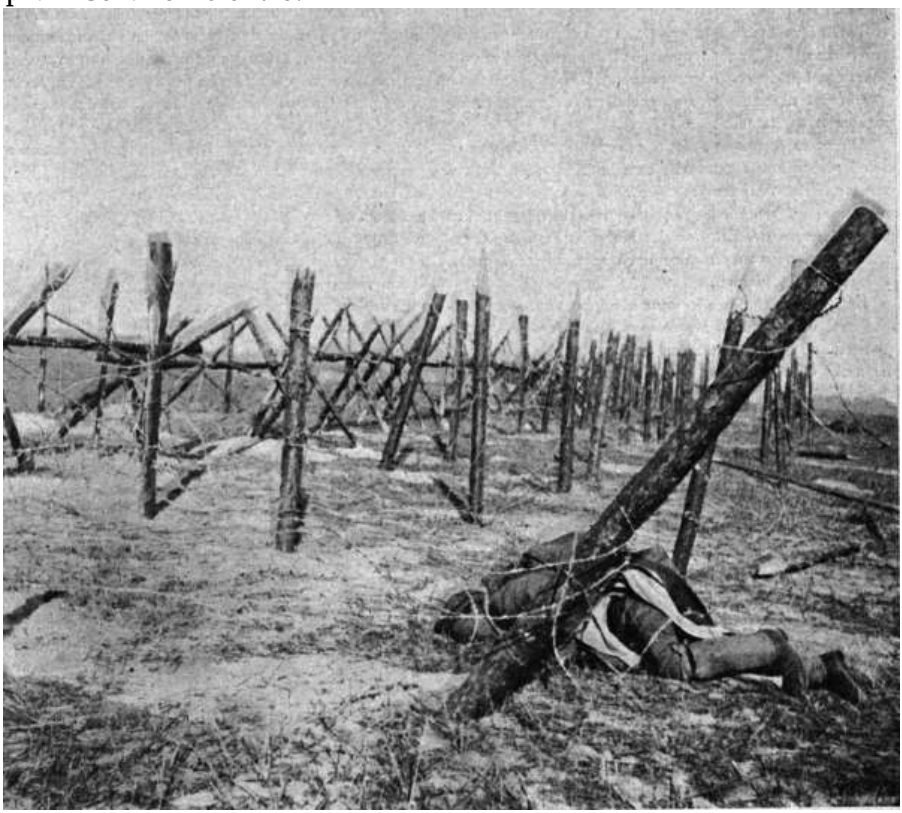
Однако такой успех имели не все армии Юго-Западного фронта. Наступавшая несколько южнее 11-я русская армия не смогла прорвать австро-венгерские позиции и противодействовать переброске противником войск с этого участка под Луцк.

Наступавшая еще южнее 7-я армия в первый день с большими для себя потерями (до 6 тысяч человек убитыми и ранеными) смогла прорвать первую позицию в обороне противника и продвинуться на глубину до 2 км. В последующие два дня командующий армией стремится к развитию успеха, и ему удается отбросить и частично уничтожить 15-ю пехотную дивизию противника, захватив до 9 тысяч пленных. Но за трое суток непрерывных боев русские соединения были слишком измотаны для того, чтобы развивать наступление собственными силами.

Наступление войск 9-й армии генерала от инфантерии П. А. Лечицкого началось с газовой атаки и мощной артиллерийской подготовки с расходом в 30 тысяч снарядов. После этого началась атака пехоты. За первые двое суток соединения ударной группы 9-й армии, продвинувшись всего на 2–3 км, захватили порядка 11 тысяч пленных, большое количество орудий и пулеметов.

Тем не менее сразу же развить достигнутый успех войска армии не смогли. Причин было две: во-первых, отсутствие специально нацеленных на это подвижных войск, во-вторых,

огромные людские потери в соединениях 9-й армии. Так, известно, что за первые два дня наступления 11-й армейский корпус потерял 1740 человек убитыми, 1390 пропавшими без вести и 7620 ранеными, то есть около 35 % от своего состава. Поэтому в последующие двое суток наступление было приостановлено с целью закрепления достигнутого положения, перегруппировки и пополнения материальных запасов. После этого войска 9-й армии после шестичасовой артиллерийской подготовки снова перешли в наступление. Им удалось прорвать оборону противника, захватить более 18 тысяч пленных и 10 орудий. Но и на этот раз преследование противника сразу же организовано не было.



Горькая правда войны.

Австрийское командование, не имея достаточных сил для противодействия противнику перед фронтом наступления 9-й русской армии, было вынуждено отдать приказ своим войскам об отступлении на новые позиции. Этот отход привел к новым потерям, которые русское командование не смогло использовать в своих интересах в полной степени.

В итоге за 10 дней наступления войска 9-й армии Юго-

Западного фронта смогли продвинуться на глубину от 20 до 50 км, нанести значительное поражение 7-й австрийской армии и захватить более 38 тысяч пленных[45].

Таким образом, в целом начало наступления войск Юго-Западного фронта было удачным. Три из четырех армий фронта смогли на разную глубину вклиниться в оборону противника, вынудить его к отступлению, захватить большое количество пленных. В частности, сам Брусилов пишет, что «было взято 1240 офицеров, свыше 71 000 нижних чинов и захвачено 94 орудия, 179 пулеметов, 53 бомбомета и миномета и громадное количество всякой другой военной добычи». Наиболее успешно действовали правофланговая 8-я и левофланговая 9-я армии. В то же время и русские войска понесли значительные потери.

Проведение ряда самостоятельных армейских операций на широком фронте не позволило Брусилову немедленно развить тактический успех в оперативный, и противник получил время для ответных действий. В частности, пользуясь преимуществом над русскими в пропускной способности железных дорог, австро-германское командование начинает стягивать под Ковель свои резервы с других участков фронта, а также с Франции и Италии.

Узнав о приготовлениях противника, 27 мая начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев директивой предложил Брусилову поменять направление удара и следовать не на Ковель, к которому стягивались германские войска, а на Раву-Русскую и Львов с тем, чтобы выйти в тыл австро-венгерским армиям. Но Брусилов не желал отказываться от наступления на Ковель и даже смог убедить в этом Ставку.

3 июня противник перешел в контрнаступление в районе Луцка. Русские войска сопротивлялись отчаянно, и за три дня врагу удалось продвинуться всего на 2–3 км. Но к началу июля германские и австро-венгерские войска отбросили 8-ю армию к Луцку и значительно потеснили к востоку соседнюю 11-ю армию. К тому времени только 9-я армия генерала Лечицкого продолжала наступать, отбросив противника за реку Серет. 6 июля они достигли Яблоницкого перевала на венгерской границе.

К тому времени русское командование, стремясь продолжить наступление в полосе Юго-Западного фронта, решило направить туда дополнительные силы. Ставкой было решено перенести главный удар в полосу Юго-Западного фронта, усилив его гвардией и корпусами с Северного и Западного фронтов. Прибывшие гвардейские корпуса вошли в специально создаваемую армию генерал-адъютанта В. М. Безобразова.

Таким образом, против 580 тысяч бойцов, в том числе 21

тысячи кавалеристов противника, на вооружении которых имелось 3096 пулеметов, 3446 орудий и 8 бронепоездов, к началу нового сражения за Ковель А. А. Брусилов располагал почти 984 тысячами бойцов, в том числе 91,2 тысячи кавалеристов, а также 4158 пулеметами, 3224 орудиями и двумя бронепоездами.

Несмотря на некоторое превосходство в силах и средствах, новое сражение под Ковелем привело только к выходу русских войск в некоторых местах к реке Стоход. Правда, именно на берегах этой реки полег весь цвет российско-императорской гвардии.

Несколько удачнее для русского командования развивалось наступление на южном крыле Юго-Западного фронта. Наступавшая там 7-я армия продолжала медленно продвигаться к Днестру, а 9-я армия 29 июля заняла Надворну и Станиславув.

Надежды Ставки на глубокий прорыв в полосе Юго-Западного фронта постепенно угасали. В начале августа 3-я армия и Гвардейская армия генерала Безобразова были возвращены Западному фронту. Наступление армий Брусилова постепенно угасало, и только в Карпатах велись упорные затяжные бои за ключевые проходы и позиции.

Командующий 9-й армией генерал П. А. Лечицкий.

Но в августе, когда у Австро-Венгрии появился новый противник в лице полумиллионной румынской армии, Ставка решила снова возобновить наступление в полосе Юго-Западного фронта, и туда вновь была возвращена Гвардейская армия. Однако на этот раз ударные силы (875 482 бойца, 3743 пулемета, 2546 орудий) были сосредоточены против германо-австро-венгерской группы армий А. фон Линзингена на Волыни, а не против сил, действующих в Карпатах. Но и это наступление

закончилось неудачно.

К концу августа 1916 года войска Юго-Западного фронта потеряли в боях, согласно ежедневным донесениям в Ставку, 1798 офицеров и 114 627 солдат убитыми, 8819 офицеров и 663 560 солдат ранеными и 475 офицеров и 95 750 солдат пропавшими без вести. Потери противника также были огромными. Так, германские войска в полосе Юго-Западного фронта потеряли за это же время 59 тысяч убитыми и ранеными и 26 тысяч пропавшими без вести. Австро-венгерские войска более 30 тысяч убитыми, 154 тысячи ранеными и 327 тысяч пропавшими без вести. По данным штаба Юго-Западного фронта, было пленено 8924 офицера и 408 тысяч солдат противника, захвачено 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов[46].

Но Брусилов в своих воспоминаниях напишет: «К 1 августа для меня уже окончательно выяснилось, что помощи от соседей, в смысле их боевых действий, я не получу; одним же моим фронтом, какие бы мы успехи ни одержали, выиграть войну в этом году нельзя. Несколько большее или меньшее продвижение вперед для общего дела не представляло особого значения; продвинуться же настолько, чтобы это имело какое-либо серьезное стратегическое значение для других фронтов, я никоим образом рассчитывать не мог, ибо в августе, невзирая на громадные потери, понесенные противником, во всяком случае большие, чем наши, и на громадное количество пленных, нами взятых, войска противника перед моим фронтом значительно превысили мои силы, хотя мне и были подвезены подкрепления. Поэтому я продолжал бои на фронте уже не с прежней интенсивностью, стараясь возможно более сберегать людей, а лишь в той мере, которая оказывалась необходимой для сковывания возможно большего количества войск противника, косвенно помогая этим нашим союзникам – итальянцам и французам».

Конвоирование пленных австрийцев.

Но это было не совсем так. В сентябре 1916 года, с целью продолжения наступления, Юго-Западный фронт вновь получил Особую армию (бывшая Гвардейская. – *Авт.*), командование которой принял от генерала от кавалерии В. М. Безобразова генерал от кавалерии В. И. Гурко. К середине сентября его войска были усилены еще 8 пехотными и 4 кавалерийскими дивизиями, достигнув 1036,5 тысячи бойцов при 5056 пулеметах, 3213 орудиях, 538 бомбометах и 59 минометах. Однако все три его попытки начать наступление с целью прорыва на Владимир-Волынский, Львов и Галич потерпели неудачу. При этом потери русских войск были огромными. Так, только на фронте 8-й армии у деревень Локачи и Свинюхи был потерян 2871 человек убитыми, 12 428 ранеными и 1613 пропавшими без вести. При этом противник потерял там 473 человека убитыми, 1811 ранеными и 590 пропавшими без вести. Командующий германским корпусом генерал от кавалерии Г. фон дер Марвиц отмечал, что в районе наступления 8-й армии «русская артиллерия стреляла в собственные окопы, чтобы заставить пехоту атаковать». 22 сентября после неудачи нового штурма Николай II заявил: «Я решительно против дальнейшего развития операции 8-й и Особой армий, операции, обещающей нам минимальный успех при громадных потерях».

В то же время в сентябре 1916 года австро-венгерские и германские войска предприняли ряд успешных контрударов с целью ликвидации русских плацдармов в Карпатах, на ковельском и владимир-волынском направлениях. При этом были

разгромлены 3-я Туркестанская, 9-я и 10-я Сибирские стрелковые дивизии. На других участках фронта успех русских войск был самым незначительным. Однако наступательного порыва уже не было. «Что же тут удивительного? – оправдывался Брусилов. – Люди дрались с мая по сентябрь 1916 года. Они утомились и физически, и нравственно, а с выдохшимся сердцем драться нельзя».

Однако в октябре и ноябре 1916 года армии Юго-Западного фронта продолжали свои безрезультатные атаки. В ноябре – декабре часть сил Юго-Западного фронта была направлена в Румынию, и Брусилов был вынужден отказаться от своих наступательных планов.

Теперь вполне уместным будет вопрос о том, как сам Брусилов оценивал результаты наступления войск Юго-Западного фронта и какую оценку они получили из уст императора и других крупных военачальников русской армии.

Временное затишье.

Сразу же нужно сказать, что в отношении своих действий как военачальника Алексей Алексеевич был очень прямолинеен. Он писал: «По тем средствам, которые имелись у Юго-Западного фронта, он сделал все, что мог, и большего выполнить был не в состоянии – я, по крайней мере, не мог. Если бы вместо меня был военный гений вроде Юлия Цезаря или Наполеона, то, может быть, он сумел бы выполнить что-либо грандиозное, но таких претензий у меня не было и быть не могло».

В то же время он был вынужден признать, что намеченной задачи его войска не выполнили. Объясняя причины, он в своих мемуарах, написанных уже в советский период, останавливается

на нескольких моментах.

В том, что наступление Юго-Западного фронта не было развито до стратегических масштабов, Брусилов винит всех, кроме себя самого. Он прямо пишет, что командующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт не поддержал это наступление, так как из-за чувства зависти не хотел ему помогать. Также он обвинял и командующего Северным фронтом генерала А. Н. Куропаткина и Верховного главнокомандующего императора Николая II, а заодно и весь строй императорской России. Он писал: «Будь другой Верховный главнокомандующий – за подобную нерешительность Эверт был бы немедленно смещен и соответствующим образом заменен, Куропаткин же ни в каком случае в действующей армии никакой должности не получил бы. Но при том режиме, который существовал в то время, в армии безнаказанность была полная, и оба продолжали оставаться излюбленными военачальниками Ставки». И несколько ниже: «Ставка, по моему убеждению, ни в какой мере не выполнила своего назначения управлять всей русской вооруженной силой и не только не управляла событиями, а события ею управляли, как ветер управляет колеблющимся тростником». И еще далее: «…при таком способе управления Россия, очевидно, выиграть войну не могла».

О том, что наступление войск Юго-Западного фронта было выражением всенародного порыва и в определенной мере шло вразрез с планами императора, говорит и такая его запись: «Все это время я получал сотни поздравительных и благодарственных телеграмм от самых разнообразных кругов русских людей. Всё всколыхнулось. Крестьяне, рабочие, аристократия, духовенство, интеллигенция, учащаяся молодежь – все бесконечной телеграфной лентой хотели мне сказать, что они – русские люди и что сердца их бьются заодно с моей дорогой, окровавленной во имя родины, но победоносной армией. И это было мне поддержкой и великим утешением. Это были лучшие дни моей жизни, ибо я жил одной общей радостью со всей Россией… И только несколько дней спустя мне подали телеграмму от государя, в которой стояло всего несколько сухих и сдержанных слов благодарности».

Второй причиной незавершенности наступления Юго-Западного фронта Брусилов считал недостаток авиации, которая не смогла отвоевать у противника господство в воздухе и, следовательно, вести эффективную разведку и корректировать огонь артиллерии.

В качестве третьей причины он рассматривает низкие боевые качества командного состава Гвардейской армии, переданной на

усиление Юго-Западному фронту во время наступления. Он пишет: «Прибывший на подкрепление моего правого фланга гвардейский отряд, великолепный по составу офицеров и солдат, очень самолюбивых и обладавших высоким боевым духом, терпел значительный урон без пользы для дела потому, что их высшие начальники не соответствовали своему назначению. Находясь долго в резерве, они отстали от своих армейских товарищей в технике управления войсками при современной боевой обстановке, и позиционная война, которая за это время выработала очень много своеобразных сноровок, им была неизвестна…».

Император не очень высоко оценил заслуги А. А. Брусилова во время летнего наступления Юго-Западного фронта. Существует информация, что за успешное проведение этого наступления А. А. Брусилов большинством голосов Георгиевской думы при Ставке Верховного главнокомандующего был представлен к награждению орденом Святого Георгия 2-й степени. Однако император Николай II не утвердил этого представления. 20 июля 1916 года был издан указ о награждении его Георгиевским оружием с бриллиантами – шашкой с надписью «За поражение австро-венгерских армий на Волыни, в Буковине и Галиции 22–25 мая 1916 г.».

Сегодня, спустя много лет после описанных событий, мы имеем право говорить о том, что ни одной из поставленных в ходе кампании 1916 года целей, вопреки громким декларациям, наступление Юго-Западного фронта не достигло. Союзники, конечно, получили определенное облегчение, но и только. Под Верденом противник продолжал наступательные действия и перешел к обороне только в сентябре, после выступления Румынии на стороне Антанты. Италия от удара со стороны Австро-Венгрии спаслась своими силами, и массированного оттока с этих фронтов вражеских войск не произошло. Не были оттянуты дивизии врага и из полосы русского Западного фронта, которому поручался вначале главный удар кампании. Более того, брусиловское наступление поглотило и те силы, которые предназначались для масштабной операции в районе Барановичей.

Алексей Алексеевич писал: «Я русского солдата всегда любил и люблю, и эта любовь вынуждала меня кончать во что бы то ни стало начатое дело, чтобы кровь не была пролита даром… Я действовал по-своему, широким фронтом. Это моя метода, при которой наступление развивается от всего сердца, и никто не знает, где настоящее наступление и где демонстрация».

Но именно в этом наступлении «от всего сердца» был

истреблен цвет русской армии – последний ее кадровый состав и лучшие части гвардии, преданные Родине, царю и присяге. На смену им пришли другие люди – великовозрастные резервисты и молодежь «без царя в голове». Запасный и ратник шли на войну не для того, чтобы умереть, а для того, чтобы вернуться домой, к своему разоренному войной хозяйству. Поэтому самоубийственное истребление армии во время затянувшегося наступления Юго-Западного фронта вызвало чувство бурного негодования не только в российском обществе, но и среди генералитета.

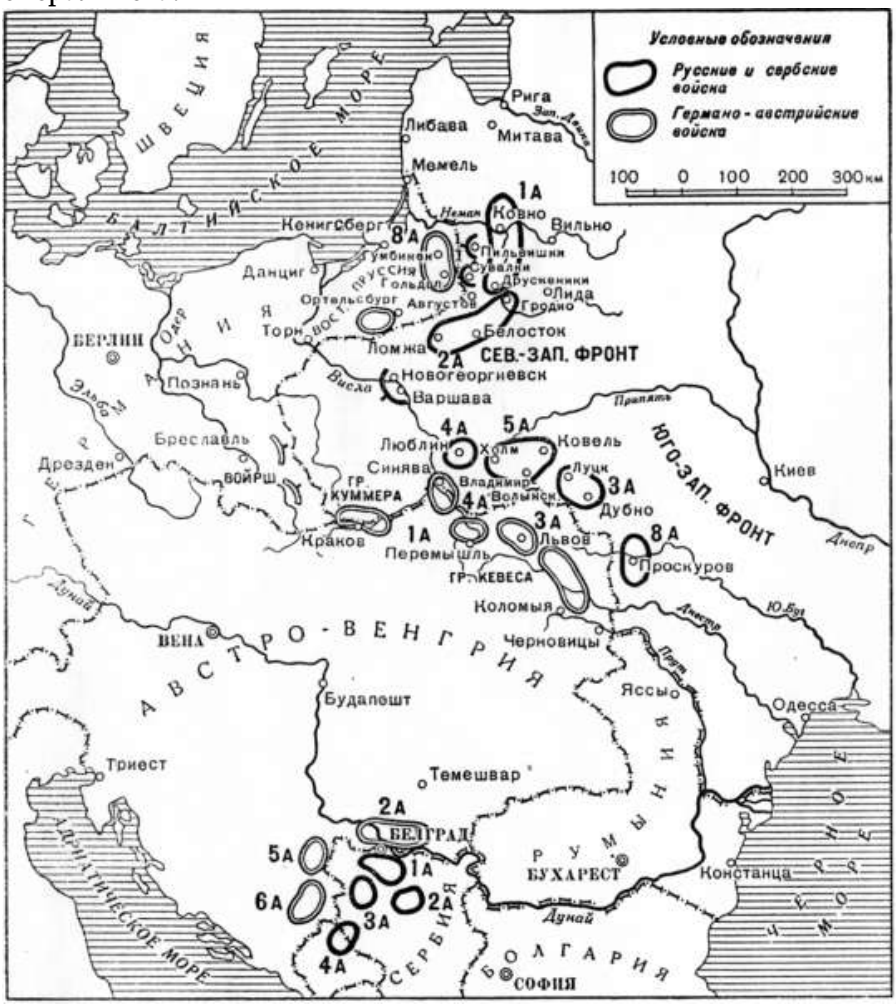


Схема 8. Наступление войск 8-й армии Юго-Западного фронта 22 мая – 2 июня 1916 г.

Так, председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко заявил: «Русское высшее командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо если их имеет, то их не

выполняет… Высшее командование не имеет единообразных методов обороны и нападения и не умеет подготовлять наступление… Высшее командование не считается с потерями живой силы и не проявляет достаточной заботливости о солдатах… Армия отчетливо сознает, что если эти причины не будут устранены, то победы мы, несмотря ни на какие жертвы, не добьемся».

Начальник штаба 8-й армии генерал-лейтенант П. С. Балуев писал: «Операция на Юго-Западном фронте велась при значительном превосходстве сил с нашей стороны, но тем не менее порыва едва хватило на учинение прорыва, дальше для использования не было уже ни сил, ни средств».

Командир 30-го армейского корпуса, затем командующий Добруджанской армией генерал от инфантерии А. М. Зайончковский отмечал: «Брусиловский прорыв действительно удался отлично, но когда мы вышли в поле, когда мы сбили с себя оковы неприятельских укрепленных полос, когда нам надо было маневрировать и мы встретились со злой волей противника в более разнообразных ее проявлениях, чем при прорыве, то стратегия отплатила за пренебрежение к ней и привела нас к ковельскому тупику… Традиционная судьба русского народа вытаскивать каштаны из огня для других не оставила его и в летнюю кампанию 1916 года. Она принесла больше пользы нашим союзникам, чем нам».

Командир 8-го Финляндского стрелкового полка полковник А. А. Свечин: «…Летняя операция 1916 г. является первым фактом, обусловившим разложение русской армии, проявившееся осенью и зимой этого года. Это разложение представляется крупным звеном цепи событий падения прежней государственности».

Начальник штаба 7-й армии генерал-лейтенант Н. Н. Головин: «Эти потери были тем более чувствительны, чем слабее было сознание в необходимости их для России… В народных массах доверие к правительству и вера в союзников были окончательно подорваны».

С точки зрения современного военного искусства наступление Юго-Западного фронта нужно оценивать с нескольких позиций.

Во-первых, нужно признать, оно стало крупнейшей успешной фронтовой наступательной операцией периода Первой мировой войны, несмотря на то что цели этой операции достигнуты не были. Но при этом нужно указать, что конкретных целей по глубине ни Ставкой, ни фронтом не ставилось. Из этого следует, что вся задача операции на ближайшую, последующую и

конечную не делилась, а это значит, что рубежи ввода вторых эшелонов и способы действий на этих рубежах не назначались. Войска были направлены вперед и должны были действовать на свое собственное усмотрение. При этом нужно понимать, что в любой стратегической операции фронты и армии не могут рассматриваться как независимые организмы без координации их усилий по рубежам, времени и способам выполнения задач.

Во-вторых, выбор самостоятельно командующими армиями участков прорыва привел к тому, что в ряде случаев они оказались оторванными друг от друга. Поэтому даже относительно высокие плотности сил и средств, достигавшие от 3 до 5 тысяч штыков и 15–50 орудий на 1 км фронта, не всегда давали положительные результаты. Безусловно, эффект мог быть значительно выше, если бы наступление велось усилиями не одной, а двух армий при условии, что участки прорыва находились бы на их стыках.

В-третьих, при наличии больших масс конницы (в 8-й армии – 4-й и 5-й кавалерийские корпуса, в 9-й армии – 3-й конный корпус) они не использовались в качестве эшелона развития успеха, а спешившись, действовали как пехота. Кроме того, по воле Брусилова конница была загнана в болота. Поэтому она в данной операции не сыграла той роли, к которой постоянно готовилась в мирное время, – глубокими рейдами не изолировала район операции от постоянно прибывавших резервов противника. Это стало причиной и относительно невысоких темпов наступления соединений Юго-Западного фронта, в среднем от 1 до 6 км в сутки. При таких темпах противник получал возможность последовательно отводить свои войска на новые оборонительные рубежи, прорыв каждого из которых требовал больших жертв.

В-четвертых, Брусилов был настолько увлечен идеей наступления на Луцк и Ковель войск 8-й армии, что практически не обратил внимания на успехи левофланговой 9-й армии, которая могла создать реальную угрозу всей австро-венгерской группировке противника. При этом и наступление на правом крыле фронта велось недостаточно интенсивно, а 10-суточная пауза позволила противнику нарастить усилия на данном направлении.

В-пятых, общее соотношение потерь русских войск к потерям противника составило 2:1, но безвозвратные были гораздо выше. Это было вызвано тем, что почти из миллиона раненых в мае – октябре 1916 года в строй вернулось только 204 тысячи человек. Поэтому для восполнения понесенных потерь с осени 1916 года начали призывать на службу 16-17-летних подростков,

составивших основное ядро запасных полков в 1917 году. Это не только обескровило русскую армию, но и существенно подорвало ее боевой дух.

И наконец, это рациональное использование прибывающих резервов, хотя сам Брусилов писал, что необходимых резервов фронт практически не получал, но архивные документы свидетельствуют совсем о другом. Так, известно, что с июня по сентябрь фронт был усилен Гвардейской (Особой) армией (1-й и 2-й гвардейские, Гвардейский кавалерийский, 1-й и 4-й Сибирский стрелковые, 26-й армейский корпуса). В это же время 8-я армия получила 5-й Сибирский стрелковый, 1-й армейский и 1-й Туркестанский корпуса, 50-ю и 78-ю пехотные дивизии. 9-я армия – 25-й армейский корпус, 59, 61, 64, 79, 108, 113-ю пехотную и Уссурийскую казачью дивизии. 3-я армия – 3 и 34-й армейские корпуса[47]. Это в общей сложности 36 пехотных и три кавалерийские дивизии, то есть достаточные силы даже для самостоятельной операции, не то что развития успеха в рамках уже ведущейся.

Несмотря на многочисленные критические замечания, также нужно признать, что наступление Юго-Западного фронта летом 1916 года стало одной из самых ярких страниц в истории Первой мировой войны. Оно было начато по инициативе генерала А. А. Брусилова и привело к существенным результатам, выразившимся в больших потерях со стороны противника. В области военного искусства это наступление стало памятным неординарным подходом командующего фронтом в выборе нескольких направлений главных ударов, в его умении мобилизовывать подчиненные войска на овладение ключевыми объектами.

Правда, эйфория в русском обществе после первых побед под Луцком и в Буковине сменилась затем тяжелым разочарованием. Противник не был сокрушен. Его фронт по-прежнему держался, хотя и откатился на Стоход, Лугу, верховья Серета, Злоту Липу, Быстрицу Солотвинску и Карпатский хребет. В то же время разгром Румынии и отражение генерального русского наступления укрепили дух армий Четверного союза. Не случайно 1 декабря 1916 года германское правительство обнародовало условия мира, ясно дающие понять, кто побеждает в войне. Мирный проект предусматривал, в обмен на очищение Франции и Бельгии, возврат германских колоний, «исправление» границ Италии и Сербии, раздел Черногории между Австро-Венгрией и Албанией, включение в состав Германии Курляндии и Литвы, Люксембурга, восстановление независимого Польского королевства. Это были условия победителей, но нисколько не

мольба о пощаде побежденных.

Отдых после боя.

В завершение этого раздела хотелось бы коротко остановиться на том, как к летнему наступлению Юго-Западного фронта 1916 года относились отечественные историки в различные времена.

Историография Брусиловского прорыва довольно обширна, тем не менее в ней есть существенные пробелы и нерешенные вопросы. Первыми на эту тему начали писать сам А. А. Брусилов и его начальник штаба генерал В. Н. Клембовский. В 1929 году вышел труд А. А. Брусилов «Мои воспоминания», но впервые по этому вопросу Брусилов высказался во время дискуссии о Луцком прорыве в августе 1920 года, и его выступление было опубликовано в 1924 году в труде «Луцкий прорыв: Сборник материалов Военно-исторической комиссии». Труд В. Н. Клембовского «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 г. по октябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом» вышел в свет в 1920 году.

Но уже в начале 20-х годов многие исследователи не соглашались с заключениями Брусилова и Клембовского, явно преувеличивших и собственные заслуги, и значение действий руководимых ими войск. В частности, подчеркивая значимость прорыва австро-венгерского Северного фронта для Италии и Франции, такие крупные военные специалисты, как А. А. Свечин, П. С. Балуев, А. И. Литвинов и А. М. Зайончковский, упрекали Брусилова в недостаточной подготовке войск, просчетах в оценке обстановки и при выборе направления главного удара, в колоссальных потерях Юго-Западного фронта[48].

В 30-е годы в целом сложилась вполне стройная система

взглядов на наступление Юго-Западного фронта в 1916 году. Они сводились к разделению всей стратегической операции на две основные части – прорыв (май – июнь) и развитие дальнейшего наступления без ярко выраженной завершающей даты. В частности, военные историки А. А. Базаревский и Л. В. Ветошников рассматривали действия русских войск после июля 1916 года как нанесение разрозненных ударов по обороне, имевшей позиционный характер. При этом в вину Брусилову ставилось: недостаточность подготовки к большому наступлению, его неумение связать воедино действия всех армий Юго-Западного фронта, пассивность Ставки Верховного главнокомандующего в вопросах своевременной и эффективной поддержки войск Юго-Западного фронта, ведение боевых действий, быстро истощавших русские войска. В Сборнике документов Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ныне Российский государственный военно-исторический архив), изданном в 1940 году, почему-то не рассматривались действия войск Юго-Западного фронта в июле – сентябре 1916 года.

Великая Отечественная война инициировала повышенный интерес к отечественной военной истории. Тогда журналисты вспомнили и о А. А. Брусилове. Это породило большое количество популярных и художественных изданий о Брусиловском прорыве, особенно после статьи в «Красной Звезде» от 18 августа 1943 года. Но эта популяризация, однако, не опиралась на серьезные научные исследования, и изучение наступательной операции Юго-Западного фронта 1916 года осуществлялось на базе слепого цитирования мемуаров А. А. Брусилова. На основании этого Н. А. Таленский, например, утверждал, вопреки выводам историков 20-30-х годов, что в ходе Брусиловского прорыва «весь восточный фронт австро-германских войск от Полесья до румынской границы был разгромлен»[49].

После завершения Великой Отечественной войны на протяжении нескольких десятилетий интерес к личности А. А. Брусилова и наступлению Юго-Западного фронта в 1916 году явно упал. Хотя время от времени к нему возвращались различные исследователи под углом зрения различных политических задач. Было принято считать, что это наступление было осуществлено как помощь союзникам России – Италии и Франции, что он поглотил много сил центральных держав и привел к их если не разгрому, то поставил в чрезвычайно тяжелое поражение. При этом продолжает «гулять» по страницам исторических книг и статей мифическая оценка потерь Германии и Австро-Венгрии, принадлежащая самому Брусилову, – свыше

400 тысяч пленных и 1,5 млн убитых и раненых. При этом потери русской стороны, понесенные войсками в период с 22 мая по 30 июня 1916 года, показываются как потери, понесенные на протяжении всей операции. Кроме того, исследователи этого периода почему-то не указывают число соединений, переданных А. А. Брусилову в ходе наступления, в то время как еще в 1940 году Л. В. Ветошников опубликовал перечень из 36 пехотных и трех кавалерийских дивизий, передислоцированных на Юго-Западный фронт в июне – сентябре 1916 года.

Таким образом, и в отношении углубленного исследования наступления Юго-Западного фронта летом 1916 года остается еще немало проблем. Но я не ставлю своей целью их выявление и раскрытие и поэтому предлагаю продолжить рассмотрение личности Брусилова на фоне последующих событий отечественной истории.

Конец русской монархии

В двадцатых числах ноября 1916 года начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев, сославшись на плохое состояние здоровья, взял отпуск и уехал на лечение в Крым. Вместо него временно на эту должность был назначен генерал В. И. Гурко. 24 ноября Николай II с семьей также уехал из Могилева в Царское Село. Там он принимал министров, подолгу гулял с детьми, посещал храмы, встречался с Григорием Распутиным.

В Ставку он вернулся 6 декабря вместе с сыном. Выслушав доклад начальника штаба, задал всего несколько общих вопросов и уехал в свою резиденцию. По всему было видно, что император остался доволен тем, что за время его отсутствия на фронтах особых перемен не произошло.

17 декабря 1916 года в очередной раз был собран военный совет в Ставке. На этот раз Брусилов приехал в Могилев со своим новым начальником штаба генералом Сухомлиным, так как Клембовский по его представлению был назначен командующим 11-й армией, сменив на этом посту генерала Сахарова, назначенного помощником командующего Румынским фронтом короля Румынии Карла. Брусилов настоял на назначении Сухомлина, так как хорошо знал его по совместной работе в должности начальника штаба 8-й армии и не сомневался в этом человеке.

А. А. Брусилов – командующий Юго-Западным фронтом (1916 г.).

В Ставке, по ранее заведенному порядку, все прибывшие представлялись Верховному главнокомандующему перед завтраком. Выстроившись в ряд, они ждали выхода Николая II. По стечению обстоятельств Брусилов оказался рядом со своим предшественником в должности командующего Юго-Западным фронтом генералом Н. И. Ивановым. Встреча была не из приятных. Брусилов не мог простить Иванову, что после военного

совета, состоявшегося 1 апреля 1916 года, когда он заявил, что возглавляемый им фронт готов к наступлению и добился разрешения на его начало, Иванов, уже после его отъезда, добившись аудиенции у императора, доложил ему, что «по долгу совести и любви к отечеству он считает себя обязанным, как знающий хорошо Юго-Западный фронт и его войска», просить отменить решение о переходе его в наступление. Тогда Иванов убеждал царя в том, что горячность Брусилова может привести к тому, что он не только напрасно погубит вверенные ему войска, но и может привести к потере всего Юго-Западного края вместе с Киевом.

Командующий 11-й армией генерал В. В. Сахаров.

Но Николай II, выслушав генерала, спросил его, почему же он не заявлял это на военном совете, на котором он присутствовал. Иванов смутился и ответил, что его никто ни о чем не спрашивал и он не находил удобным напрашиваться со своими советами.

– Ну что же. В таком случае я единолично не нахожу возможным изменять решения военного совета и ничего тут поделать не могу, – развел руками император. – Советую вам более подробно поговорить об этом с Алексеевым.

На этом разговор и закончился. Иванов пытался поговорить и с Алексеевым, но так как его аргументы выглядели неубедительными, а Ставка была нацелена на решительные

действия, то никто уже ничего не стал менять. Правда, в штабе Ставки нашлись люди, доложившие Брусилову о разговорах Иванова с Николаем II и с Алексеевым.

Совещание началось сразу же после завтрака и, к удивлению Брусилова, было очень коротким. По его воспоминаниям, царь был очень рассеян и беспрерывно зевал. Он сидел молча, ни в какие прения не вмешиваясь. «Этот военный совет, – отмечал генерал А. М. Зайончковский, – радикально отличался от проводимых Алексеевым… Он носил характер санкционирования предложений Ставки или, вернее, мыслей Гурко, которые он хотел заставить разделить с собой командующих». Брусилов записал: «Генерал Гурко, невзирая на присущий ему апломб, с трудом руководил заседанием, так как не имел достаточного авторитета».

Брусилов пишет, что на том совещании в отношении плана военных действий на 1917 год «абсолютно ничего определенного решено не было». В то же время он вспоминает, что выяснилось, что положение с материальным снабжением войск действующей армии, особенно с продовольствием, весьма тяжелое. Брусилов видел причину этого в частой смене министров, многие из которых приходили на эти посты из других министерств, совершенно не зная дела. Поэтому «каждый из них должен был начинать с того, что знакомился с теми функциями, которые ему надо было исполнять». А в это же самое время им также нужно было вести борьбу и с Государственной думой, и с общественным мнением, которые постоянно искали виновных во всех неудачах и промахах.

Николай II, М. В. Алексеев и М. С. Пустовойтенко в штабе Ставки.

Николай II в своем дневнике в этот день сделал следующую запись: «17 декабря, суббота. Доклад был совсем короткий. Завтракали все три главкома. Прогулку сделал туда же в архиерейский лес. Вернулся домой в 4½. После чая в штабе происходило совещание по военным вопросам до обеда, а затем от 9 ч. до 12½ ч.».

Военный совет в этот день не закончился. На следующий день, также после завтрака у царя, заседание продолжалось еще

полтора часа. Никаких серьезных решений также выработано не было. Командующим войсками фронтов был представлен новый генерал-квартирмейстер Ставки генерал-лейтенант А. С. Лукомский. Царь, получив известие о убийстве Распутина, не дождавшись конца военного совета и не простившись с генералами, вместе с сыном сел в поезд, который направился в Царское Село.

После отъезда царя командующие фронтами почувствовали себя несколько свободнее. Была сделана попытка поговорить о планах предстоящих действий, но из нее ничего не вышло. Исполняющий должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал Гурко конкретных предложений не имел, а каждый из командующих по этому вопросу имел собственное мнение. Тем не менее было решено формировать в каждом корпусе по одной новой пехотной дивизии, но без артиллерии, так как ни орудий, ни лошадей для такого количества артиллерийских бригад найти было нельзя. Также все согласились с тем, что весной 1917 года главный удар должен наноситься войсками Юго-Западного фронта. Но при этом никаких подробностей в отношении того, каких целей должно достигнуть это наступление и в каком направлении должен наноситься главный удар, оговорено не было.

Встреча Николая II в Самборе.

Из Могилева в тот день Брусилов уехал сильно расстроенный.

Сидя в вагоне у окна со стаканом чая, под мерный стук колес, он, по его воспоминаниям, думал о том, «что государственная машина окончательно шатается и что наш государственный корабль носится по бурным волнам житейского моря без руля и командира».

Фронты словно замерзли. Ставка молчала. Верховный главнокомандующий 21 декабря со всей семьей присутствовал на погребении Распутина. После его похорон Николай II задержался в Царском Селе почти на два месяца. Приемы, доклады, прогулки были содержанием его жизни в это время. Без Верховного главнокомандующего на фронтах завершилась кампания 1916 года и началась кампания 1917 года.

К тому времени уже становилось ясным, что ни одна из воюющих коалиций в 1916 году не смогла выполнить свои стратегические задачи. Тем не менее Россия смогла оттянуть на себя главные силы противника – в ходе кампании на Восточный фронт, по подсчетам Ставки, прибыло семнадцать дивизий с французского фронта, тринадцать из внутренних округов Германии. В результате боев огромными были потери русской армии, которые с начала войны, по приблизительным подсчетам, достигли только убитыми и ранеными более 90 тысяч человек. Кроме того, числилось более 2,3 млн человек, взятых противником в плен, в том числе 13 400 офицеров. Следовательно, общее количество потерь России к тому времени уже приближалось к 7 млн человек.

Позиции.

И все же итоги кампании 1916 года были более благоприятным для стран Антанты, которая добилась перехвата стратегической инициативы. Германия и Австрия вынуждены были перейти к жестокой обороне. В сложнейшем положении оказалась Турция. Но Николай II не смог воспользоваться этими возможностями.

В двадцатых числах января в Царское Село приехал начальник штаба Ставки генерал В. И. Гурко с проектом плана военных действий на 1917 год. 24 января Верховный главнокомандующий утвердил этот план. Началась подготовка новых наступательных операций.

После этого Брусилов собрал командующих армиями для того, чтобы распределить роли каждой армии при наступлении весной этого года. Им было решено, что на этот раз главный удар будет наноситься войсками 7-й армии в северо-западном направлении на Львов. Туда же должна была наступать и 11-я армия своей ударной группой. Особая и 3-я армии должны были продолжать свои операции с целью овладения Владимир-Волынским и Ковелем. 8-й армии на этот раз отводилась лишь вспомогательная роль.

Спустя неделю в Петрограде была проведена очередная встреча представителей союзных армий. Участники конференции подтвердили свое намерение в предстоящую кампанию довести войну до победного конца. «Кампания 1917 года, – отмечалось в постановлении, – должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех был бы вне всякого сомнения».

После оживленной дискуссии представители союзного командования согласились начать наступление на всех фронтах не позднее 5–8 мая. Российский император согласился с этим решением, при этом он, как Верховный главнокомандующий русской армии, уже не учитывал реально сложившиеся на то время обстоятельства.

22 февраля Николай II выехал из Царского Села в Ставку. В Могилеве его встречал генерал М. В. Алексеев, вернувшийся к исполнению обязанностей начальника штаба после болезни. Доклад о положении дел на фронтах продолжался около часа. Верховный скучал по семье и не был настроен на работу. «Пусто показалось в доме без Алексея (сына)», – записал он в тот день в своем дневнике.

В. И. Гурко (Ромейко-Гурко).

Меж тем обстановка в стране становилась все более взрывоопасной. Первые волнения начались еще 23 февраля, в день отъезда императора в Могилев. К вечеру в Ставку поступили сведения о том, что в Петрограде толпы народа запрудили улицы, требуя хлеба. Слух о введении хлебных карточек взволновал жителей города. В следующие дни характер уличных скопищ стал видоизменяться. Волнения широко охватили заводы. На улицы выходили рабочие. Среди них появились агитаторы. Из народных

толп стали выкрикивать лозунги: «Долой самодержавие! Долой войну!» Появились красные флаги, носившие аналогичные надписи. Распевались революционные песни.

В ночь на 25 февраля по распоряжению Николая II в Петрограде были проведены многочисленные аресты, подлившие еще больше масла в огонь. Как доносил в Ставку командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов, число бастовавших исчислялось в 250 тысяч человек.

В ответ на полученное донесение император направил в столицу телеграмму, требуя прекратить беспорядки. Утром 26 февраля войска в разных местах столицы открыли огонь по возбужденным народным толпам. Тучи сгущались…

В полдень 25 февраля император получил от Александры Федоровны телеграмму: «Я очень встревожена положением в городе…» – писала она.

Февраль 1917 г. на улицах Петрограда.

Спустя час поступило сообщение от М. В. Родзянко: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в

этот час ответственность не пала на венценосца».

Прошло не менее получаса, и в Ставку пришла новая телеграмма от М. В. Родзянко. Она была рассчитана прежде всего на генерала М. В. Алексеева, но копии ее были адресованы командующим войсками фронтов. Телеграмма гласила: «Обстановка настоятельно требует передачи власти лицу…, которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения». В данной телеграмме Родзянко просил военных руководителей высказаться по этому вопросу.

Политический кризис в стране, брожение в армии зимой 1916/17 года угнетающе действовали на Брусилова. Он с грустью наблюдал, как день за днем падает боеспособность войск. Готовя следующее крупное наступление, он вполне справедливо опасался, что по вине высшего военного руководства оно может быть сорвано. Поэтому, когда 26 февраля председатель Государственной думы М. В. Родзянко обратился к нему с просьбой поддержать передачу власти «…лицу, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения», Брусилов не стал возражать.

«Считаю себя обязанным доложить, что при наступившем грозном часе другого выхода не вижу, – сказал он. – Смутное время совершенно необходимо закончить, чтобы не сыграть на руку внешним врагам. Это столь же необходимо и для сохранения армии в полном порядке и боеспособности».

Переговорив с Брусиловым и другими командующими фронтами и армиями, 27 февраля утром председатель Государственной думы М. В. Родзянко обратился к Николаю II с очередной телеграммой: «Положение ухудшается, надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

Сам государь, обеспокоенный участью своей семьи, утром 28 февраля поехал в Царское Село, не приняв никакого определенного решения. Оставшийся во главе Ставки генерал Алексеев, как считал А. И. Деникин, «не обладал достаточной твердостью, властностью и влиянием, чтобы заставить государя решиться на тот шаг, необходимость которого осознавалась даже императрицей…».

На следующий день на узловой станции Дно, через которую шел путь в Царское Село, комиссар по железнодорожному транспорту Бубликов распорядился остановить императорский поезд, а также состав с его свитой. Узнав, что путь через станцию Дно закрыт, царь после лихорадочных консультаций с приближенными приказал отправить состав в Псков, где

находился штаб командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. Путь в этом направлении был еще свободен.

1 марта в 7.30 вечера Николай II прибыл в Псков, где его встретил генерал Н. В. Рузский с офицерами своего штаба. По свидетельству очевидцев, «во время этой нелегкой поездки царь не проявлял никаких признаков нервозности или раздражения. В этом и не было ничего удивительного, ибо ему была всегда свойственна какая-то странная способность равнодушно воспринимать внешние события. Спустя час он заслушал в своем личном вагоне доклады генерала Рузского и начальника штаба фронта о происшедших за время его поездки событиях. Они никоим образом не изменили состояния его духа.

В 11.30 вечера генерал Рузский передал царю только что полученную телеграмму от генерала Алексеева. В ней начальник штаба Ставки сообщал о растущей опасности анархии, распространяющейся по всей стране, дальнейшей деморализации армии и невозможности продолжать войну в сложившейся ситуации. В телеграмме также говорилось о необходимости опубликовать официальное заявление, желательно в форме манифеста, которое внесло бы хоть какое-то успокоение в умы людей, и провозгласить создание «внушающего доверие» кабинета министров, поручив его формирование председателю Думы. Алексеев умолял царя безотлагательно опубликовать такой манифест и предлагал свой проект документа.

Прочитав телеграмму и выслушав соображения генерала Рузского, царь согласился обнародовать манифест. Немедленно по принятии этого решения он направил генералу Иванову телеграмму, в которой потребовал не предпринимать до его прибытия никаких акций. Тогда же Николай II распорядился о возвращении на фронт всех частей, направленных в Петроград для подавления мятежа силой оружия.

А. Ф. Керенский и М. В. Алексеев.

Подводя итоги прошедшего первого весеннего дня, Верховный главнокомандующий, по своему обыкновению, сделал запись в дневнике. Сжато описав маршрут движения и отметив факт встречи с генералом Рузским, он позволил себе огорчиться. «Стыд и позор! – сокрушался император. – Доехать до Царского не удалось. А мыслями и чувствами все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!»

Революционные перемены

Предпринятые императором шаги и надежда на Бога не дали ожидаемых результатов. События развивались стремительно.

1 марта в столице началось формирование Временного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым. Днем в Ставку доставили копии телеграфных лент переговоров генерала Рузского с Родзянко, не приехавшего на встречу с императором в Псков. Ознакомившись с текстом, генерал Алексеев составил на имя командующего войсками фронтов телеграмму, которая приобрела поистине историческое значение в последующих событиях в России. В ней излагалась общая обстановка, так как она была обрисована М. В. Родзянко в разговоре с Рузским, приводилось мнение председателя Государственной думы о том, что спокойствие в стране, а следовательно, и возможность продолжения войны могут быть достигнуты только при условии отречения императора Николая II от престола в пользу его сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича.

«Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, – писал М. В. Алексеев. – Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжить до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой уступок. Если вы разделяете этот взгляд, – обращался к военным руководителям Михаил Васильевич, – то не благоволите ли вы телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству, известив меня».

Эти телеграммы были разосланы 2 марта. Ответы командующих фронтами были почти одинаковыми. Командующие Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич, Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов и Западным фронтом генерал А. Е. Эверт в разных выражениях просили императора принять решение, высказанное председателем Государственной думы, признавая его единственным могущим спасти Россию, династию и армию. Несколько позднее были получены телеграммы примерно с такими же ответами от командующего Румынским фронтом и Балтийским флотом.

Утром того же дня генерал Рузский довел до императора содержание его разговора с Родзянко. По его словам, положение складывалось так, что спасти его могло только отречение. После некоторых колебаний император согласился. Из Ставки тут же прислали проект манифеста об отречении. Николай II, почти не читая, подписал этот исторический документ. Сам он по итогам

того дня записал в дневнике: «…В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!»

Итак, время императорской России навсегда было закончено.

11 марта 1917 года штаб Юго-Западного фронта, находившийся тогда в Бердичеве, присягал Временному правительству. Первым слова присяги произнес командующий фронтом генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов. Тогда он не знал, да и не мог знать, что этим шагом он приблизил развал и гибель армии, которой верно служил уже почти 50 лет.

А. А. Брусилов и Н. В. Рузский. Осень 1916 г.

Но надо признать, что Брусилов не был исключением из общего правила. Фронт, оторванный от тыла боевой работой, смертью, кровью и лишениями, жил своей жизнью, состоявшей из атак, оборонительных боев, маневров, перегруппировок, смен войск, пополнений боеприпасами, продовольствием и т. д. Каждый командир, с самого низа до самого верху, ежедневно жил только этими проблемами, не вникая глубоко в политическую игру партий и группировок, происходившую в глубоком тылу. Однажды запущенный механизм войны не терпел сбоев, и если на повестку дня ставился конкретный вопрос, то решать его нужно было немедленно, невзирая ни на что. А перед командующим фронтом таких вопросов стояло немало, и ему было неважно, по большому счету, какое правительство решит эти вопросы. Спустя десятки лет точно так повело себя офицерство во время трагического для Советского Союза 1991 года.

Остро встал вопрос о назначении нового Верховного главнокомандующего. Временное правительство после некоторого колебания свой выбор остановило на кандидатуре генерала Алексеева. Временный комитет Государственной думы предлагал на этот пост назначить Брусилова.

18 марта Родзянко отправил Львову письмо, в котором давался нелестный для Михаила Васильевича отзыв, выражалась также уверенность в том, что он не подходит для поста Верховного главнокомандующего. Утром следующего дня Временный комитет Думы рассмотрел этот вопрос. Он постановил: «Признать, что в интересах успешного ведения войны представляется мерой неотложною освобождение генерала Алексеева от обязанностей Верховного главнокомандующего, что желательным кандидатом (по рекомендации Родзянко) является генерал Брусилов». В постановлении подчеркивалось, что «общее руководство ведением войны, за исключением стратегии, управления и командования всеми сухопутными и морскими силами, должно быть сосредоточено в руках Временного правительства».

Однако Временное правительство пока твердо стояло за Алексеева – сказывалась, вероятно, совместная работа многих его членов со Ставкой, с одной стороны, с другой – это было противодействие мнению Председателя Думы, о плохих взаимоотношениях которого с Алексеевым было известно в правительственных кругах.

Правительство, следовательно, продолжало отстаивать свою кандидатуру, причем теперь уже и из престижных соображений. Гучков тем временем направил командующим войсками фронтов

и армий следующую телеграмму: «Временное правительство, прежде чем окончательно решить вопрос об утверждении Верховным главнокомандующим генерала Алексеева, обращается к вам с просьбой сообщить вполне откровенно и незамедлительно ваше мнение об этой кандидатуре».

Большинство генералов ответило на запрос военного министра полным согласием. Лишь командующий 5-й армией генерал Драгомиров высказал опасение, что «вряд ли генерал Алексеев способен воодушевить армию, вызвать на лихорадочный подъем…». Уклончиво ответил и генерал Рузский: «По моему мнению, выбор верховного должен быть сделан волею правительства».

Брусилов, который, вероятно, знал о том, что является основным соперником Алексеева, был в своем ответе довольно прямолинеен. «По своим знаниям подходит вполне, – телеграфировал он. – Но обладает важным недостатком для военачальника – отсутствие силы воли и здоровья после перенесенной тяжелой болезни».

А. А. Брусилов и военный министр Временного правительства А. И. Гучков.

Тем не менее генерал Алексеев был назначен Верховным главнокомандующим русской армией и флотом. Должность начальника штаба принял генерал от инфантерии В. Н. Клембовский. Проработал в этой должности он, правда, недолго. 25 марта в Ставку прибыл генерал А. И. Деникин с предписанием военного министра о вступлении в должность начальника штаба. «Такой полупринудительный порядок назначения Верховному

главнокомандующему ближайшего помощника, – отмечал в связи с этим Антон Иванович, – не прошел бесследно: между генералом Алексеевым и мною легла некоторая тень, и только к концу его командования она рассеялась. Генерал Алексеев в моем назначении увидел опеку правительства… Вынужденный с первых же шагов вступить в оппозицию с ним, оберегая Верховного – часто без его ведома – от многих трений и столкновений своим личным участием в них, я со временем установил с генералом Алексеевым отношения, полные внутренней теплоты и доверия».

Весной 1917 года Брусилов пригласил военного министра Керенского прибыть на Юго-Западный фронт, чтобы на митингах подтвердить требование наступления от имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, так как к этому времени солдатская масса более не признавала Государственной думы. К тому времени войска всех фронтов совершенно вышли из повиновения, и никаких мер воздействия предпринимать было невозможно. Да и назначенных комиссаров слушались лишь постольку, поскольку они потворствовали солдатам, а когда они шли им наперекор, солдаты отказывались исполнять и их распоряжения. Например, 7-й Сибирский корпус, отодвинутый с позиций в тыл для отдыха, наотрез отказался по окончании отдыха вернуться на фронт и объявил комиссару корпуса Борису Савинкову, что бойцы корпуса желают идти для дальнейшего отдыха в Киев, и никакие уговоры и угрозы Савинкова не помогли. Таких случаев на всех фронтах было много.

Правда, при объезде Юго-Западного фронта Керенским его почти везде принимали горячо и многое ему обещали, но когда дошло до дела, то, взяв сначала окопы противника, войска затем самовольно на другой же день вернулись назад, объявив, что так как аннексий и контрибуций требовать нельзя и война до победного конца недопустима, то они и возвращаются на свои старые позиции. А затем, когда противник перешел в наступление, армии фронта без сопротивления очистили свои позиции и пошли назад. Ясно, что и Керенский, и тогдашний Совет рабочих и солдатских депутатов также потеряли к этому времени свое обаяние в умах солдатской массы, и мы быстро приближались к анархии, невзирая на старания немощного Временного правительства, которое, правду сказать, само твердо не знало, чего хотело.

1 мая 1917 года генерал Алексеев вызвал в Ставку командующих войсками фронтов, флотов, некоторых командующих армиями. Вопрос, по сути дела, стоял один – о готовности войск к предстоящему наступлению.

Брусилов взял слово. Он вышел к трибуне, несколько секунд

помолчал, а затем начал говорить, словно размышляя вслух, делясь с присутствующими давно наболевшим, что последние месяцы не давало ему покоя ни днем ни ночью:

– До Пасхи у нас были разные прорухи, так как на нас неожиданно свалилось много забот, и мы не могли рассчитывать на полное их восстановление. Во время Пасхи развились братания, которые приняли повальный характер по всему фронту, после чего наступила сильная дезорганизация войск. Лейтмотивом общего настроения было следующее: «Немец ничего себе, человек недурной, воевать не хочет, в этом виноваты французы и англичане. Наступать нам нечего, если объявлен мир без аннексий и контрибуций, то не для чего нам кровь проливать». В частности, в одной из частей, совсем пропащей, 8-м Заамурском полку, мне говорили: «Зачем теперь мы будем умирать? Нам дана свобода, обещана земля, зачем же мы будем калечиться: нам надо сохранить себя, и мы, и семьи наши будут этим довольны. Нам нужен мир…»

Я много говорил им о неправильности для нас наступления, мне ничего не возразили и только попросили разрешения принести их резолюцию. Я согласился. Принесли и поставили большой и красивый плакат: «Долой войну, мир во что бы то ни стало». Хотели было они уйти с позиций, но удалось уговорить остаться. Я рассчитываю, что этот тяжелый и неприятный дух может измениться, и мы к концу мая – началу июня сможем перейти в наступление, которое могло бы дать хорошие результаты, так как у нас теперь много сил и средств. Однако если выйдет приказ с декларацией, то наше дело будет безнадежно – для переварки этого приказа понадобится много месяцев.

Отношение солдатских масс к правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов следующее: на правительство они не надеются, для них все в Совете рабочих и солдатских депутатов. Если затронуть последний – это вызовет у них злобу и раздражение. Большинство офицеров – до 75 процентов – спрятались в свою скорлупу, считая себя обиженными событиями. Среди солдат много было рабочих и людей, уже подготовленных к политической жизни, многие из солдат были большевиками. Это объясняет распространение в солдатской массе зловредных идей, которые заразили даже самые прочные части. Ни главнокомандующие, ни командующие никакой силы больше иметь не могут. Следствия произвести не представляется возможным, наложить дисциплинарное взыскание ни один из начальников не решается. Солдаты ныне управляются лишь нравственным авторитетом Совета рабочих и солдатских

депутатов, офицеры и начальники вообще для них не больше чем буржуи, так как стоят за Временное правительство и против Совета. Последнее обстоятельство объясняет возникшую между солдатами и офицерами рознь, поэтому быстрое сцепление их – невозможно…

Штурм походной лавки.

Я говорил уже, что при установившемся ныне перемирии наши войска стоять на месте не могут, но если немцы ударят, последует отход, который при существующей дезорганизации приведет к катастрофе.

Поэтому я должен доложить, что в данное время наступать я не могу. Если не выйдет вышеуказанного приказа, то в первых числах июня рассчитываю на возможность наступления. За последнее я не отвечаю, но надеюсь.

Закончив речь, Алексей Алексеевич платком вытер со лба пот, а может, и невольно набежавшую слезу.

Подавляющее большинство присутствовавших согласились с Брусиловым. Однако мер, способных остановить разложение армии, найдено не было. Участники совещания, признавая необходимость наступления на фронте, тем не менее высказали убеждение, что в настоящее время, то есть в мае, армия не готова сколько-нибудь успешно осуществить наступательные операции. К такому выводу они пришли не только из-за низкого морального состояния солдатских масс, но также учитывая недостаточную подготовленность войск в чисто военном отношении. По мнению

командующих, провести наступление можно было в лучшем случае в июне 1917 года.

По просьбе Алексеева на совещании был рассмотрен также вопрос об отношении с союзниками, которые настойчиво требовали, особенно после провала весеннего англо-французского наступления на Западном фронте, скорейшего проведения русской армией наступательных операций. Генерал Алексеев проинформировал присутствовавших о заявлении союзного командования, что если в ближайшее время русская Ставка не сможет организовать наступление, то в дальнейшем Россия может остаться без поддержки союзников».

Участники совещания ознакомились также с двумя секретными сообщениями от поверенного в делах России в Швейцарии. В первом из них говорилось, что между правительствами Англии, Франции, Италии и Японии состоялся обмен мнениями по вопросу о дальнейших действиях союзников в случае неспособности русской армии осуществить крупную наступательную операцию. «Обмен мнений, – указывалось в сообщении, – привел будто бы к следующему решению: если русская армия не сможет или не захочет начать наступление, то Япония пошлет на Европейский театр, на Итальянский и Французский фронты миллионную армию и будет вести войну до полного поражения Германии».

За этот вклад в победу Япония получала бы права на владение Маньчжурией, а Россия должна была бы уступить ей Уссурийский край. «В случае успеха этой комбинации, – говорилось в сообщении, – окончание войны ожидалось не позднее осени 1917 года». Во втором донесении того же поверенного в делах Берке сообщалось: «Один из видных членов японской миссии в частной беседе заявил, что если Россия заключит сепаратный мир, то Япония нападет на Россию».

Поездка в Петроград

В завершение совещание решило, что генерал Алексеев и командующие войсками фронтов должны выехать в Петроград, чтобы там согласовать вопросы подготовки наступательных операций с Временным правительством.

«Выехали экстренным поездом, – вспоминал А. А. Брусилов. – Утром 3 мая прибыли в Петроград. На вокзале нас ждал новый военный министр. Гучков ушел в отставку, его заменил А. Ф. Керенский. Вместе с ним приехавших встречал и командующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов. Увиденное наводило на печальные мысли: солдаты почетного караула, невзирая на команду, продолжали стоять вольно, на приветствие Алексеева отвечали вяло, как бы с усмешкой, прошли небрежно, как бы из снисхождения к такому лицу, как Верховный главнокомандующий…

Поразил и вид города. Не существовало более чиновного, строгого, казенного Петербурга. Все кипело, шумело, волновалось».

Совещание высшего военного руководства началось в полдень на квартире Львова в доме на Театральной площади.

Верховный главнокомандующий М. В. Алексеев и командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов. На груди у обоих красные революционные ленты. Март 1916 г.

Первым выступил Алексеев. Он подробно охарактеризовал военно-стратегическое положение, раскрыл планы Ставки. Остановился на положении в армии:

– Армия на краю гибели. Еще шаг, и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собой Россию и ее свободы. Возврата не будет. Виновны в этом все. Мы сделали все возможное, отдаем и теперь все силы, чтобы оздоровить армию. Мы верим Керенскому, что он вложит все силы ума, влияния и характера, чтобы помочь нам. Но этого недостаточно. Должны помочь и те, кто разлагал армию своими приказами и директивами, четко разъяснив их суть.

Армия – организм хрупкий. В ней должна быть твердая власть. Мешать лицам, издающим приказы, не должен никто. Мы все отдаем себя Родине. Если мы виноваты, предавайте нас суду, но не вмешивайтесь в наши дела, отданные приказы… Материальные недостатки мы переживем. Духовные требуют немедленного лечения. Если в течение ближайшего месяца мы не поздоровеем, то потеряем престиж в международных делах…

Затем выступили все командующие, дополнив и развив мысли, высказанные генералом Алексеевым. После обеда продолжили работу до одиннадцати часов вечера. Свое видение вопросов высказали Львов, Церетели, Керенский. На следующий день в Мариинском дворце собрались послушать генералов министры, часть членов Государственной думы, депутаты Петроградского Совета.

7 мая открылся Всероссийский съезд офицеров армии и флота. Он высказался за поддержку Временного правительства, за продолжение войны, за наступление на фронте, за ограничение деятельности войсковых комитетов. На съезде выступил и Верховный главнокомандующий.

Митинг на фронте, 1917 г.

«В воззваниях, в приказах, на столбцах повседневной печати мы часто встречаем короткую фразу: «Отечество в опасности», – подчеркнул генерал Алексеев. – Мы слишком привыкли к этой фразе. Мы как будто читаем старую летопись о днях давно минувших и не вдумываемся в грозный смысл этой короткой фразы. Но, господа, это, к сожалению, тяжелая правда. Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть. Враг занял восьмую часть ее территории. Его не подкупишь утопической фразой: «Мир без аннексий и контрибуций». Он откровенно говорит, что не оставит нашу землю. Он протягивает свою жадную лапу туда, где еще никогда не был неприятельский солдат – на богатую Волынь, Подолию, Киевскую землю, на весь правый берег нашего Днепра.

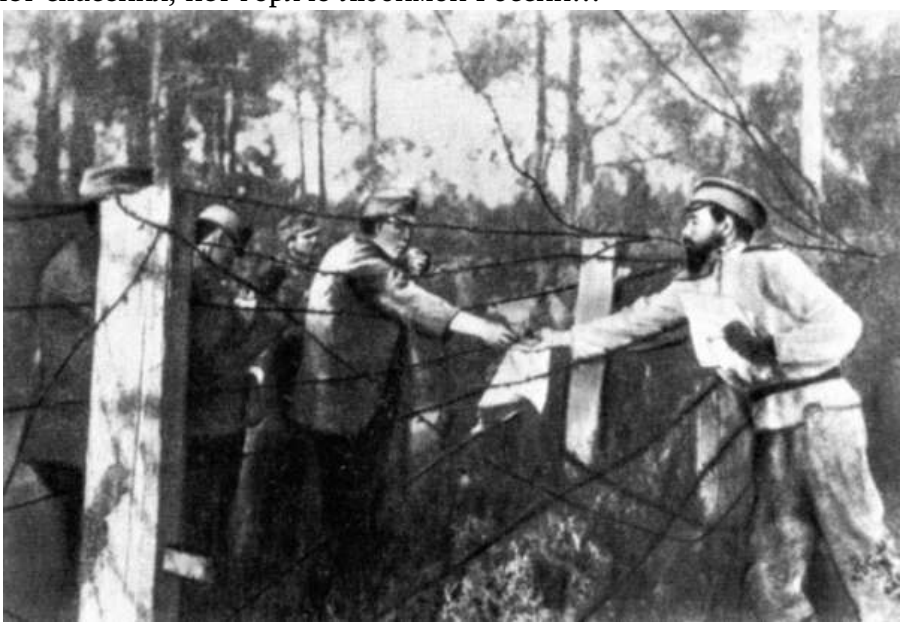
А мы на что? Разве допустит до этого русская армия? Разве мы не вышвырнем этого дерзкого врага из нашей страны, а уже потом предоставим дипломатии заключить мир с аннексией или без аннексии?

Будем откровенны, – продолжал Михаил Васильевич, – упал воинский дух русской армии. Еще вчера грозная и могучая, она стоит сейчас в каком-то роковом бессилии перед врагом. Прежняя традиционная верность Родине сменилась стремлением к миру и покою. Вместо деятельности в ней заговорили низменные инстинкты и жажда сохранения жизни. Где та сильная власть, о которой горюет наше государство? Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед

Родиной? Нам говорят, что скоро будет, но пока ее нет.

Где любовь к родине? Где патриотизм? Написали на нашем знамени великое слово «братство», но его не начертали в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между двумя частями русской армии – офицерами и солдатами.

И вот в такие минуты собрался первый съезд офицеров русской армии. Думаю, что нельзя выбрать более удобного и неотложного момента для того, чтобы единение водворилось в нашей семье, чтобы общая дружная семья образовалась из корпуса русских офицеров, способная подумать, как вдохнуть порыв в наши сердца, ибо без порыва – нет победы, без победы – нет спасения, нет горячо любимой России…



Братание на фронте, 1917 г.

Согрейте же ваш труд любовью к Родине и сердечным расположением к солдату, наметьте пути, как приподнять нравственный и умственный склад солдат, для того чтобы они сделались искренними и сердечными вашими товарищами. Устраните ту рознь, какая искусственно посеяна в нашей семье. В настоящее время – это общая болезнь – хотели бы всех граждан России поставить на платформы и платформочки, чтобы инспекторским оком посмотреть, сколько стоит на каждой из них.

Мы все должны, – заключил Верховный главнокомандующий, – объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам великой

армии, спасать ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы к работе, которая обеспечит в итоге победу над врагом Отечества».

Произнесенная речь, в которой вылилась тревога за судьбы армии, послужила прологом к уходу генерала Алексеева с занимаемого поста. На следующий же день в левой печати началась кампания против Верховного главнокомандующего. Временное правительство сочло необходимым отстранить Михаила Васильевича от руководства армией и флотом, переместив его на пост Главного военного советника при правительстве.

Во главе русской армии

В ночь на 22 мая Верховным главнокомандующим был назначен генерал А. А. Брусилов. В своих воспоминаниях по этому поводу он запишет следующее: «Так как я решил во всяком случае оставаться в России и служить русскому народу, то я согласился на это предложение, которое мне сделал Керенский».

18 июня по плану, еще весной разработанному Брусиловым, войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. 27 июня соединения 8-й армии под командованием генерала Л. Г. Корнилова заняли Галич, а на следующий день – Калуш. Однако дальше солдаты отказались выходить на позиции. Воспользовавшись паузой, 6 июля германское командование нанесло контрудар. Войска начали отступление, которое сразу же переросло в паническое бегство. Одновременно заглохло и имевшее на первых порах успех наступление Румынского фронта.

Верховный главнокомандующий А. А. Брусилов.

Верховный главнокомандующий предпринял попытку поднять в наступление войска Северного и Западного фронтов – безрезультатно. Солдаты не хотели идти в бой. Соединения 5-й армии, как доложили генералу Брусилову, после исключительно эффективной артиллерийской подготовки все-таки двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две-три линии окопов противника, побывали на его батареях, сняли прицелы с орудий, а затем вернулись в свои окопы. Подобные случаи, совершенно не

вписывающиеся в правила ведения войны, имели место и на других участках фронта. Нередко офицеры, пытавшиеся остановить своих подчиненных, расстреливались на месте. Поэтому неудивительно, что июньское наступление, на которое Временное правительство и сам Брусилов возлагали такие надежды, потерпело полную неудачу.

Выступление Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова перед войсками. Июнь 1917 г.

Оно дорого обошлось русской армии. Было убито, ранено и попало в плен около двух тысяч офицеров, более 50 тысяч солдат. Так бесславно закончилась единственная крупная стратегическая операция, которой руководил Алексей Алексеевич в качестве Верховного главнокомандующего. Безусловно, и решение Временного правительства о восстановлении смертной казни, подтвержденное приказом Брусилова от 12 июля 1917 года, положение на фронте уже не могло спасти. Эта правильная, но явно запоздавшая мера еще больше подорвала авторитет Верховного главнокомандования, чем немедленно воспользовались оппозиционные партии для окончательного развала армии.

16 июля в Ставке ждали гостей из Петрограда. «В 9 часов утра, – вспоминал генерал Лукомский, – по телефону сообщили, что подходит экстренный поезд, в котором ехал господин Керенский… Генерал Брусилов решил на вокзал не ехать. Он послал встречать Керенского генерала для поручений, который

должен был доложить, что Верховный главнокомандующий извиняется, что не встретил, что у него срочная работа… Впоследствии мне передавали, что господин Керенский, ожидавший почетный караул и торжественную встречу, был страшно обозлен и возмущен тем, что генерал Брусилов осмелился даже не приехать его встретить. В присутствии ехавших с ним он заявил: «При царе эти генералы не посмели бы себе так нагло держаться…»

У тела хозяина.

Цель приезда высшему командному составу армии Александр Федорович объяснил сам:

– Настоящее совещание созвано по моей инициативе. Временному правительству необходимо выяснить следующие три вопроса: военно-стратегическую обстановку, дабы иметь возможность своевременно подготовить население к событиям ближайшего будущего; общую обстановку, чтобы быть ориентированным при предъявлении требований и просьб к союзникам, и, наконец, Временное правительство должно знать, какими мерами, по мнению присутствующих, можно восстановить боеспособность армии, то есть разработать организационно-военные вопросы. Я как председатель хотел бы выслушать от лиц, опытных в военном деле, объективные выводы из рассмотрения указанных вопросов. Считаю своим моральным и нравственным долгом выразить глубокую уверенность, что мы объединены единой мыслью спасти Родину и не отдавать завоевания, сделанные русским народом.

Затем слово было предоставлено Верховному главнокомандующему. Брусилов понимал, что Керенский приехал в Ставку не столько строить планы на будущее, сколько попытаться свалить с себя вину за последние военные неудачи на армию, ее командование. У Алексея Алексеевича почти не оставалось сомнения в том, что в числе главных виновников будет назван он сам, за чем последует неминуемое смещение его с должности. Поэтому он решил в последний раз воспользоваться своим правом и повести заседание так, чтобы всем стало ясно, кто истинный виновник бед, постигших русскую армию и само государство:

– Прежде всего, во исполнение указаний председателя Совета министров, я доложу положение на фронте, в зависимости от чего моим предшественником генералом Алексеевым и были распределены силы и средства. Когда я вступил в верховное командование, я никаких перемен не делал. Но произошла одна крупная перемена: войска, а главным образом пехота, стали к этому времени менее боеспособны, дисциплина безусловно пала настолько сильно, что нельзя было заставить войска ни обучаться, ни работать по укреплению позиций и плацдармов. Вследствие этого наступление мы начали не в мае, а значительно позже. Однако для производства такового были приняты все меры. Сам военный министр ездил на фронт и много помог делу, объясняя войскам необходимость наступления.

Но поскольку начальствующие лица власти никакой не имели, поэтому надо было обратиться к агитаторам Совета рабочих и солдатских депутатов. Комиссары также работали, и работа их также имела хорошие последствия. Наконец, армейские комитеты проявили усиленную и плодотворную деятельность, многие из них даже ходили с войсками в атаку и проливали кровь. Тем не менее дисциплина в войсках не восстановилась, а без дисциплины и авторитета начальников успеха в нынешних длительных боях достигать невозможно. Там, где была сильная артиллерия, где была могучая подготовка, там был прорыв. Но затем он выдохся, и войска при нажиме противника, и даже без него, возвращались на свои позиции…

Что делать для того, чтобы исправить положение? Прежде всего надо восстановить боеспособность армии, так как без этого никакие предложения, никакие решения не будут иметь значения. Чтобы вернуть боеспособность армии, надо дисциплинировать ее. Прежнюю дисциплину полностью восстановить нельзя, и теперь желательно обсудить меры, которые могли бы поднять дисциплину и авторитет начальников и сделать войска послушными. Ведь теперь надо сутки и более, чтобы уговорить

части идти выручать товарищей. Во время последних боев войска торговались, митинговали целыми сутками и иногда выносили решение не идти на помощь соседним частям. В результате – полная неудача. Без всяких разговоров, при малейшем нажиме, дивизии разбегались, не слушая ни уговоров, ни угроз.

Все это происходит от того, что начальники, от ротного командира до главнокомандующего, не имеют власти. Работа же комитетов и комиссаров не удалась, так как они заменить начальников не могут. История указывает, что есть предел свободе армии, перейдя который армия превращается в скверную милицию, необученную, непослушную и выходящую из рук начальников. Поэтому, рассматривая поставленные три вопроса, считаю, что первым вопросом должны стать меры, необходимые для восстановления боеспособности армии…

Вслед за Верховным главнокомандующим выступили командующие фронтами. Все единогласно ратовали за то, что армии прежде всего необходима дисциплина, для поддержания которой допустимы самые строгие меры. Было высказано мнение о необходимости устранения комитетов и комиссаров, подрывающих в войсках единоначалие.

Слово попросил комиссар Юго-Западного фронта Борис Савинков:

– Я, как и все, так же люблю Родину, но я не могу согласиться с мнением господина командующего Западным фронтом и господина командующего Северным фронтом. Господин командующий Западным фронтом сказал, что надо упразднить, за ненадобностью, а может быть, за вредность комитеты. Однако следует заметить, что члены войсковых организаций неоднократно сами шли в бой и погибали. Много они делали и в деле эвакуации, когда начальствующие лица не всегда и везде делали нужные распоряжения. Нельзя отрицать того, что войсковые организации приносят несомненную пользу, следят за хозяйственной частью, объясняют солдатам с демократической точки зрения явления общественной жизни. В то же время я не приветствую их вмешательство в оперативные вопросы и в отношении смещения начальников. Конечно, необходимо установить их круг ведения, и раз будет такое разграничение, то тогда войсковые организации ничего, кроме пользы, принести не могут…

Не могу также согласиться с господином командующим Западным фронтом относительно комиссаров. Русская армия – армия демократическая, республиканская. Высший же командный состав назначен еще старым правительством. Не будь этого, я первым бы утверждал, что комиссары должны быть отменены при

первой возможности, но при указанных обстоятельствах в настоящее время без них обойтись нельзя. Солдаты, часто не доверяя начальникам, доверяют комиссарам. Комиссары – это не третьи лица, которые часто дают возможность сглаживать разногласия и недоразумения, происходящие между двумя сторонами. В армии, пока в России есть революционная власть, должны быть глаза и уши у этой власти…

Я присоединяюсь к мнению о необходимости восстановления дисциплинарной власти начальников, но наступило ли для этого время? В бою результат от принятия этой меры будет небольшой, а волнения будут огромные, и эта мера встретит противодействие солдат. В то же время введение смертной казни признаю необходимой на театре военных действий, но не только против солдат, но и против начальников.

Брусилов терпеливо выслушал Савинкова, выступивших следом за ним генерала Лукомского, Алексеева, Рузского. Дискуссия явно затягивалась, и по тому, как Керенский нервно вертел в руке карандаш, было видно, что сказанное военными ему не нравилось. Но Алексей Алексеевич меньше всего заботился о самолюбии главы правительства, которое, взяв власть в стране, не могло ею эффективно распорядиться. Он снова взял слово:

– Не может быть двух мнений относительно необходимости иметь строгую дисциплину. Пример – Германия, окруженная врагами, а как держится и только благодаря дисциплине. Конечно, не в том дело, что будет у нас – республика или монархия, дисциплина все равно необходима, без нее армии нет. Оставлю в стороне причины разложения нашей армии. Но скажу, что вся беда России в том, что армия не дисциплинированная. На фронте у нас армии нет, в тылу – тоже. Затруднения, испытанные Временным правительством в Петрограде, все бедствия внутри России имеют одну причину – отсутствие у нас армии.

Неудовольствие в стране, неуспехи на фронте происходят от того, что у нас нет дисциплины. Вот у меня в руках телеграмма, полученная из Горок. В ней сообщается о грабежах, которые там чинят солдаты. Мирные жители просят оградить их от бесчинств серых банд. А эти самые банды на фронте бегут перед слабым противником. В сущности, они хорошие люди. Но необразованных, неразвитых людей нельзя сразу сделать разумными гражданами. Их надо привести к послушанию. Даже в Соединенных Штатах существуют такие суровые меры, как распятие солдата на земле наподобие Андреевского креста, сажание на цепь. Сама по себе война явление жестокое, неестественное. Поэтому жестокими, неестественными мерами надо заставить солдата слушаться.

Как завести у нас дисциплину? Начальникам должна быть дана дисциплинированная власть. Солдаты должны слушаться своего боевого начальника, иначе мы никогда войны не выиграем и даже не удержим нашего теперешнего положения. Дисциплину надо ввести не только на фронте, но и в тылу. Недоверие всегда было и будет. Но вообще доверие солдат к офицерам было. Теперь же солдаты заподозрили, что офицеры хотят отнять у них права. Их окрестили «буржуями». Но, по существу, офицер не буржуй, он самый настоящий пролетарий. Офицеры были более революционны, чем солдаты, которые стали революционными из-за посулов земли и воли. Повторяю, может быть, правительство не хотело так остро ставить вопрос, но так вышло. Я много служил в армии и знаю, что раньше недоверия к офицерам не было.

Брусилов наблюдал за реакцией присутствующих. Военные, соглашаясь, кивали. Министр иностранных дел Терещенко сидел неподвижно, поджав губы, явно не понимая до конца того, о чем идет речь. Керенский уже не нервничал. Он был откровенно зол и едва сдерживался, чтобы не обрушиться на Брусилова со встречными обвинениями. Алексей Алексеевич продолжал:

– Итак, дисциплина в армии должна быть восстановлена. Власть начальникам должна быть дана. Что же касается до войсковых комитетов, то их уничтожить нельзя. Но комитеты должны быть подчинены начальникам, которые могут, в случае надобности, их разогнать.

Комиссариат желателен в настоящее время, только нужно определить размеры власти комиссаров. Долгом чести считаю отметить полезную работу комиссара Юго-Западного фронта. Потом, может быть, надо будет уничтожить комиссаров, но пока они нужны. Сами начальники просят о комиссарах и агитаторах, но заменить начальников они не могут и должны помогать им…

И еще я хотел бы сказать о следующем. Нет такой армии в мире, где младший не отдавал бы чести старшему. Отдание чести – это известный привет людей одной и той же корпорации. Для нашего простонародья не отдать честь кому-нибудь – значит, «плевать» на него. Конечно, если оба лица в штатском, то об отдании чести нечего и говорить. Но не отдавать чести, когда оба в военном, – недопустимо…

Керенский не выдержал. Вскочил с места, заходил по комнате. Затем остановился у стола и заговорил отрывисто, громко:

– Конечно, все имеет свои отрицательные стороны. Сейчас все имеет ненормальный характер. Можно ли сейчас сделать поворот во всем? Нет, нельзя. Ответственность всех так переплетается, что

разделить всех на группы натравливающих и натравливаемых нельзя. Кто не может примириться с новым порядком, пусть не насилует себя и пусть уходит.

Произнося последние слова, он выразительно посмотрел на генералов и дольше всего на Брусилова… Совещание закончилось поздно ночью. Керенский сразу же уехал в Петроград. А в 11 часов утра 19 июля Брусилов получил телеграмму: «Временное правительство поставило назначить вас в распоряжение правительства. Верховным главнокомандующим назначен генерал Корнилов. Вам надлежит, не ожидая прибытия генерала Корнилова, сдать временное командование наштаверху[50]. О времени выезда прошу телеграфировать. Министр-председатель, военный и морской министр Керенский».

Выступление Александра Фёдоровича Керенского на фронте.

Таким образом, переход Брусилов на сторону Временного правительства принес ему высший пост в военной иерархии России – Верховного главнокомандующего. Но в этой должности он проработал менее двух месяцев, не достигнув поставленных перед ним целей, не одержав крупных военных побед и не прекратив развал армии. Его уход с занимаемого поста и в целом из армии, стал закономерным итогом не деловых качеств генерала, а превратностью того смутного времени.

На переломе

Говорят, что человек – кузнец своей судьбы. Это соответствует действительности только в том случае, если общество живет размеренной мирной жизнью. В случае войны течение жизни ускоряется стремительно и изменяется настолько часто, что «ковать» что-то становится очень трудно. Во время революции быть «кузнецом своей судьбы» практически невозможно, особенно в том случае, если за спиной прожитая жизнь и твердые принципы.

Известие об отставке не застало Алексея Алексеевича врасплох. Внутренне он уже был готов к этому. Удивила спешка, с которой его удаляют от войск. Так закончилось его участие в Первой мировой войне. Но впереди еще были годы жизни, полные драматических событий.

21 июля 1917 года А. А. Брусилов приехал в Москву, где жила семья брата Бориса. Он с женой поселился в доме № 4 по Мансуровскому переулку, на Остоженке. Генерал был явно обижен отставкой и при каждом удобном случае говорил о слабости правительства Керенского, не стеснялся и критиковать нового Верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова – своего бывшего подчиненного. Но, вероятно, в душе Алексей Алексеевич все же надеялся, что вскоре его снова призовут и поставят во главе действующей армии.

А. Ф. Керенский и Л. Г. Корнилов среди членов Временного правительства и командования Петроградского гарнизона.

Москва в то время буквально бурлила, и ежедневно в ее различных местах происходили митинги, демонстрации, собрания. В организации и проведении этих мероприятий

участвовали самые различные партии, но порой они возникали и стихийно. Брусилов сразу же включился в общественную деятельность.

7 августа он выступил на собрании московского союза георгиевских кавалеров, состоявшемся в помещении сада «Аквариум», где собралось около двух тысяч человек. В своей приветственной речи, в частности, он сказал: «Армия наша больна, и вы, как наиболее сильные духом, должны влить в нее свой организующий творческий дух и волю к победе над врагом. Я верю, что когда наша армия выздоровеет духом, когда в ней возродится разумная строгая дисциплина, достойная свободного и великого народа, тогда мы можем надеяться на победу»[51].

8 августа в одной из аудиторий Московского университета по инициативе П. П. Рябушинского собралось Всероссийское собрание общественных деятелей. На нем было представлено около 400 делегатов от общественных и политических организаций. Из общественных деятелей были Н. В. Родзянко, П. Н. Милюков, В. В. Шульгин и другие. Из военных – генералы А. А. Брусилов, М. В. Алексеев, Н. В. Рузский, А. М. Каледин, Н. Н. Юденич.

На собрании с большим докладом о положении в армии выступил М. В. Алексеев. Он обрисовал достаточно печальную картину, заявив, что только самые решительные меры могут исправить положение. После него выступил Брусилов. Он поддержал Алексеева, заявив, что все, что сказал Михаил Васильевич, «есть истина святая». Кроме того, Алексей Алексеевич сказал: «Если вы все, русские люди, желаете играть роль в общественной жизни и иметь значение для России, вам необходимо вмешаться в толпу и повелевать ею, надо с оружием в руках выйти на улицу, тогда только так называемая инициатива может повлиять на ход дел». Разгорячившись, генерал даже заявил, что готов лично возглавить этих добровольцев. Зал ему аплодировал, но когда по рядам пустили бумагу для записей, в ней оказалась всего одна фамилия какого-то инженера из Коломны. Интеллигенция ясно дала понять, что дальше разговоров о наведении порядка она идти не собирается.

После выступлений генералы, собравшись вместе, продолжили начатый разговор. Но при этом было заметно, что каждый из них претендовал на ведущую роль в будущем армии и предлагал свой путь в решении ее проблем.

Н. В. Желиховская, узнав о встрече генералов, тут же предложила написать статью «Выступление белых крестов», намекая на высокие награды собравшихся. Позже в опубликованной третьей части воспоминаний Брусилова даже

имеется краткий комментарий по этому поводу и сведения о том, что эта статья «очень доброжелательная». Но в архивах А. А. Брусилова и Н. В. Брусиловой, а также в московских и петроградских газетах того времени данной статьи обнаружено не было. Это достаточно красноречиво говорит о том, что Надежда Владимировна после смерти мужа пыталась в определенной степени «дополнить» его биографию собственными вставками.

В воспоминаниях Брусилова даже говорится о том, что в июле – августе 1917 года он, предвидя надвигающуюся катастрофу, даже пытался подкупить воинские части, дислоцировавшиеся на Ходынском поле, за два миллиона рублей. Ради сбора этих средств он лично посетил многих московских толстосумов и «везде получил массу комплиментов, но без денег». Поэтому данная затея успехом не увенчалась.

12 августа было собрано Государственное совещание, которое должно было наметить программу действий России на дальнейшее. 13 августа для участия в этом совещании приехал Л. Г. Корнилов. Его встречали на Александровском вокзале в Москве. Приезд Верховного главнокомандующего был обставлен торжественно. На перроне выстроился с развернутым знаменем и хором музыки почетный караул от Александровского военного училища. На левом его фланге встала команда женщин-юнкеров. Далее расположились депутации союза офицеров армии и флота, союза георгиевских кавалеров, союза казачьих войск, союза воинов, бежавших из плена, 6-й школы прапорщиков, женского батальона «смерти». Среди встречавших были атаман Донского войска Каледин, генералы Зайончковский и Яковлев, городской голова Руднев, члены Государственной думы Родичев, князь Мансырев, Ханенко и Щепкин, комиссар Временного правительства в Москве Кишкин.

Лавр Георгиевич Корнилов

Как только поезд остановился, из него выскочили текинцы и выстроились в две шеренги. Пройдя между ними, Корнилов начал обход почетного караула, депутаций и представлявшихся лиц. Весь его путь был усыпан цветами. После короткого митинга офицеры с криками «Ура Корнилову!» подняли генерала и на руках вынесли на площадь, где он приветствовал восторженных москвичей. Автомобиль оказался весь завален цветами, которые Лавр Георгиевич приказал убрать.

– Я не тенор, и цветов мне не нужно, – заявил он. – Если вы хотите украсить автомобиль, то украшайте его Георгиевским флагом, на что я имею право как главнокомандующий.

У часовни Иверской Божией Матери Корнилов приказал остановиться и пошел помолиться…

За день до начала совещания городской голова Н. И. Астров посетил Брусилова с целью пригласить его в Большой театр для участия в этом мероприятии. Алексей Алексеевич ответил, что не считает возможным официально принимать участие в этом совещании, но готов посетить его в качестве частного лица.

Первый день совещания прошел в речах Керенского и других членов Временного правительства. Министр-председатель театрально кричал с трибуны:

– Под колесницу великой России я брошу свое истерзанное сердце!

Делового разговора не получалось.

На следующий день предоставили слово Корнилову.

«Низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым, пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде, – вспоминал П. Н. Милюков. – Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя Верховного. Не поднялась только относительно немногочисленная левая сторона. С первых скамей туда яростно кричали: «Хамы! Встаньте!» Оттуда неслось презрительное: «Холопы!» Председательствующему с трудом удалось восстановить тишину в зале…»

Свою речь Лавр Георгиевич начал в минорных тонах, заявив слушателям, что русской армии, какой она была раньше, больше не существует. Для того чтобы обеспечить защиту страны от решительного и агрессивного врага, он в который уже раз потребовал восстановить дисциплину, поднять престиж офицеров, улучшить их материальное положение, упорядочить работу комитетов и навести порядок в тылу.

– Я ни одной минуты не сомневаюсь, – отметил генерал в заключение, – эти меры будут приняты безотлагательно. Но невозможно допустить, чтобы решимость проведения в жизнь этих мер каждый раз совершалась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского разгрома и утраты Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии.

Мир пришел в окопы…

Я верю в гений русского народа, я верю в разум русского народа, и я верю в спасение страны, – убеждал присутствовавших Лавр Георгиевич. – Я верю в светлое будущее нашей Родины, и я верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю, что времени терять нельзя, что нельзя терять ни одной минуты. Нужны решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер».

Л. Г. Корнилов и А. М. Каледин в Москве. Август 1917 г.

Керенский делал вид, что доволен речью Корнилова, но и он, и генерал скрывали свои истинные чувства. Керенский опасался того, что Корнилов на волне популярности тут же организует против него военный заговор. А Корнилов, не успевший договориться с поддерживающими его партиями и движениями, боялся получить отставку. Словом, борьба двух кандидатов в диктаторы началась. Поэтому неудивительно, что Государственное совещание, закрывшееся в ночь на 18 августа, не

решило главных проблем страны и армии.

В конце августа 1917 года А. Ф. Керенский официально объявил генерала Л. Г. Корнилова мятежником и велел арестовать его. Корнилов не оказал сопротивления. Керенский объявил себя Верховным главнокомандующим. Как участники Корниловского мятежа, в войсках также было арестовано некоторое количество офицеров. Подавление этого мятежа еще больше расслоило российское общество и укрепило партию большевиков.

Российская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія. Цѣна 20 коп.
на мел. дор. 25 коп.

ПРАВДА

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ Р. С.-Д. Р. П.

№ 184. (115). Четвергъ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. 22 ноября (9 ноября ст. ст.) 1917 г.

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ приступилъ согласно волѣ Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ къ переговорамъ о мирѣ и въ этихъ цѣляхъ оффиціально предложилъ перемиріе на всѣхъ фронтахъ. Всѣмъ посламъ вручена нота Рабочаго и Крестьянскаго Правительства, Верховному Главнокомандующему Духонину отданъ соотвѣтствующій приказъ.

Вздохните съ облегченіемъ товарищи-солдаты—вашимъ мукамъ приходитъ конецъ.

Привѣтствуйте приближающійся миръ товарищи-рабочіе! Въ немъ залогъ возстановленія разрушающагося хозяйства.

Товарищи-крестьяне! Миръ вернетъ въ деревню вашихъ братьевъ и сыновей.

Да здравствуетъ демократическій миръ!

Долой всѣхъ тѣхъ, кто попытается ему препятствовать и длить преступную войну!

Газета «Правда» с сообщением о предложении Советского правительства заключить перемирие на всех фронтах. Ноябрь 1917 г. *(Фотокопия.)*

Декрет о мире.

Практически до последних дней власти Временного правительства Брусилов призывал общественность к активным действиям во имя спасения Родины. Так, 13 сентября он опять выступил на втором совещании общественных деятелей Москвы. В конце выступления, обрисовав печальную картину общего состояния российского общества, он сказал: «Если вы хотите сильной власти, если вы хотите, чтобы был порядок, – работайте сами над этим. Недостаточно говорить и писать. Соединяйтесь, будьте сильны и крепки, будьте могущественны, смелы и, если нужно будет, сумейте выйти на улицу. Тогда ваш голос будет услышан и ваша воля исполнена»[52].

Превратности судьбы

В октябрьских событиях Алексей Алексеевич не участвовал. Он жил в кругу семьи, состоявшей из жены, ее сестры и брата, а также прислуги из двух женщин и трех мужчин. Тогда из Александровского училища, превращенного в штаб сопротивления большевикам, ему предлагали возглавить антибольшевистское сопротивление в Москве, но он отказался от этого предложения.

Но революция «нашла» Брусилова в собственном доме. В шесть часов вечера 2 ноября во время обстрела штаба Московского военного округа мортирный снаряд попал в дом Брусиловых. Его осколки в нескольких местах перебили Алексею Алексеевичу правую ногу ниже колена. Эта была первая огневая рана на теле генерала, и получил он ее от русского снаряда.

Жена Брусилова бросилась искать помощь. На автомобиле мужа она приехала в штаб Красной гвардии Замоскворецкого района и потребовала врача и разрешения перевезти Брусилова в хирургическую лечебницу на Молчановке. Командир Красной гвардии разрешение дал, но автомобиль тут же реквизировал «на нужды революции».

Вскоре после этого, уложив Брусилова на носилки, солдаты понесли его пешком по Остоженке, Пречистенке и переулками на Арбат в лечебницу, расположенную в Серебряном переулке.

В больнице Брусилову оказали необходимую медицинскую помощь, но рана надолго приковала его к постели. Правда, в это время он не скучал. В больницу проведать генерала приезжало много людей: офицеры, священники, представители интеллигенции, даже иностранцы, оказавшиеся в то время в Москве. Обыватели, сильно расстроенные происходившими в стране событиями, искали у Брусилова совета и даже объяснений. Но что он мог ответить этим людям?

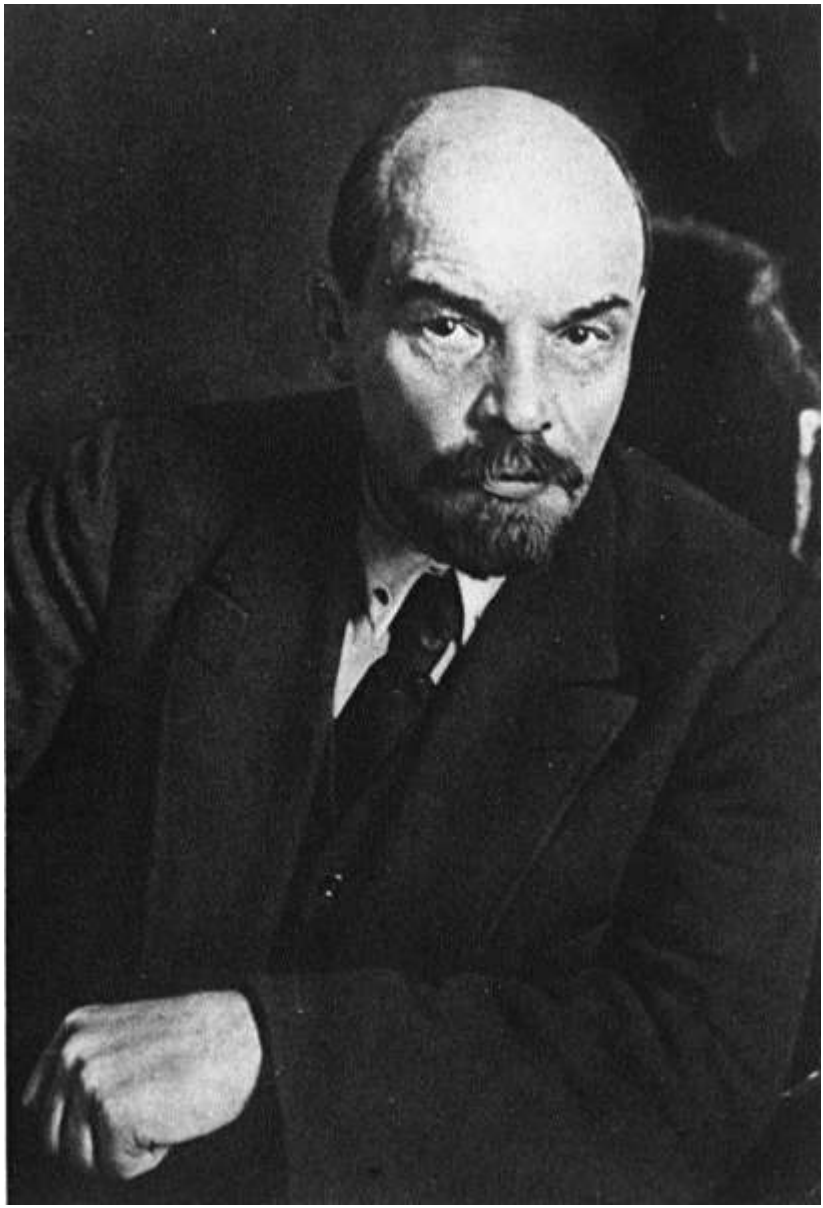
Обстановка в стране была очень сложной. 23 января между Англией и Францией было заключено соглашение об интервенции в Советской России. На следующий же день Англия снарядила экспедицию, которая должна была через Багдад и Энзели захватить Баку – крупнейший в то время нефтеносный район. 9 января 1918 года Франция признала Центральную раду Украины и предоставила ей финансовый заем.

Политика большевиков в первые месяцы после захвата власти имела катастрофические последствия. Бывшая Российская империя, значительно урезанная в результате неудачных операций Первой мировой войны, начала распадаться на части,

именуемые автономиями. 4 января 1918 года Ленин признал независимость Финляндии. На следующий день был подписан секретный договор, который предусматривал введение Финляндии в сферу экономического и политического влияния Германии. С финской территории должны были выйти русские войска, а вместо них туда вводился сформированный в Германии финский батальон. Сразу же четко обозначила свою автономию и оккупированная германскими и австро-венгерскими войсками Польша.

Германия требовала от правительства Ленина выполнения взятых на себя обязательств. Но Россия в лице Льва Троцкого и его сторонников сопротивлялась требованиям немцев. Переговоры в Брест-Литовске постепенно заходили в тупик. Но в конце января 1918 года, получив сведения о революционных событиях в Германии и расценив их как начало «всемирной» революции, Н. В. Крыленко без ведома Совета народных комиссаров направил на все фронты приказ о прекращении военных действий и демобилизации армии. Узнав об этом, В. И. Ленин постарался выправить положение, аннулировав приказ Верховного главнокомандующего. Но было поздно: начался массовый уход солдат с позиций, а в ряде случаев и целых армейских частей с фронта.

Это позволило германскому командованию 18 февраля возобновить наступательные действия. Остановить это наступление было поручено отрядам Красной гвардии во главе с бывшим матросом П. Е. Дыбенко. Но эти отряды, составленные из рабочих, запасных солдат и балтийских моряков, противостоять регулярным войскам германской армии не могли. Начинался их беспорядочный отход, мало чем отличавшийся от бегства. За сдачу Нарвы Дыбенко был отдан под суд, и он был исключен из партии. Позже, как в насмешку над отечественной военной историей, именно 23 февраля 1918 года – день сдачи Нарвы – был объявлен Днем Советской Армии. А 27 февраля революционными войсками под предводительством бывшего прапорщика Н. В. Крыленко была разгромлена Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве и зверски убит генерал Н. Н. Духонин. В этот же день немецкие самолеты впервые бомбили Петроград.



Владимир Ильич Ленин.

Перепуганный В. И. Ленин требовал заключения мира с немцами любой ценой. В ночь на 24 февраля он добился, чтобы большинство членов Центрального исполнительного комитета (116 против 85) проголосовали за подписание Брестского мира.

К тому времени наступление немцев продолжалось. Их войска вошли в Киев и продвигались дальше на восток. Отдельные их части 2 марта находились на расстоянии около ста километров от Петрограда, и Ленин даже распорядился взрывать

мосты на подступах к столице.

Брестский мир был подписан 3 марта. К тому времени Россия потеряла Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, западные районы Белоруссии, Украины и Бессарабию. До войны на этих территориях проживало около 62 млн человек (треть всего населения Российской империи). Там располагалась треть пахотных земель, 80 % сахарной свеклы. Потери составили 9 тысяч заводов, 73 % запасов железной руды. По договору Советская Россия должна была уничтожить свой Черноморский флот, а на Балтике в ее распоряжении оставляли единственный порт – Кронштадт. Кроме того, большевики согласились возвратить своим недавним противниками 630 тысяч пленных. При этом немцами и австрийцами в качестве военных трофеев было захвачено 2600 пушек, 5000 пулеметов, 2 млн артиллерийских снарядов, 800 локомотивов, 8000 железнодорожных вагонов и множество другого военного имущества.

Антигосударственная деятельность большевистского правительства стимулировала возникновение в России белого движения. Первым его центром стала область Войска Донского. Бежавшие туда генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов и другие, договорившись с атаманом А. М. Калединым, объявили большевикам войну. В конце декабря 1917 года на Дон начали наступление советские войска. Атаман М. В. Каледин застрелился, а красные отряды Ю. В. Саблина заняли Новочеркасск. Добровольческая армия вынуждена была отступить на Кубань, но в средине марта советские отряды под командой А. И. Автономова заняли Екатеринодар. 31 марта 1918 года при штурме Екатеринодара погиб Л. Г. Корнилов. Командование объединением принял генерал-лейтенант А. И. Деникин.

Пламя Гражданской войны разгоралось и за Волгой. В конце марта 1918 года уральские казаки выступили против большевиков и захватили часть Николаевского и Новоузенского уездов. Войсковое правительство во главе с наказным атаманом Бородиным призвало их к походу на Саратов, а затем на Москву. К ним примкнули оренбургские казаки во главе с атаманом Дутовым. В марте в одном из крупнейших уездных городов Саратовской губернии Кузнецке вспыхнуло восстание солдат-фронтовиков. В начале апреля началось крестьянское восстание в Вольске. Во второй половине мая 1918 года в ряде крупных центров Поволжья прокатилась волна мятежей, организованных анархистами, эсерами, меньшевиками и максималистами. 12 мая в Царицыне вспыхнул мятеж анархистов. 16 мая начался меньшевистско-эсеровский мятеж в Саратове. 17 мая мятеж

против Советов начался в Самаре.

Оккупация России германскими войсками продолжалась. В апреле их части вошли в Крым и 21-го заняли Симферополь и создали татарское краевое правительство Крыма во главе с бывшим царским генералом, командиром Первого мусульманского корпуса Сулейманом Сулькевичем. Это правительство начало тесное сотрудничество с Германией, отголоски которого проявились во время оккупации фашистами полуострова в годы Великой Отечественной войны. Таким образом, к концу весны 1918 года Германия не только установила оккупационный контроль над огромной частью территории бывшей Российской империи, но и имела большое влияние среди различных контрреволюционных организаций, действовавших внутри Советской России. Этими обстоятельствами решили воспользоваться некоторые политические силы.

В середине марта советское правительство из Петрограда переехало в Москву, и через несколько дней там открывается IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, который ратифицирует мирный договор, подписанный в Брест-Литовске. В знак протеста против этого акта, откровенно предававшего интересы России, левые эсеры выходят из состава советского правительства. 6 июля 1918 года в Москве левые эсеры совершили покушение на германского посла графа Мирбаха, что поставило под угрозу условия Брестского мира. В Поволжье начался мятеж эсера Муравьева.

Убийство Мирбаха в Москве и мятеж Муравьева в Самаре не на шутку испугали большевиков. В ночь на 17 июля 1918 года бывший российский император Николай II, члены его семьи и слуги были расстреляны. В то же время Л. Д. Троцкий, назначенный наркомом по военным и морским делам вместо Н. В. Крыленко, открыто заявил о необходимости привлечения бывших военспецов для формирования новой Красной Армии.

Брусилов узнавал обо всем этом частично из редких газет, частично по слухам, которыми в то время буквально полнилась Москва. Он никак не влиял, да и не мог влиять на все эти события. Правда, в его мемуарах, отредактированных Желиховской, говорится о том, что Алексей Алексеевич, находясь в больнице, собирал пожертвования и отправлял их на Дон, куда в то время собирались офицеры для борьбы с Советской властью. Но при том даются чисто женские описания того, как генерал через случайных людей передавал эти деньги на Дон и как Надежда Владимировна затем сожгла их расписки. Поэтому данные описания лично у меня доверия не вызывают. Я думаю, что Брусилов, оторванный болезнью от действительности, в то

время только занимался своим лечением и терпеливо ждал более благоприятного развития событий в будущем.

Выступление Льва Давидовича Троцкого перед войсками.

Раны заживали медленно. Только на четвертом месяце Брусилов начал сидеть, затем на кресле на колесиках он начал выезжать из палаты в коридор. Только в мае он начал ходить с палкой. Ежедневно раненого посещали жена и брат Ростислав. Посещения сына были крайне редкими. Кроме того, к нему приходили невестка, сестра жены Елена и другие знакомые. Правда, между сыном, его женой и ее бабушкой Варварой Сергеевной Остроумовой в это время начались серьезные разногласия, и вскоре Алексей Брусилов (младший) уехал из их дома и поселился на квартире отца.

Кроме родных, во время болезни Брусилова посещали представители различных политических сил, которые предлагали ему эмигрировать с семьей в Польшу или в Италию, а также другую помощь. Безусловно, эти предложения были не бескорыстными. В стране разгоралось пламя Гражданской войны, и политики различных мастей сильно нуждались в присутствии рядом с ними значимых военных авторитетов на случай перехода к силовым действиям. Брусилов, безусловно, был одним из таких авторитетов.

В июле 1918 года Брусилов покинул клинику и вернулся в свою квартиру. Некоторое время он жил там вместе с женой, ее сестрой и братом на небольшие сбережения и драгоценности

Надежды Владимировны. Об этих месяцах Брусилов вспоминал: «Одно время, под влиянием больших семейных переживаний и уговоров друзей, я склонялся к отъезду на Украину и затем за границу, но эти колебания были непродолжительны. Я быстро вернулся к моим глубоко засевшим в душе убеждениям… Это тяжко, конечно, но иначе поступить я не мог, хотя бы это стоило жизни. Скитаться же за границей в роли эмигранта не считал и не считаю для себя возможным и достойным».

А. А. Брусилов, Н. В. Желиховская и Р. Н. Яхонтов в Ставке, 1917 г.

Гражданская война в России набирала все большие обороты. 18 июля началось восстание казаков на Тереке, 22 июля чехи взяли Симбирск, и части Добровольческой армии вошли в Ставрополь. 25 июля под ударами белых войск пал Екатеринбург. В начале августа красные отряды в Забайкалье оставили Верхнеудинск и Читу. 7 августа белые части занимают Казань, захватив там значительную часть золотого запаса России. Против большевиков вспыхивает восстание рабочих на Северном Урале, части Добровольческой армии начинают осаду Царицына

Большевикам всюду мерещились заговоры. И вскоре ВЧК перехватила письмо Локкарта, в котором тот, в частности, сообщал о планах сделать Брусилова белым вождем. 12 августа Алексей Алексеевич был арестован.

Звонок раздался в полночь, и Ростислав Яхонтов пошел открывать дверь. В квартиру вошло несколько человек, предъявивших ордер на арест Брусилова и обыск его квартиры. Алексея Алексеевича тут же увели, прихватив вместе с ним за компанию, как бывшего военного, и Яхонтова. Обыск квартиры

продолжался 6 часов. Были изъяты все бумаги и конфискована шашка генерала, украшенная бриллиантами. Другое его имущество: генерал-адъютантские погоны, аксельбанты и даже кавалерийские седла – было сложено в большой деревянный ящик и опечатано.

После ареста Брусилова и Яхонтова доставили на Лубянку. Допросив, их отвезли в Кремль, где была устроена гауптвахта. Там к тому времени уже под арестом была собрана довольно пестрая компания, в которую, в частности, входила и эсерка Мария Спиридонова. Вскоре в нее был включен и английский дипломат Р. Локкарт.

Брусилов и Яхонтов, насколько это было возможно, старались держаться в стороне от прочих арестованных. Алексей Алексеевич хорошо понимал, что в столь неспокойное время крайне важно выдержать определенную паузу в своих симпатиях и антипатиях, тем более находясь в застенках. В своих записках он как мог утешал жену. «Сидим на гауптвахте в Кремле, – писал он в одной из них. – Пожалуйста, будь спокойна и не огорчайся. Ты хорошо знаешь, что ни я, ни Ростя ни в чем перед правительством не провинились, а потому спокойно ждем решения».

Вначале к Брусилову не допускали даже врача, несмотря на то что рана вновь открылась. Но Надежда Владимировна энергично хлопотала за мужа, и в конце концов она получила разрешение ежедневно приходить к нему с пропуском, подписанным Дзержинским, и приносить передачи.

Вскоре Яхонтова освободили. После этого Брусилову удалось передать письмо Ф. Э. Дзержинскому, в котором он писал, что не принадлежит ни к какой партии, ничего не замышлял против советской власти, и просил объяснить причину его ареста. Дзержинский посетил арестованного и дал понять, что его напрямую ни в чем не обвиняют, но вынуждены продержать некоторое время под стражей в связи с происходящими в Москве событиями.

Арест Брусилова и Яхонтова был лишь одним из штрихов начинавшегося «красного террора». Практически в это же время в подмосковной деревне были арестованы брат генерала Борис Брусилов, его родственники и находившийся там Алексей Брусилов (младший).

Феликс Эдмундович Дзержинский.

Вскоре Надежда Владимировна обратилась к Ф. Дзержинскому и В. Д. Бонч-Бруевичу с большими письмами, в которых просила об освобождении мужа. И вскоре после этого он был освобожден, хотя и взят под наблюдение чекистов.

Находясь под домашним арестом, Брусилов продолжал лечение. Так продолжалось в течение двух месяцев. Эти месяцы для семьи Брусиловых были временем больших лишений. Тогда в их квартиру подселили «…какого-то комиссара с нелегальной супругой и его матерью… Грубый, наглый, пьяный человек, с

физиономией в рубцах и шрамах. Он говорил, что был присужден к смертной казни за пропаганду среди солдат Юго-Западного фронта в 1915 году, а я отменил смертную казнь и заменил ее каторгой. Теперь он, конечно, большая персона, вхож к Ленину и т. п. Вот уж можно сказать, что отменил ему смертную казнь себе на голову. Пьянство, кутежи, воровство, драки, руготня, чего только не поднялось у нас в квартире, до сих пор чистой и приличной. Он уезжал на несколько дней и возвращался с мешками провизии, вин, фруктов. Мы буквально голодали, а у них белая мука, масло, все, что угодно, бывало.

Моя жена превратилась в щепку, ее сестра и брат тоже. Любимые собаки сдыхали одна за другой. Меня еле-еле подкармливали обманно, уверяя, что и сами едят…».

Брат жены Ростислав Яхонтов после выхода из тюрьмы также сильно болел и страдал от голода. На почве простуды и истощения у него открылось кровотечение из носа. С большим трудом его удалось остановить, но больной буквально угасал на глазах. Родные даже пригласили священника, который его соборовал и причастил. Но буквально на следующий день Яхонтову стало легче, и он пошел на поправку.

В это время Брусилов начал хлопотать о возвращении ему вещей, изъятых и опечатанных во время ареста. Ему удалось добиться, что печать с ящика была снята, и он получил обратно свои погоны, с которых кто-то успел содрать императорские вензеля, а также аксельбанты, почерневшие от времени. Седла были поедены молью. Но украшенную золотом и бриллиантами шашку ему так и не вернули, а именно она и представляла наибольшую ценность и «могла бы прокормить многих в то время голода».

В это время бывшие генералы В. Н. Клембовский и Н. А. Бибиков, которые к тому времени уже состояли на службе в Красной Армии, активно агитировали Брусилова последовать их примеру. Но Брусилов 17 апреля 1919 года ответил, что готов к этому, но только после того, как пройдет курс лечения на лиманах в районе Одессы, где в то время уже была установлена советская власть. Брусилов, которого еще в Императорской армии прозвали «Лиса», был очень осторожен. И не зря. Так, Н. А. Бибиков, который занимал должность председателя Военно-законодательного совета при Военсовете Советской республики, вскоре был разоблачен за связь с колчаковской разведкой, осужден и расстрелян.

В середине декабря Брусилов был освобожден из-под домашнего ареста, но при этом с него была взята подписка о невыезде из Москвы. Его семья, увеличившаяся за счет

родственников жены, приехавших в Москву после изгнания их из имений, с трудом боролась с холодом и голодом. Помогали простые люди, в том числе и крестьяне – бывшие солдаты 8-й армии, которой командовал Брусилов. Иногда они из деревень привозили хлеб, картошку, молоко. Наконец, сестре жены Брусилова, Елене Владимировне, удалось устроиться на работу в военный архив, и она начала получать паек.

В той части воспоминаний Брусилова, которую он написал якобы после и с помощью своей жены, имеются рассуждения о том, как жило московское общество в 1919 году, когда на фронтах Гражданской войны советская власть вела отчаянную борьбу с войсками А. И. Деникина, А. В. Колчака, Н. Н. Юденича. Брусилов пишет: «Я должен с грустью и иронией отметить ничтожество и трусость многих и многих интеллигентов в Москве. Болтовни, анекдотов, острот, всевозможных курьезов не было конца. Я лично наблюдал на себе и на своей семье, как отражались успехи белых наступлений на настроении москвичей. То прилив их целыми отрядами на мою квартиру, с милыми улыбками и любезностями, то вдруг отлив, даже на улице бегут в сторону, будто боясь себя скомпрометировать перед красной Москвой знакомством со мной»[53].

Алексей Брусилов (младший), выпущенный из тюрьмы, в это время также жил вместе с отцом и мачехой. Он даже на какое-то время устроился работать бухгалтером в одну из организаций. Брусилов (старший) советовал ему переходить на работу на конный завод. Но молодой человек после разрыва с женой сильно переживал и явно томился в Москве.

Вскоре он поступил на службу по снабжению кавалерийских частей Красной Армии конной сбруей и начал часто уезжать в различные командировки. Но вскоре ему начали предлагать сформировать кавалерийский полк и возглавить эту часть. Брусилов (младший) долго отказывался, но бывший генерал А. М. Зайончковский все же сумел его уговорить. А 20 декабря 1919 года газета «Боевая правда» сообщила, что в Киеве по приговору военно-полевого суда белыми расстрелян бывший корнет Брусилов, сын известного царского генерала, который командовал у красных кавалерийским полком и попал в плен к белым под Орлом.

Андрей Медардович Зайончковский.

Алексей Алексеевич тяжело переживал гибель сына. В связи с этим в своих воспоминаниях он оставил достаточно пространную запись, и я решил довести ее до вас в несколько в сокращенном виде и со своими комментариями.

Алексей Брусилов (младший) после окончания Пажеского корпуса пережил неудачный роман. Во время Первой мировой войны воевал на другом фронте, но Брусилов (старший) внимательно следил за его успехами. Он радовался и очередному

чину сына, и его первому ордену. А осенью 1916 года, во время затишья на фронте, Алексей Брусилов (младший) был отпущен в отпуск, во время которого побывал в Москве и гостил в подмосковном имении своего дяди Бориса Алексеевича Брусилова. Во время этого отпуска и состоялась встреча Алексея Брусилова (младшего) с его избранницей – шестнадцатилетней Варварой Ивановной Котляревской.

В начале 1917 года командующий Юго-Западным фронтом Брусилов (старший) получил известие о намерении сына жениться. Генерал «был крайне смущен такой неожиданностью». Он видел Варвару Котляревскую перед войной. Тогда она вместе со своей бабушкой также отдыхала на курорте в Киссингене и даже были соседями четы Брусиловых за обеденным столом в гостинице. Во время войны Алексей Брусилов (младший) начал часто получать от Варвары Котляревской и ее бабушки письма и посылки. При этом Надежда Владимировна Желиховская, посещая мужа на фронте, говорила, что «внучка вбила себе в голову выйти замуж» за сына генерала, объясняя это тем, что это якобы воля его матери, явившейся ей во время спиритических сеансов. Брусилов (старший) считал это блажью, но сама Надежда Владимировна была несколько иного мнения. Она говорила: «Девочка сама этого хочет, она хорошей семьи, православная, хорошая патриотка и прекрасно образована, средства большие, кажется искренней и доброй».

Венчание состоялось, и, вероятнее всего, сам Брусилов (старший) на нем не присутствовал. Затем последовали отставка и октябрьский переворот. Произошла резкая перемена ценностей. Алексей Брусилов (младший), который был вынужден некоторое время без дела жить в семье своей жены, по выражению Брусилова (старшего), сразу же превратился в «офицеришку-нахлебника». Молодая жена полностью поддерживала это обвинение. Все кончилось тем, что, рассорившись с женой и ее родными, Алексей Брусилов (младший) в один прекрасный день ушел из дому, и о нем больше не было ничего слышно до тех пор, пока не появилось известие в газете «Боевая правда» от 20 декабря 1919 года. В то же время после ранения Брусилова (старшего) и во время содержания его под арестом в Кремле во время «красного террора» Варвара много помогала ему, постоянно навещая и принося необходимые продукты, одежду и т. д.

Брусилов тяжело переживал известие о гибели сына, с которым ему так и не удалось достичь взаимопонимания. Он винил в этом также и свою жену, которая не помешала браку Алексея и Варвары. Тем не менее уже после гибели сына и смерти

бабушки Варвары «мы по долгу совести звали ее жить с нами, желая такой молоденькой женщине оказать заботу, думая, что под нашим кровом ей будет безопаснее жить. Но она не приняла нашей руки и стала устраивать у себя политические салоны то с правым, то с левым направлением. Ее гостями были то епископы, монахи и монахини, то матросы и деятели крайнего большевизма».

Такое метание было не по душе Брусиловым, и они постепенно стали меньше интересоваться судьбой Варвары. Спустя некоторое время стало известно, что она сошлась с каким-то большевиком, который вскоре умер. Затем в газетах было опубликовано известие, что Варвара Брусилова арестована по какому-то церковному делу, ее судили и даже приговорили к смертной казни.

С целью спасения Варвары от расстрела Надежда Владимировна смогла достать документы, подтверждающие психическую невменяемость молодой женщины. Благодаря этому ее амнистировали и выпустили на свободу. Спустя некоторое время Варвара снова собралась выходить замуж. Брусиловы не пытались помешать ей в этом.

В это время информация о Варваре Брусиловой как о некой российской Жанне Д`Арк, начала появляться в иностранных газетах. Внимание к себе она прежде всего привлекала своей звучной фамилией.

На службе Страны Советов

К началу 1920 года, когда поддержка Западом белогвардейских сил практически прекратилась, а их основные армии понесли поражение, Советская республика получила важнейшие сырьевые, топливные, продовольственные и промышленные центры страны: горнозаводский Урал, хлебную Сибирь, Украину, богатую зерном, железом и углем, Дон, Кубань, Северный Кавказ, значительную часть Туркестана.

Силы белых стремительно таяли. После того как красные овладели Ростовом-на-Дону, группировка войск Деникина была расчленена на две части. Первая оборонялась на юге Украины, вторая в составе Донской и Кубанской армий вела бои на Северном Кавказе. Но название «армия» всех этих объединений малочисленных, порядком потрепанных, плохо вооруженных и экипированных воинских отрядов было очень условное. Даже в наиболее дисциплинированных казачьих полках после массового дезертирства донцов оставалось по 60-100 шашек. Основное ядро Добровольческой армии опять отошло на территорию Дона, а по численности сократилось до уровня весны 1918 года. В декабре 1919 года под Ростовом было всего две-три тысячи «добровольцев», и, даже проведя тотальную мобилизацию и поставив всех в строй, белые с трудом набрали 8400 бойцов и 158 орудий.

14 февраля красные перешли в наступление, белые, не выдержав удара превосходящих сил противника, были вынуждены отступить в степь, где их ждали мороз, леденящий ветер и гибель в глубоком снегу. После отступления белых специальная комиссия насчитала до пяти тысяч убитых и замерзших казаков, а также более двух тысяч павших лошадей. 22 марта генерал А. И. Деникин, сложив с себя полномочия командующего Добровольческой армией, передал бразды правления всеми войсками, находившимися на юге России, генералу П. Н. Врангелю. Вскоре эти войска начали наступление.

С запада на Советскую Россию наступали польские войска. Война с Польшей началась после того, как 22 апреля 1920 года С. Петлюра заключил с Пилсудским договор, по которому Польша признавала независимость Украины при условии воссоздания Великой Польши, включающей Волынь, Галицию, Полдяхи, Полесье, Холмскую область. После этого для войны против Советской России западные державы представили Польше огромные займы, в основном в виде материальных средств. Так, Франция предоставила почти 1500 орудий, 350 самолетов, 2800

пулеметов, 324 тысячи винтовок, 42 тысячи револьверов, 800 грузовых автомобилей, 10 млн снарядов, миллиард патронов. К снаряжению польской армии подключились и США, которые помимо вооружения и снаряжения направили в Польшу 260 тысяч тонн продовольствия.

Наступление поляков началось 25 апреля 1920 года. Красное командование не смогло организовать упорное сопротивление, и войска Красной Армии начали отход на рубеж реки Днепр. Оно было столь стремительным, что уже 7 мая красные оставили Киев.

Для противодействия Врангелю и полякам началась дополнительная мобилизация в Красную Армию, в спешном порядке доукомплектовывались старые и развертывались новые воинские части. Именно в тот период на улицах городов появился известный плакат, с которого красноармеец грозно запрашивал: «Ты записался добровольцем?» На этот призыв «откликнулось» более 500 тысяч человек. Военное положение было введено на железнодорожном, водном транспорте. Под особый контроль была взята работа всех заводов, выпускающих оружие и боеприпасы, на выпуск военной продукции дополнительно был переориентирован еще ряд заводов. 30 апреля было принято специальное постановление, согласно которому все народные комиссариаты еженедельно должны были отчитываться перед Советом труда и обороны о том, что конкретно они сделали для фронтов, развернутых против поляков. Центральный Комитет партии большевиков 23 мая разработал программу, по которой «…буржуазия Польши будет разгромлена. Польский пролетариат превратит свою страну в социалистическую республику».

В это время группа бывших генералов, в которую входили Н. И. Раттель и В. Н. Клембовский, начала убеждать Брусилова написать письмо Л. Д. Троцкому с предложением собрать особое совещание по случаю войны с Польшей. Это письмо, с соответствующими комментариями, удобными для советской власти, было опубликовано в нескольких газетах в начале мая 1920 года. Одновременно был издан приказ, подписанный Л. Д. Троцким, о формировании при Главнокомандующем всеми Вооруженными Силами Республики С. С. Каменеве «высокоавторитетного по своему составу особого совещания, в состав которого должны войти как военные, так и политические деятели». В состав совещания вошли бывшие генералы А. А. Поливанов, В. Н. Клембовский, Д. П. Парский, П. С. Балуев, А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский, А. А. Цуриков, А. И. Верховский. Председательствование в особом совещании было возложено на А. А. Брусилова.

Заседания членов Особого совещания проходили по понедельникам. Эффективность этих заседаний была крайне низкой. Брусилов пишет: «Мы, в сущности, толкли воду в ступе и делали вид, что усердно работаем. В действительности же мы переливали из пустого в порожнее. Никаких плодотворных результатов эти заседания не дали… В общем, эта инсценировка со стороны правительства была шита белыми нитками».

Уже на правах председателя этого совещания Брусилов начал хлопотать о судьбе арестованных генералов В. Н. Клембовского и П. А. Лечицкого. Но его старания не увенчались успехом, и оба они умерли в тюрьме. В отношении их вины Брусилов писал: «Что касается Лечицкого, то я допускаю мысль, что по своей честной, но узкой несговорчивости, прямолинейности действий в вопросах политики он и не хотел сдаваться, даже в разговорах. Но Клембовский думал и действовал иначе. Это был человек с очень широким горизонтом. Его поймать в неискренности относительно Советской власти было труднее. И тем не менее они оба одинаково погибли»[54].

Правда, уже позже стало известно, что П. А. Лечицкий в первый раз был арестован в Петрограде 3 декабря 1919 года по обвинению в спекуляции продуктами, но на следующий день он был освобожден. Повторно его арестовали 8 марта 1920 года по обвинению в организации контрреволюционного заговора. Он умер в тюрьме в Москве 2 февраля 1921 года. Причины ареста В. Н. Клембовского так и остались неизвестными. Сведений о его контрреволюционной деятельности не имеется. Но известно, что, оказавшись в тюрьме, он в знак протеста объявил голодовку и умер 9 сентября 1921 года от истощения[55].

Главнокомандующий вооруженными силами Республики С. С. Каменев.

Члены Особого совещания при Главнокомандующем всеми Вооруженными силами Республики обратились с воззванием к бывшим офицерам, «где бы они ни находились», с призывом встать в ряды Красной Армии для отпора полякам. «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной

просьбой забыть все обиды, кто бы и где их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию», – писалось в нем. Первой под этим воззванием стояла подпись А. А. Брусилова. На этот призыв откликнулись тысячи бывших офицеров, и к началу 1921 года в составе РККА их насчитывалось уже более 12 тысяч.[56]

Несмотря на нехватку военных специалистов, аресты бывших офицеров и генералов продолжались. 22 августа 1922 года был арестован А. Е. Гутор, а 19 октября – А. М. Зайончковский. Правда, впоследствии, после ходатайства Брусилова перед Л. Д. Троцким, Гутор и Зайончковский были освобождены. Оба преподавали в Академии Генерального штаба РККА (впоследствии – Военная академия имени М. В. Фрунзе). Первый ушел в отставку в 1931 году, второй умер в марте 1926 года. Также Алексею Алексеевичу удалось добиться освобождения из заключения еще многих офицеров, которые оказались в тюрьме по разным причинам.

Осенью 1920 года, после окончания войны между Советской Россией и Польшей, Особое совещание было расформировано. Несмотря на это, Брусилов еще некоторое время продолжал заниматься вопросами, связанными с пересмотром обвинений бывшим офицерам, заключенным советской властью в тюрьмы по обвинению в сопротивлении революции.

В середине сентября 1920 года Брусилову было предложено подписать воззвание к врангелевским офицерам, на котором уже стояли подписи В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, М. И. Калинина и С. С. Каменева. Брусилов подписал его.

Позже он объяснял, что его нагло обманули. Когда он приехал к заместителю председателя Революционного Военного совета Ефиму Склянскому, тот сказал ему, что располагает достоверными сведениями о том, что «многие войска (Врангеля. – *Авт.*) не хотят сражаться с красными и тем более бежать за границу, что их заставляют силой драться и покидать родную землю, что состав офицеров определенно настроен против распоряжений высшего начальства. Он задал мне вопрос, соглашусь ли я принять командование врангелевской армией, если она останется в России без высшего начальства». На это Брусилов ответил, что стар и болен для того, чтобы принимать командование армией, но готов прийти на помощь русским офицерам, солдатам и казакам с тем, чтобы «быть их руководителем и согласовывать их действия с планами Советской республики»[57].

В связи с этим воззванием в эмигрантских кругах появилась версия о предательстве Брусилова в отношении к своим бывшим

товарищам по оружию. И на первый взгляд она была вполне обоснованна. Поверив известному генералу, тысячи офицеров и других военнослужащих армии П. Н. Врангеля после ее разгрома отказались эмигрировать за границу и отдались в руки большевиков.

Но в мемуарах Брусилова этот его поступок объясняется совсем по-другому. Он считал, что таким образом сможет собрать вокруг себя лучшие офицерские кадры для того, чтобы «под шумок парировать развращение русских наивных запуганных парней», оказавшихся в армии во власти «еврейских красноречивых наглых субъектов». И «пусть для этого нужно было надеть красную звезду, наружно, но, чтобы ее сбросить и заменить крестом, нужно было быть с нами, на Родине».

Таким образом, уже спустя некоторое время в своих мемуарах, отредактированных Желиховской, Брусилов якобы пишет о том, что своим воззванием хотел вернуть на Родину офицеров для того, чтобы в дальнейшем иметь в их лице силу для борьбы с большевиками. «Я думал – армия Врангеля в моих руках. Плюс все те, кто предан мне внутри страны и в рядах Красной армии. Конечно, я не поеду на юг с пентаграммой, а вернусь с крестом и свалю захватчиков или безумцев в лучшем случае»[58].

Возможно, это и так. Но на деле его воззвание принесло совершенно другие плоды. «Когда началось поголовное бегство…, чтобы не попасть в руки озверелых коммунистов, там распространялось воззвание, подписанное моим именем, которое… расклеивали на всех стенах и заборах. И многие офицеры верили им и попадали в руки не мои, а свирепствовавшего Белокуна (еврей Коган), массами их расстреливавшего»[59].

По имеющимся данным, в Крыму в 1920–1921 гг. было расстреляно около 12 тысяч белых офицеров. Руководили расстрелами венгерский интернационалист Бела Кун, который, вернувшись в Советскую Россию из Венгрии летом 1920 года, был назначен членом Реввоенсовета Южного фронта, которым командовал М. В. Фрунзе, а также Розалия Самойловна Залкина (Землячка), назначенная секретарем Крымского обкома РКП (б).

Михаил Васильевич Фрунзе.

Безусловно, Брусилов глубоко переживал эту трагедию. Он неоднократно задавал себе вопрос: «Могу ли я обвинять себя в этом ужасе?» И, отвечая на этот вопрос, писал: «Я до сих пор не знаю, было ли это именно так, как рассказывали мне, и в какой мере это была правда. Знаю только, что в первый раз в жизни столкнулся с такой изуверской подлостью и хитростью и попал в невыносимо тяжелое положение, такое тяжелое, что, право, всем тем, кто был попросту расстрелян, несравненно было легче.

Если бы я не был глубоко верующим человеком, я бы покончил самоубийством. Но вера моя в том, что человек обязан предвидеть все последствия своих вольных и невольных грехов, не допустила меня до этого»[60].

После расформирования Особого совещания А. А. Брусилов не остался без дела. Он был назначен председателем комиссии по выработке мер с целью поддержания культурного производства лошадей для кавалерии и артиллерии при Главном штабе Реввоенсовета Республики. Он с головой уходит в работу. Возглавляемая им комиссия предлагает создать специальный орган по делам коневодства, и эти предложения были приняты советским правительством. Брусилов назначается главным инспектором Центрального управления коннозаводства и животноводства при Народном комиссариате земледелия.

Летом 1921 года по пути из Китая в Прагу в Москву приехал американец Ч. Крен, являвшийся сотрудником американской разведки, который прикрывался удостоверением сотрудника благотворительной миссии, занимавшейся гуманитарной помощью народам Европы, пострадавшим от войны. На правах давнего знакомого жены Брусилова он часто бывал в их доме и беседовал с генералом. Брусилов был очень доволен этими встречами, так как затем начал регулярно получать от Крена продуктовые посылки. Не исключено, что у американского шпиона и его хозяев на отставного генерала были и другие взгляды.

Кроме постоянной работы в комиссии, Брусилова несколько раз приглашали для чтения лекций в Военной академии Генерального штаба РККА, которая в то время располагалась неподалеку от его дома на Пречистенке. Он рассказывал слушателям об организации наступления Юго-Западного фронта летом 1916 года, но революционная молодежь, воспитанная уже совсем в другом духе, старого генерала слушала невнимательно. «Мне переставало хотеться иметь общение с молодежью, охоты не было читать какие бы то ни было лекции», – пишет Брусилов. Но от него не отставали. Больной генерал вынужден был ездить читать лекции в Петроград, в 1-й кавалерийской школе читал лекции по теории езды и выездки лошадей, то есть о том, чем занимался в Офицерской кавалерийской школе, будучи молодым офицером.

Нагрудный знак командира Красной армии.

Заниматься чтением лекций Брусилова вынуждала острая нужда. «Это, в сущности, был необходимый заработок для семьи, – пишет он. – Была такая дороговизна, что не хватало никаких денег. Гонорар за лекции был пустячный, но лишний паек и дрова были важны».

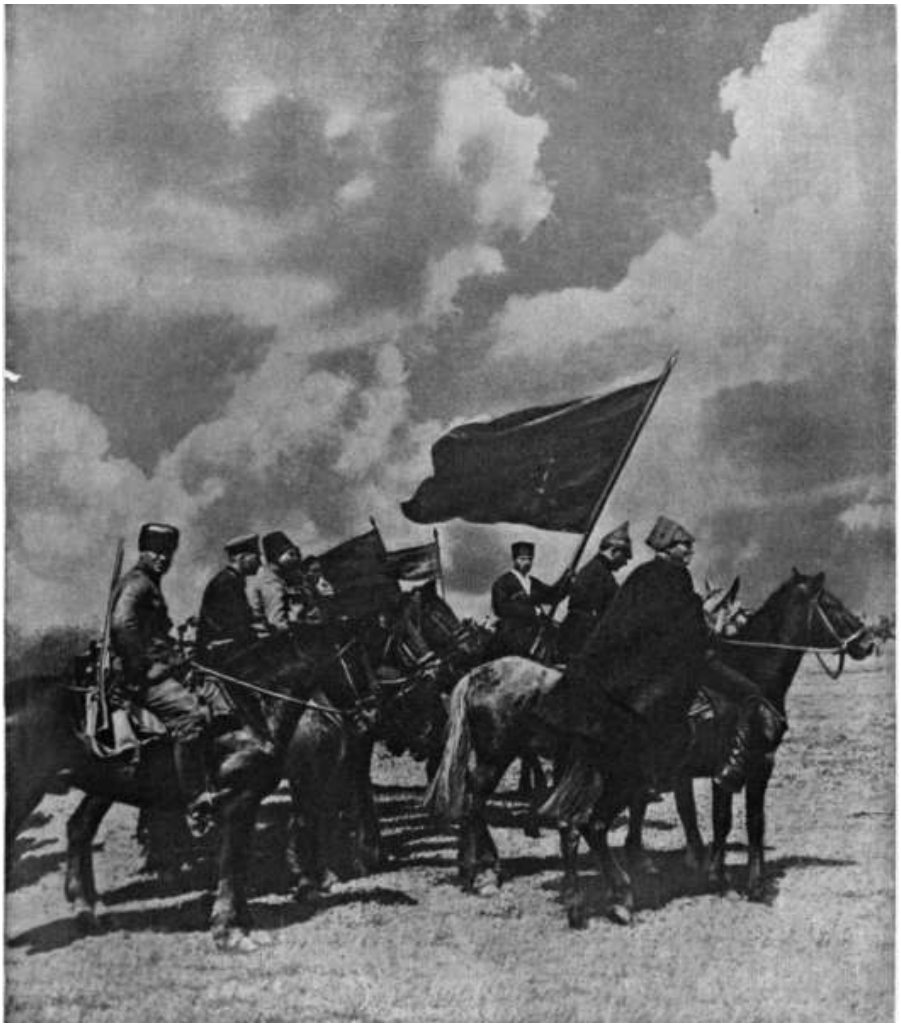
В июле инспекция была переименована в военную, а Брусилов был назначен главным инспектором конезаводства и коневодства, которое возглавлял Н. И. Муралов. У Брусилова было 27 помощников, которых он рассылал по всей России с целью спасти остатки чистокровных лошадей, сохранившихся после Гражданской войны на конных заводах. Тогда же Алексею Алексеевичу, с целью поддержания конской породы, удалось добиться организации бегов и скачек. При этом приходилось преодолевать непонимание ряда большевистских руководителей.

Так, один из них на заседании комиссии начал всех убеждать, что для кавалерии годятся и обычные крестьянские лошади. «Мы извели людскую аристократию, зачем же нам разводить лошадиную?» – горячился он. Тогда Брусилову пришлось долго доказывать, что кавалерийская лошадь сильно отличается от рабочей и что готовить и воспитывать ее нужно по особой программе.

1922 год стал годом победы большевизма в СССР. Последний оплот белогвардейщины на Дальнем Востоке пал. Гражданская война завершилась победой большевиков. Хотя какая может быть речь о победе в Гражданской войне? Миллионы жертв, беженцев, разоренное хозяйство, сломанная идеология. Брат шел на брата, сын на отца… Большего бедствия, чем гражданская война, нельзя пожелать ни одному народу.

Большевистское правительство взяло курс на создание СССР. Народы разных республик должны были «самостоятельно» попроситься в братскую семью. Пример должна была показать Украина, народ которой в то время очень страдал от голода. Засуха 1921 года лишила республику урожая, начался голод. По официальным данным, на Украине в 1921 и 1922 годах от голода умерло более 200 тысяч человек.

Голод, который господствовал в стране «победившего социализма», заставил советское правительство искать новые формы хозяйствования. В 1921 году оно было вынуждено отказаться от продразверстки и ввело так называемую новую экономическую политику (НЭП). Был введен значительно меньший по объему продналог. Крестьянин мог продавать остаток продукции по своему усмотрению. Началась денежная реформа. В оборот были введены деньги, обеспеченные золотом, в том числе изготовленные из благородного металла. Это резко уменьшило денежную массу, дало толчок развитию товарных отношений, торговле. Наблюдался подъем и в сельском хозяйстве. В 1921 году Харьковский тракторный завод выпустил первый трактор, а их серийное производство было предусмотрено начиная с 1924 года. В стране, делавшей упор на собственные силы, было широко развернуто строительство других промышленных предприятий.



Конница Красной армии.

Однако решение хозяйственных задач требовало дополнительных средств и людских ресурсов. Правительством страны было принято решении о сокращении численности РККА с 5 млн человек до 500 тысяч. Расформировывались десятки соединений и частей, в том числе и кавалерии. Помощников Брусилова начали сокращать по штатам одного за другим, и вскоре он остался в полном одиночестве. Видя бесперспективность своей работы, Алексей Алексеевич написал рапорт об отставке. Но вместо этого он был назначен инспектором кавалерии.

Брусилов согласился принять эту должность, вполне разумно рассчитывая этим не только материально поддержать свою семью, но и помочь устроиться на службу другим генералам и офицерам,

оставшимся без работы и испытывавшим острую нужду. Брусилов даже предлагал организовать с участием кавалерии военную игру, но в этом его не поддержали. После неудачи Алексей Алексеевич снова начал терять интерес к работе, и, по его признанию, «я сложил руки и равно ничего не делал, за исключением текущей переписки».

Брусилов также использовал свое служебное положение для того, чтобы давать рекомендации бывшим офицерам, которые пытались устроиться на работу в различные организации. В то время без весомых рекомендаций люди на работу, как правило, не принимались. Брусилов давал рекомендации многим, и его не подвел ни один человек, кроме какого-то Кесслера, который затем обворовал кассу и присвоил деньги своих сослуживцев. Брусилов, как поручившийся за этого человека, был вынужден выплачивать его долги, хотя это было для него весьма затруднительно.

Инспектор кавалерии РККА, 1923 г.

25 сентября 1923 года Брусилов, сославшись на свой преклонный возраст и состояние здоровья, написал рапорт на имя Главнокомандующего всеми Вооруженными силами Республики С. С. Каменева об отставке, но она принята не была. Брусилов продолжал работать в своем штабе, расположенном на Басманной, помещения которого не отапливались. «Я буквально замерзал, сидя в полушубке, в валенках в комнате и, главное, без всякого смысла, ибо приезжал туда к 12 часам, а уезжал в три

часа и все это время читал газеты или переговаривался со своими сослуживцами, – пишет он. – Бедненькие машинистки, которым все же давали какие-то бумаги переписывать, наживали опухоли и нарывы на пальцах от холода. Да еще их заставляли дежурить по ночам в этой ледяной атмосфере по общему правилу»[61].

После отставки

В начале 1924 года А. А. Брусилов получил испрашивавшуюся им отставку и превратился в обычного московского обывателя со всеми вытекающими из этого последствиями. Правда, в отличие от многие других ему была начислена пенсия в размере 300 рублей в месяц. Но реально эти деньги он начал получать только в июне. И это при том, что половину этой суммы приходилось платить за коммунальные услуги (квартплата, электричество, вода, отопление). При этом нужно отметить, что жильцы из числа «пролетариев» в этом же доме за коммунальные услуги платили в десять раз меньше.

К тому времени внешний вид Москвы сильно изменился. Старые кадры повсюду заменялись новыми, «революционными» людьми. Причем упор был сделан на «интернационалистов». В Москве в различных организациях появилось много венгров, китайцев, выходцев с Кавказа, евреев. Многие иностранцы даже не знали русского языка. Тем не менее их ставили на должности, и они только приходили на свое рабочее место, где целый день сидели и молчали. В то же время бывшая русская интеллигенция буквально таяла на глазах. Одни эмигрировали, другие находились под арестом, третьи просто прятались, сидя по домам. Остатки московской интеллигенции можно было увидеть только на службе в церкви, и Брусилов старался не пропускать ни одной службы.

В это же время в стране началась кампания по выявлению «врагов революции». Среди горожан эта работа была возложена на органы ГПУ, численность которых сильно возросла. Кроме того, штатными работниками ГПУ началась активная вербовка осведомителей всех уровней. Дело дошло до того, что эти осведомители появились не только в каждой организации, но и в каждом доме. Доносительство по любому поводу стало нормой жизни.

21 января 1924 года умер В. И. Ленин. 26 января в Москве начал работу II Всероссийский съезд Советов, на котором в качестве основного соратника усопшего вождя был представлен И. В. Сталин, хотя председателем Совета народных комиссаров официально был назначен А. И. Рыков (в 1938 году он был разоблачен как участник правотроцкистского антисоветского блока и расстрелян).

Брусилов не принимал участия ни в похоронах Ленина, ни в работе съезда Советов. В то же время в его мемуарах содержится много негативных отзывов и о личности Владимира Ильича, и об

организации большевиками его похорон. Он описывает многочасовые очереди, в которые буквально силой сгоняли людей, включая и детей. Я мог бы не поверить этому, если бы, являясь слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе в период с 1982 по 1985 год, точно так же часами по приказу не простаивал в «нескончаемых потоках» для прощания с телами Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко. В то же время не исключаю, что эти абзацы были сильно усилены и доработаны уже в последующем его женой Желиховской.

Весной 1924 года на лечение Брусилов был направлен в подмосковный санаторий Комитета улучшения быта ученых, сокращенно «Кубу». Там он встретился со многими представителями русской интеллигенции, которые остались в Советской России. Кормили в санатории прекрасно, врачи постоянно заботились о своих пациентах. За месяц Брусилов отдохнул и несколько поправил свое здоровье.

Но наступила осень, и Брусилов начал болеть снова. Снова в его семье появился И. И. Гирс вместе со своими пайками по миссии благотворительности. Жена Брусилова, активно включившись в работу этой миссии, смогла помочь продуктами многим из своих знакомых.

Возникла идея поездки для лечения за границу. С просьбой разрешить эту поездку Брусилов обратился к М. В. Фрунзе, который совсем недавно был назначен наркомом по военным и морским делам вместо Л. Д. Троцкого. Фрунзе принял Брусилова, с некоторым удивлением выслушал его просьбу, выразил сочувствие и свое желание помочь.

– Дайте мне честное слово, что после лечения вы вернетесь обратно, – потребовал Михаил Васильевич.

Брусилов дал честное слово, предупредив, что на другие условия, связанные с агитацией русских эмигрантов возвращаться в Советскую Россию, он не готов. Дзержинский вынужден был согласиться на эти условия. Он хорошо понимал, что продемонстрировать лояльность советского правительства к таким людям, как Брусилов, намного важнее, чем рассчитывать на получение от них информации, как от агентов.

Вопрос о поездке Брусилова за границу по докладу М. В. Фрунзе обсуждался на заседании Политбюро РКП (б) 5 февраля 1925 года. Положительное решение было принято. Но при этом Фрунзе было поручено материально обеспечить поездку Брусилова, как человека, «оказавшего большую пользу Красной Армии». Брусилову была выплачена пенсия на три месяца вперед и дополнительно еще тысяча рублей на лечение. Этого было недостаточно. Пришлось продать несколько ковров, еще кое-

какие вещи. Кроме того, немного подсуетился все тот же Гирс. Определенная сумма была собрана.

В то время свободного обмена валюты в СССР, естественно, не было. Но незадолго до этого в обиход в Советском Союзе были введены серебряные рубли и золотые червонцы. Брусиловы все наличные деньги с ассигнаций обменяли на золото, которое, как они думали, имеет хождение и за пределами СССР.

На курорт Брусилов поехал вместе с женой и ее сестрой. Они благополучно миновали Польшу, на границах которой «зверствовали» таможенники. В частности, у советских дипломатических курьеров были отобраны все книги с работами В. И. Ленина, которые они везли за рубеж. Запад боялся расширения российской революции до всемирного масштаба, как о том говорили большевики.

В Праге на вокзале Брусиловых уже ждал автомобиль, присланный братом Гирса. Он доставил приехавших в гостиницу, где их уже ждал заранее забронированный номер. В последующем опеку над четой Брусиловых взяло на себя правительство Чехословакии. И это было нелишним. Брусилов, подсчитав свои деньги и увидев местные цены, понял, что прожить и подлечиться на имевшуюся у него сумму просто невозможно. Хотя Гирс, хорошо понимавший значение нумизматики, немедленно обменял в антикварной лавке советские червонцы на довольно солидную пачку чешских крон.

На второй день после приезда Брусиловы получили приглашение на обед к председателю правительства Чехословакии Э. Бенешу. Он были буквально поражены изысканностью приема, качеством пищи, посуды. По сравнению с тем, что они видели в Москве, это был совсем другой мир…

Спустя два дня Брусиловы были приглашены в загородную резиденцию президента страны Т. Масарика, с которым Алексею Алексеевичу доводилось встречаться и раньше. Прием был также очень теплый, хотя и проходил в чисто домашней обстановке. В ходе этого приема Алексей Алексеевич неожиданно для себя узнал, что чехи глубоко уважают его за гуманное отношение к пленным-соотечественникам, которое было проявлено по приказу командующего Юго-Западным фронтом летом 1916 года.

Затем Брусиловы поехали в Карловы Вары на автомобиле, любезно предоставленном им Гирсом, в сопровождении сотрудника Министерства иностранных дел Чехословакии. В санатории во все дни отдыха чете Брусиловых оказывалось особое внимание: их окружали любезные врачи, обходительные горничные, их окружали только доброжелательные люди. Алексей Алексеевич невольно возвращался к временам, когда он, будучи

крупным военачальником Императорской российской армии, пользовался благами в соответствии с занимаемым служебным положением. А затем, как страшный кошмар, заключение, голод, нищета и положение в Советской России. Задуматься было о чем…

Я вполне допускаю мысль, что именно во время отдыха в Карловых Варах Алексей Брусилов начал писать ту часть своих мемуаров, которую в последующем исключила из его книги советская цензура. Под личиной генерала скрывался человек, который нуждался в заботе, тепле, нормальной пище. Но с него сорвали погоны, отняли ордена и именную шашку, отстранили от непосредственного командования войсками. Но в нем остался человек, нуждающийся в самом необходимом. Мемуары и писал этот человек.

Безусловно, склонная к творчеству, профессиональная журналистка Надежда Желиховская, также недовольная своим положением в СССР, внесла свою лепту в эти записи, усилив по своему пониманию отдельные их разделы. Но у меня нет сомнения, что в своей основе они принадлежат Брусилову. Сопоставить было с чем. Уж слишком хорошо я знал настроения крупных советских военачальников после 1991 года…

Как и было обещано, Брусиловы вернулись в Советскую Россию после лечения в Карловых Варах. Из бывших генералов поступок Алексея Алексеевича поняли не многие. Некоторые ему прямо говорили о том, что своим возвращением он сделал непростительную ошибку. Но Брусилов с поразительным видом смирения говорил о том, что не мог нарушить данное слово.

О своем возвращении Алексей Алексеевич доложил Дзержинскому. Но тому было не до отставного генерала. В стране начиналась новая политическая кампания. И. В. Сталин, переизбранный на пост Генерального секретаря ЦК ВКП (б), начинал закручивать «гайки». После V конгресса Коминтерна было развернуто наступление на «троцкистские элементы», засевшие в государственном аппарате и в рядах РККА.

В начале октября проходит очередной пленум ЦК, на котором разворачивается борьба вокруг «платформы 4-х» (Г. Зиновьев, Л. Каменев, Г. Сокольников, Н. Крупская), заявивших о том, что в настоящее время ЦК ВКП (б) игнорирует классовую борьбу в деревне и внутрипартийную демократию. Против этой «платформы» выступает И. В. Сталин, которого поддерживает Н. И. Бухарин. После этого Зиновьев и Каменев выступают с открытой критикой позиции Сталина и Бухарина. Становится ясно, что единства в рядах пришедших к власти большевиков нет.

31 октября неожиданно для всех на операционном столе

умирает нарком по военным и морским делам М. В. Фрунзе. Брусилов и его жена были буквально потрясены этим известием.

– Я считал Фрунзе одним из самых здравомыслящих людей в Советской России, – говорит Алексей Алексеевич жене. – Смена наркомов чревата очередным пересмотром вопросов в отношении военного строительства и роли армии в политической структуре государства, как это было весной и летом 1917 года.

3 ноября 1925 года Михаил Васильевич Фрунзе был похоронен с большими почестями на Красной площади у Мавзолея В. И. Ленина. К тому времени такой чести удостаивались немногие. В советские времена по поводу его смерти все исследователи придерживались одной официальной версии: он умер после операции на желудке от паралича сердца, и более 60 лет никто не сомневался в этой версии. В то же время были сделаны попытки объяснить эту смерть несколько иначе.

Не вызывает сомнений тот факт, что смерть М. В. Фрунзе неоднократно обсуждалась в семье Брусиловых.

6 ноября 1925 года Н. В. Желиховская написала в дневнике: «Мне хочется записать для памяти несколько подробностей об умершем Михаиле Васильевиче. Издали, со стороны, по слухам, я знаю, какой несчастный это был человек, и кажется мне, что он подлежит совсем иной оценке, чем другие его «товарищи» по сумасшедшим и преступным политическим бредням.

Мне очевидно, что возмездие, карма ярко выявились на его судьбе. Год назад его любимая девочка, кажется, единственная дочь, по детской неосторожности выколола ножницами себе глаз. Ее возили в Берлин для операции и еле-еле спасли второй глаз, едва не ослепла окончательно. Отец и мать были сильно потрясены этим случаем.

Когда мы вернулись в июле из-за границы, нам рассказывали, что Фрунзе сильно болеет и что ему очень повредили ушибы, полученные при автомобильной катастрофе. Это было на шоссе около санатория «Узкое». Он вылетел и со всего размаха ударился о телеграфный столб. Многие подозревали злой умысел в этой катастрофе. С тех пор он не поправлялся. Жил долго в Крыму, так как жена его в чахотке и севера даже летом не переносит. Его одного только недавно привезли в Москву и после ряда консилиумов решили делать операцию. Мы слышали, что в этом решении был нажим от кого-то из властей.

Судя по официальным бюллетеням, выпотрошили его настолько основательно, что, конечно, жить он не мог. А между тем мы видели нескольких врачей, которые утверждают, что без операции он еще мог бы жить долго. Конечно, на очень строгой диете и при соблюдении некоторых врачебных условий. Когда он

умер, то выписали несчастную больную жену, и вчера на похоронах, говорят, она ни идти, ни стоять не могла, и ее несли на носилках. Какой ужас. Какая трагедия…»

В конце 1925 года внутренняя борьба в рядах большевиков обостряется. Против политики, проводимой И. В. Сталиным и его ближайшим окружением, выступает с открытой критикой Г. Е. Зиновьев. Наибольшего накала эта борьба достигла в ходе XIV съезда РКП (б), который проходил в Москве в период с 18 по 31 декабря. На этом съезде победу одержал И. В. Сталин. Лев Каменев из членов Политбюро был переведен в кандидаты, Зиновьев начал терять контроль над ленинградской партийной организацией, чистка которой была поручена большевику-ленинцу С. М. Кирову.

Наступила зима 1926 года. Брусилов чувствовал себя настолько плохо, что крайне редко выходил из дому на короткую прогулку. В эти дни он медленно шел по улице, поддерживаемый под руку женой и опираясь на палку. Редкие прохожие узнавали отставного генерала и, уступив дорогу на узком заснеженном тротуаре, кланялись. Увидев такого человека, Брусилов останавливался, в ответ кивал, а затем медленно шел дальше.

Чаще всего он выходил из дома для того, чтобы посетить ближайшую церковь, находившуюся в Левшинском переулке. Придя туда, он терпеливо выстаивал долгие церковные службы, при возможности беседовал со священником, общался с прихожанами. Многие из них, представляя собой остатки московской интеллигенции, лично были знакомы с семьей Брусиловых и с подчеркнутым уважением относились к старому генералу.

Семён Михайлович Будённый.

В феврале Брусилов сильно простудился и слег в постель. Надежда Владимировна смогла пригласить к больному старого заслуженного врача. Он обследовал Брусилова, выписал лекарства. Но достать их практически было невозможно. Тогда начали лечение народными средствами. Но они не помогали, и простуда переросла в двустороннее воспаление легких. Организм, истощенный постоянным недоеданием, холодом, болезнями и возрастом, сопротивлялся крайне слабо.

Брусилов умер 17 марта 1926 года. Желиховская с присущей ей энергией начала хлопотать о похоронах. Ей удалось достучаться до инспектора кавалерии РККА С. М. Буденного. Тот с должным вниманием отнесся к просьбам жены своего бывшего помощника. А. А. Брусилов был похоронен со всеми воинскими почестями на территории Новодевичьего монастыря, рядом с могилой его верного товарища и соратника Р. Н. Яхонтова.

Заключение

Генерал Алексей Алексеевич Брусилов был одной из самых ярких личностей в русской военной истории периода Первой мировой войны. Командуя армией, а затем фронтом, он смог провести несколько успешных наступательных операций, в отличие от некоторых других командующих. Но отечественная военная стратегия была еще на столь низком уровне своего развития, что не смогла эффективно использовать этот успех в интересах победы над врагом. При этом нужно учитывать, что противником Брусилова были не немецкие генералы и войска, а австро-венгерские, не отличавшиеся упорством и дисциплиной. Сам же он, наоборот, всеми силами стремился к победе и смог заразить этим стремлением своих подчиненных.

По результатам проведенных операций можно говорить о том, что Брусилов был хорошим командующим армией и умел, как говорили в то время, «держать войска в кулаке». Будучи командующим фронтом, он уже не водил, а «посылал войска в бой», требуя от них результатов. Как Верховный главнокомандующий он не справился со своей задачей, да и не мог справиться с ней на фоне активных политических игр и того развала армии, которые происходили летом 1917 года.

Брусилов Лев Алексеевич.

Безусловно, он глубоко переживал трагедию русской армии и судьбу России. Некоторые исследователи даже считают, что, не получив ранения в грозные дни октября, он мог бы появиться на Дону в числе одного из вождей белого движения. Но я думаю, что это не так. Уже немолодой, многократно обиженный и императором, и Временным правительством, имея определенные претензии к генералу Алексееву, прямо недолюбливая генералов А. М. Каледина и Л. Г. Корнилова, в силу хитрости своего характера, он не стал бы бросаться в пучину Гражданской войны.

Он поступил так, как поступили также командовавшие фронтами генералы А. Е. Эверт и А. Н. Куропаткин. Первый из них мирно жил в Верее, а второй также до самой смерти мирно жил в своем бывшем имении в Псковской губернии и даже основал там сельскохозяйственную школу.

Советский период биографии А. А. Брусилова, с одной стороны, очень простой и закономерный, с другой – оброс различными домыслами, над чем немало потрудились его родные, и прежде всего жена. Изданное ею продолжение дневников генерала раскрывает новые грани личности Брусилова, которые можно рассматривать только под призмой того времени и его личных глубоких переживаний.

Трагедия последних лет жизни Брусилова неоспорима. Телесная рана, глубокая душевная рана, связанная с гибелью сына, полунищенское существование человека, от рождения не знавшего недостатка ни в чем, ежедневные наблюдения за гибелью армии, в рядах которой он служил многие годы, и людей, которых знал и любил. За эти годы он потерял слишком много для того, чтобы жить дальше, и тихо угас, как свеча, израсходовавшая весь своей запас энергии.

Достаточно драматичной была и судьба родных Алексея Алексеевича.

Его брат, Лев Алексеевич Брусилов, во время русско-японской войны командовал героическим крейсером «Громобой» – из одной эскадры с «Варягом», а потом был начальником Морского Генерального штаба в чине вице-адмирала. Он умер в 1909 году.

Его сын, Георгий Львович Брусилов, тоже морской офицер, лейтенант, известный полярный исследователь, в 1914 году пропал без вести вместе со своим кораблем «Святая Анна», на котором он отправился в экспедицию по Северному морскому пути.

Второй брат А. А. Брусилова, Борис Алексеевич (1855–1918), также служил в офицерских чинах, был участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Ахалтекинских экспедиций 1878 и 1881 гг. С 1889 года перешел на гражданскую службу, с 1907 года – действительный статский советник. После отставки проживал в своем подмосковном имении. В августе 1918 года, во время «красного террора», он был арестован и умер в Бутырской тюрьме. Причем сразу же после смерти он был ограблен конвоирами, лишившись сапог и перстней.

Генерал Алексей Брусилов в 1917 году.

Память о генерале Брусилове увековечена не только в книгах. 1 декабря 2006 года в Виннице (Украина) на доме № 5 по улице Архитектора Артынова был открыт мемориальный барельеф с изображением командующего Юго-Западным фронтом на фоне схемы Брусиловского прорыва. Правда, на самом деле генерал с семьей прожил несколько лет в другом доме, который находился напротив Винницкого государственного академического музыкально-драматического театра им. Н. К. Садовского и сейчас

не существует. Вдогонку за Украиной 14 ноября 2007 года в Петербурге, в сквере на Шпалерной улице, возле пересечения ее с Таврической улицей, был установлен четырехметровый бронзовый монумент А. А. Брусилова (скульптор – Я. Я. Нейман, архитектор – С. П. Одновалов). Улицы, названные в честь А. А. Брусилова, есть в Воронеже и в Москве в районе Южное Бутово.

Памятник А. А. Брусилову в Петербурге.

Завершить книгу о генерале А. А. Брусилове я хотел бы его словами, которые не потеряли своего значения и в настоящее

время. Он писал: «Я славы не искал, но, проливая тогда солдатскую кровь во имя родины, теперь я имею право желать, чтобы хотя бы история достойно оценила моих самоотверженных героев – солдат и офицеров. В память погибших воинов я пишу эти строки, а не для прославления своего имени. Мир праху дорогих усопших боевых товарищей!.. Конечно, эти записки увидят свет, когда я уже сойду с арены, до славы земной мне будет весьма мало дела, но скрывать свои переживания того времени от будущей России не считаю себя вправе ввиду того, что карьеризм, личные интересы, зависть, интриги загубили общее русское дело. Да не будет так в будущем!»

Основные даты жизни А. А. Брусилова

1853 г., 19 (31) августа – родился в Тифлисе в семье генерала Алексея Николаевича Брусилова (1787–1859). Мать, Мария-Луиза Антоновна, имела польские корни и происходила из семьи коллежского асессора А. Нестоемского.

1867 г. – поступил в Пажеский корпус.

1872 г., 17 июля – окончил Пажеский корпус, выпущен прапорщиком в 15-й драгунский Тверской полк (Закавказье).

1872 г., 15 августа – прибыл в полк.

1873 г., 17 февраля – назначен на должность полкового адъютанта.

1874 г., 20 марта – пожалован персидским орденом Льва и Солнца 5-й степени для ношения в петлице.

1874 г., 2 апреля – произведен в поручики.

1875 г., 14 июля – утвержден в должности полкового адъютанта.

1877–1878 гг. – участник русско-турецкой войны на Кавказском театре военных действий. Отличился при взятии турецких крепостей Ардаган и Карс.

1877 г., 29 октября – произведен в штабс-капитаны.

1878 г., 1 января – награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом «За отличие, оказанное в делах с турками при взятии штурмом крепости Ардаган».

1878 г., 16 марта – награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом «За отличие, оказанное в делах с турками».

1878 г., 3 сентября – награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами «За отличие, оказанное в ночь с 5 на 6 ноября 1877 г. при взятии штурмом крепости Карс».

1879 г., 31 января – 8 апреля – нахождение в отпуску.

1878–1881 гг. – начальник полковой учебной команды.

1881 г., 7 октября – командирован в Учебный кавалерийский эскадрон.

1881 г., 17 октября – зачислен на учебу в состав создававшейся Офицерской кавалерийской школы.

1881 г., 15 декабря – произведен в капитаны.

1882 г., 18 августа – переименован с капитанов в ротмистры.

1883 г., 15 августа – окончил обучение в отделе эскадронных и сотенных командиров Офицерской кавалерийской школы.

1883 г., 15 августа – назначен адъютантом начальника

Офицерской кавалерийской школы (Санкт-Петербург).

1883 г., 3 октября – награжден «вне правил» орденом Святой Анны 2-й степени.

1884 г. – женитьба на племяннице дяди-воспитателя Карла Максимовича Гагемейстера Анне Николаевне фон Гагемейстер.

1885–1886 гг. – у жены рождались мертвые дети.

1887 г. – рождение сына Алексея.

1887 г., 30 августа – переведен в лейб-гвардии Конногренадерский полк с оставлением в составе Офицерской кавалерийской школы.

1889 г., 20 ноября – и.д. старшего учителя верховой езды и выездки лошадей Офицерской кавалерийской школы.

1889 г., 9 февраля – утвержден в должности старшего учителя верховой езды и выездки лошадей, произведен в подполковники.

1889 г., 21 августа – назначен помощником начальника отдела верховой езды и выездки лошадей.

1891 г., 12 августа – назначен заведующим обучающимися офицерами в эскадроне эскадронных и сотенных командиров.

1892 г., 30 августа – за отличия по службе произведен в полковника с зачислением по гвардейской кавалерии.

1893 г., 1 января – назначен начальником драгунского отдела.

1895 г., 6 декабря – награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

1896 г., 17 июня – высочайше разрешено принять и носить пожалованный ему бухарский орден Золотой Звезды 2-й степени.

1897 г., 12 октября – высочайше разрешено принять и носить пожалованный ему французский орден Почетного легиона офицерского креста.

1898 г., 22 сентября – высочайше разрешено принять и носить пожалованный ему прусский орден Красного Орла 2-й степени.

1898 г., 10 ноября – назначен помощником начальника Офицерской кавалерийской школы.

1898 г., 6 декабря – награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

1900 г., 6 мая – произведен в генерал-майоры.

1902 г., 10 февраля – назначен начальником Офицерской кавалерийской школы.

1902 г., 17 апреля – высочайше разрешено принять и носить пожалованный ему Большой офицерский крест болгарского ордена «За военные заслуги».

1903 г., 14 апреля – высочайше разрешено принять и носить пожалованный ему Большой офицерский крест итальянского ордена Короны.

1903 г., 11 ноября – высочайше разрешено принять и носить пожалованный ему персидский орден Льва и Солнца 1-й степени.

1903 г., 6 декабря – награжден орденом Святого Станислава 1-й степени.

1906 г., 22 января – высочайше разрешено принять и носить пожалованный ему французский орден Почетного легиона командорского креста и Большой офицерский крест болгарского ордена Святого Александра.

1906 г., 19 апреля – назначен начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

1906 г., декабрь – произведен в генерал-лейтенанты.

1908 г., 12 сентября – высочайше разрешено принять и носить пожалованный ему прусский орден Короны 1-й степени.

1908 г. – смерть жены.

1909 г., 5 января – назначен командиром 14-го армейского корпуса (Люблин).

1909 г., 6 декабря – награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

1910 г., декабрь – женитьба на Надежде Владимировне Желиховской.

1912 г., 15 мая – назначен помощником командующего войсками Варшавского военного округа.

1912 г., 6 декабря – произведен в генералы от кавалерии.

1913 г., 16 марта – награжден орденом Святого Владимира 2-й степени.

1913 г., 15 августа – командир 12-го армейского корпуса (Винница).

1914 г., 13 июля – высочайше разрешено принять и носить пожалованный ему мекленбург-шверинский Большой крест ордена Грифа.

1914 г., 19 июля – назначен командующим 8-й армией Юго-Западного фронта.

1914 г., 15–16 августа – в ходе Рогатинских боев нанес поражение 2-й австро-венгерской армии, взяв в плен 20 тыс. чел. и 70 орудий.

1914 г., 20 августа – взятие Галича.

1914 г., 23 августа – награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за бои с австрийцами, результатом коих было взятие 21-го сего августа города Галича».

1914 г., сентябрь – командовал группой войск, состоявшей из 8-й и 3-й армий.

1914 г., 28 сентября – 11 октября – 8-я армия выдержала контратаку 2-й и 3-й австро-венгерских армий в боях на реке Сан и у города Стрый. В ходе успешно завершившихся боёв взято в

плен 15 тыс. вражеских солдат.

1914 г., 18 сентября – награжден орденом Св. Георгия 3-й степени «за отбитие атак на Городокскую позицию с 24-е по 30-е минувшего августа».

1914 г., начало ноября – оттеснив войска 3-й австро-венгерской армии с позиций на Бескидском хребте Карпат, 8-я армия заняла стратегический Лупковский перевал. В Кросненском и Лимановском сражениях разбил войска 3-й и 4-й австро-венгерских армий. Войска армии взяли в плен 48 тыс. пленных, 17 орудий и 119 пулеметов.

1915 г., 10 января – награжден орденом Белого Орла с мечами.

1915 г., февраль – в сражении у Болигрод-Лиски войска 8-й армии сорвали попытки противника деблокировать свои войска, осаждённые в крепости Перемышль. Взято в плен 30 тыс. чел.

1915 г., март – войска 8-й армии овладели главным Бескидским хребтом Карпатских гор.

1915 г., 10 апреля – назначен генерал-адъютантом.

1915 г., весна – в ходе отступления 8-я армия отошла к реке Сан.

1915 г., 9 июня – войска 8-й армии оставили город Львов.

1915 г., август – оборона 8-й армии на реке Горынь.

1915 г., начало сентября – войска 8-й армии в сражении при Вишневце и Дубно нанесли поражение войскам 1-й и 2-й австро-венгерских армий.

1915 г., сентябрь – войска 8-й армии взяли город Луцк.

1915 г., 5 октября – войска 8-й армии взяли город Чарторыйск.

1915 г., 27 октября – награжден Георгиевским оружием.

1916 г., 17 марта – назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта.

1916 г., 25 мая (7 июня) – 8-я армия Юго-Западного фронта заняла Луцк.

1916 г., 2 (15) июня – войска 8-й армии Юго-Западного фронта разгромили 4-ю австро-венгерскую армию эрцгерцога Иосифа Фердинанда и продвинулись на 65 км.

1916 г., 20 июля – награжден Георгиевским оружием с бриллиантами: шашкой с надписью «За поражение австро-венгерских армий на Волыни, в Буковине и Галиции 22–25 мая 1916 г.».

1917 г., 22 мая – назначен Верховным главнокомандующим.

1917 г., 22 мая (4 июня) – приказ Брусилова о формировании особых ударных революционных батальонов.

1917 г., 19 июля – снят с поста Верховного

главнокомандующего после провала июньского наступления.

1917 г., 21 июля – приезд в Москву

1917 г., 2 ноября – ранение во время Октябрьской революции случайным осколком снаряда, попавшего в его дом во время боев между красногвардейцами и юнкерами.

1918 г., июль – выписка из госпиталя после лечения по ранению.

1920 г., май – поступление на службу в Красную Армию в качестве руководителя Особого совещания при Главнокомандующем всеми Вооруженными силами Советской республики.

1920 г., 30 мая – подписывает воззвание «Ко всем бывшим офицерам».

1921 г. – назначен председателем комиссии по организации допризывной кавалерийской подготовки.

1922 г., июль – назначен Главным военным инспектором коннозаводства и коневодства.

1923 г. – при Реввоенсовете для особо важных поручений, инспектор кавалерии РККА.

1924 г., осень – в отставке по состоянию здоровья. Выезд на лечение в Карловы Вары.

1924 г., декабрь – возвращение в Москву из Карловых Вар.

1926 г., 17 марта – умер в Москве от воспаления легких в возрасте 73 лет. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Высший командный состав русской армии в 1914–1917 гг.

Верховные главнокомандующие:

генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (20.7.1914-23.8.1915, 2.3-11.3.1917);

император Николай II (23.8.1915-2.3.1917);

генерал от инфантерии М. В. Алексеев (1.4-21.5.1917);

генерал от кавалерии А. А. Брусилов (22.5-19.7.1917);

генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов (19.7-27.8.1917);

А. Ф. Керенский (30.8–3.11.1917);

генерал-лейтенант Н. Н. Духонин (3.11-9.11.1917).

Начальники штаба Верховного главнокомандующего:

генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич (19.7.1914-18.8.1915);

генерал от инфантерии М. В. Алексеев (18.8.1915-1.4.1917);

генерал от кавалерии В. И. Гурко (врио 10.11.1916-17.2.1917);

генерал от инфантерии В. Н. Клембовский (11.3–5.4.1917);

генерал-лейтенант А. И. Деникин (5.4-31.5.1917);
генерал-лейтенант А. С. Лукомский (2.6-30.8.1917);
генерал от инфантерии М. В. Алексеев (30.8–9.9.1917);
генерал-лейтенант Н. Н. Духонин (10.10-3.11.1917).

Главнокомандующие армиями Северо-Западного фронта:
генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский (19.7–3.9.1914);
генерал от инфантерии Н. В. Рузский (3.9.1914-17.3.1915);
генерал от инфантерии М. В. Алексеев (17.3.1915-4.8.1915).

Главнокомандующие армиями Северного фронта:
генерал от инфантерии Н. В. Рузский (18.8–6.12.1915: 1.8.1916-25.4.1917);
генерал от кавалерии П. А. Плеве (6.12.1915-6.2.1916);
генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин (6.2-22.7.1916);
генерал от кавалерии А. М. Драгомиров (29.4–1.6.1917);
генерал от инфантерии В. Н. Клембовский (1.6-29.8.1917);
генерал от инфантерии В. А. Черемисов (9.9-14.11.1917).

Главнокомандующие армиями Западного фронта:
генерал от инфантерии М. В. Алексеев (4.8-18.8.1915);
генерал от инфантерии А. Е. Эверт (23.8.1915-11.3.1917);
генерал от инфантерии В. В. Смирнов (11–31.3.1917);
генерал от кавалерии В. И. Гурко (31.3-22.5.1917);
генерал-лейтенант А. И. Деникин (31.5–2.8.1917);
генерал от инфантерии П. С. Балуев (2.8-12.11.1917).

Главнокомандующие армиями Юго-Западного фронта:
генерал от артиллерии Н. И. Иванов (19.7.1914-17.3.1916);
генерал от кавалерии А. А. Брусилов (17.3.1916-21.5.1917);
генерал-лейтенант А. Е. Гутор (22.5-10.7.1917);
генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов (10.7-18.7.1917);
генерал-лейтенант А. И. Деникин (2.8-29.8.1917);
генерал-лейтенант Н. Г. Володченко (9.9-24.11.1917).

Помощники Главнокомандующего армиями Румынского фронта (главнокомандующим считался король Румынии Фердинанд I):
генерал от кавалерии В. В. Сахаров (12.12.1916-1.4.1917);
генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев (11.4.1917-25.3.1918).

Главнокомандующие Кавказским фронтом:
генерал от инфантерии Н. Н. Юденич (3.4-31.5.1917);
генерал от инфантерии М. А. Пржевальский (31.5-28.12.1917).

Командующие 1-й армией:

генерал от кавалерии П. К. фон Ренненкампф (19.7-18.11.1914);

генерал от кавалерии А. И. Литвинов (5.12.1914-2.4.1917);

генерал-лейтенант М. А. Соковнин (22.4-30.7.1917);

генерал-лейтенант Г. М. Ванновский (31.7–9.9.1917);

генерал-лейтенант В. В. фон Нотбек (9.9.1917-нояб. 1917).

Командующие 2-й армией:

генерал от кавалерии А. В. Самсонов (19.7-17.8.1914);

генерал от кавалерии С. М. Шейдеман (23.8–5.12.1914);

генерал от инфантерии В. В. Смирнов (5.12.1914-8.4.1917);

генерал-лейтенант А. А. Веселовский (8.4-12.7.1917);

генерал от инфантерии Н. А. Данилов (12.8-20.11.1917).

Командующие 3-й армией:

генерал от инфантерии Н. В. Рузский (19.7–3.9.1914);

генерал от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриев (3.9.1914-20.5.1915);

генерал от инфантерии Л. В. Леш (3.6.1915-3.4.1917);

генерал-лейтенант М. Ф. Квецинский (3.4-11.8.1917);

генерал-лейтенант Я. К. Цихович (11.8–9.9.1917);

генерал-лейтенант Д. П. Парский (9.9.1917-нояб. 1917).

Командующие 4-й армией:

генерал от инфантерии барон А. Е. Зальца (19.7-22.8.1914);

генерал от инфантерии А. Е. Эверт (22.8.1914-20.8.1915);

генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза (30.8.1915-21.11.1917).

Командующие 5-й армией:

генерал от кавалерии П. А. Плеве (19.7.1914-14.1.1915;.6–6.12.1915);

генерал от инфантерии А. Е. Чурин (14.1–8.6.1915);

генерал от инфантерии В. Н. Клембовский (6.12.1915-30.1.1916);

генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин (30.1–6.2.1916);

генерал от кавалерии В. И. Гурко (21.2–4.8.1916);

генерал от кавалерии А. М. Драгомиров (14.8.1916-27.4.1917);

генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов (29.4–9.9.1917);

генерал-лейтенант В. Г. Болдырев (9.9-13.11.1917).

Командующие 6-й армией:

генерал от артиллерии К. П. Фан-дер-Флит (19.7.1914-21.6.1915);
генерал от инфантерии Н. В. Рузский (30.6-18.8.1915);
генерал от инфантерии А. Е. Чурин (20.8.1915-20.3.1916);
генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский (20.3-12.12.1916).

Командующие 7-й армией:
генерал от артиллерии В. Н. Никитин (19.7.1914-19.10.1915);
генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев (19.10.1915-11.4.1917);
генерал-лейтенант Л. Н. Белькович (13.4-20.6.1917);
генерал-лейтенант В. И. Селивачев (26.6–9.9.1917);
генерал-лейтенант Я. К. Цихович (9.9–3.12.1917).

Командующие 8-й армией:
генерал от кавалерии А. А. Брусилов (28.7.1914-17.3.1916);
генерал от кавалерии А. М. Каледин (20.3.1916-29.4.1917);
генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов (29.4-10.7.1917);
генерал-лейтенант В. А. Черемисов (11.7-25.7.1917);
генерал-лейтенант М. А. Соковнин (30.7-17.10.1917);
генерал-лейтенант Н. Л. Юнаков (18.10–21.12.1917).

Командующие 9-й армией:
генерал от инфантерии П. А. Лечицкий (9.8.1914-18.4.1917);
генерал-лейтенант Г. В. Ступин (18.4.1917-11.8.1917);
генерал-лейтенант В.А. Черемисов (11.8.1917-9.9.1917);
генерал-лейтенант А. К. Кельчевский (9.9.1917-11.1917).

Командующие 10-й армией:
генерал-лейтенант В. Е. Флуг (22.8-23.9.1914);
генерал от инфантерии Ф. В. Сиверс (23.9.1914-25.4.1915);
генерал от инфантерии Е.А. Радкевич (25.4.1915-10.1916);
генерал от инфантерии А. А. Цуриков (10.1916-12.12.1916);
генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский (12.12.1916-2.4.1917);
генерал-лейтенант Н. М. Киселевский (9.4-12.7.1917);
генерал-лейтенант П. Н. Ломновский (12.7–9.9.1917);
генерал-майор А. А. Шихлинский (9.9-16.11.1917).

Командующие 11-й армией:
генерал от инфантерии А. Н. Селиванов (21.10.1914-5.4.1915);
генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев (5.4-19.10.1915);
генерал от кавалерии В. В. Сахаров (25.10.1915-10.1916);

генерал от инфантерии В. Н. Клембовский (10.1916-20.12.1916);
генерал от инфантерии Д. В. Баланин (20.12.1916-5.4.1917);
генерал-лейтенант А. Е. Гутор (15.4-22.5.1917);
генерал от кавалерии И. Г. Эрдели (30.5–9.7.1917);
генерал от инфантерии П. С. Балуев (9-19.7.1917);
генерал-лейтенант Ф. С. Рерберг (врио 19.7-29.8.1917);
генерал-лейтенант М. Н. Промтов (9.9–1.12.1917).

Командующие 12-й армией:
генерал от кавалерии П. А. Плеве (14.1–8.6.1915);
генерал от инфантерии А. Е. Чурин (8.6-20.8.1915);
генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский (20.8.1915-20.3.1916);
генерал от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриев (20.3.1916-20.7.1917);
генерал-лейтенант Д. П. Парский (20.7–9.9.1917);
генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович (9.9-19.11.1917).

Командующий 13-й армией:
генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский (12.6-20.8.1915).

Командующие Особой армией:
генерал от кавалерии В. И. Гурко (14.8.1916-31.3.1917);
генерал от инфантерии П. С. Балуев (врио 10.11.1916-17.2.1917);
генерал от инфантерии П. С. Балуев (2.4–9.7.1917);
генерал от кавалерии И. Г. Эрдели (12.7-29.8.1917);
генерал от инфантерии С. Ф. Стельницкий (14.9-20.11.1917);
генерал-лейтенант Ф. С. Рерберг (20.11–13.12.1917).

Командующий Добруджинской армией:
генерал от инфантерии А. М. Зайончковский (авг. – окт. 1916).

Командующий Дунайской армией:
генерал от кавалерии В. В. Сахаров (окт. – дек. 1916).

Главнокомандующие Кавказской армией:
генерал от кавалерии граф И. И. Воронцов-Дашков (30.8.1914-23.8.1915);
генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (23.8.1915-2.3.1917);
генерал от инфантерии Н. Н. Юденич (3.3–3.4.1917).

Командующие Кавказской армией:
генерал от инфантерии Н. Н. Юденич (24.1.1915-3.3.1917);
генерал от инфантерии М. А. Пржевальский (3.4-11.9.1917);
генерал-лейтенант И. З. Одишелидзе (2.10.1917-28.2.1918).

Из приказа командующего 8-й армией от 29 июня 1914 г.

При мобилизации в состав армии влито большое число нижних чинов запаса, часть которых пробыла в запасе довольно значительное время и успела основательно забыть и совершенно отвыкнуть от требований дисциплины. Вид людей на улицах, одетых в форменную одежду, наглядно это подтверждает.

Я не буду говорить о том доминирующем значении, какое имеет дисциплина для достижения успеха в предстоящих столкновениях. В твердой, железной дисциплине залог успеха – это вернейшее средство победы. Государь император и вся Россия с полным доверием смотрят на армию и ждут, что она с успехом выполнит свою великую историческую задачу. Чтобы быть нам на высоте положения и оправдать эту веру, надо приложить все силы, не теряя минуты времени, чтобы прибывших запасных обратить в солдат. Не мерами взыскания, окриками, а тем более рукоприкладством, которого в армии быть не должно, а твердым внутренним порядком, постоянным надзором, словом, воспитательными мерами дисциплина должна быть быстро доведена до образцового состояния.

Гг. ротные командиры! Прошу вас проникнуться сознанием важности этого вопроса и приложить все ваше усердие, все ваше умение и при деятельном сотрудничестве младших офицеров и унтер-офицеров создать из вверенных вам частей крепкие духом роты. В сознание каждого нижнего чина должно быть внедрено, что высшая наша добродетель, ведущая к победе, – это дисциплина. Строй, строевая муштра – это одно из сильных средств для дисциплинирования людей. К сожалению, должен отметить, что не всеми гг. офицерами это сознается, почему приходится наблюдать там, где офицеру необходимо сделать замечание, указать, направить, упущения нижних чинов остаются как бы незамеченными; в строю допускаются вольности, не разрешаемые уставом, и т. п…

Приказываю:

Пользоваться каждой минутой для обучения частей и для вкоренения железной, непоколебимой дисциплины. Не сомневаюсь, что в строевых частях работа так и ведется. Остаются многочисленные обозы и тыловые учреждения, на установление в

которых твердого внутреннего порядка начальникам всех степеней обратить самое серьезное внимание.

Брусилов

Из приказа командующего 8-й армией от 7 августа 1914 г.

Поздравляю славные войска армии с переходом границы.

Приказываю объяснить нижним чинам, что мы вступаем в Галицию, хотя и составляющую теперь часть Австро-Венгрии, но это исконная Русская земля, населенная главным образом русским же народом, для освобождения которого война ведется.

Русская армия не ведет войны с мирными жителями. Русский солдат для мирного жителя, к какой бы он народности ни принадлежал, не враг, а защитник, а тем более он защитник для родного по крови галичанина.

Я выражаю глубокую уверенность, что никто из чинов, имеющих честь принадлежать к армии, не позволит себе какого-либо насилия над мирным жителем и не осрамит имя Русского солдата. С мирным населением каждый из нас должен обращаться так же, как это было в родной России.

Брусилов

Из приказа командующего 8-й армией от 5 июня 1915 г.

2 сего июня мною в распоряжение командира 12-го корпуса генерала Альфтана кроме войск, бывших в его подчинении раньше, были даны вся 35-я дивизия и бригада 20-й дивизии с целью наступлением не только сдержать натиск немцев в промежуток между 2-м Кавказским и 12-м корпусами, но и восстановить наше положение на фронте Любачув, Краковец. Из поступивших за 2 июня донесений и из личного доклада 3 сего июня командира 12-го корпуса вижу:

а) Наступление было организовано и начато больше для виду, чем с твердою решимостью победить или умереть; в таком случае, очевидно, успех и не мог быть.

б) Технически наступление повели так, как дай Бог вести его испытанным, стойким частям с надежными кадрами, т. е. повели его редкими цепями, где каждый стрелок должен работать самостоятельно, по собственным соображениям; но было забыто главное, что ныне люди мало обучены, а офицеров мало. Теперь для успеха наступления надо вести его густыми цепями, а поддержки иметь в еще более густых цепях и даже в колоннах…

в) Многие из гг. начальников стремятся только управлять подчиненными им частями, и это даже тогда, когда до очевидности настало время уже командовать, а не управлять. К вечеру 3 июня из семи начальников пехотных дивизий, бывших в составе 12-го корпуса, трое находились в д. Липина, а остальные в той же деревне, где и штаб корпуса, и это в то время, когда, по крайней мере, некоторые части чуть не бежали, а остальные колебались. Не знаю, где в это время были командиры полков, но допускаю, что, глядя на начальников дивизий, и командиры полков в это время собрались где-нибудь по два и по три. Генералы и командиры частей не только могут, но и должны быть сзади, чтобы управлять, но до поры до времени; раз какие-либо части дрогнули, вперед не идут, а некоторые уже и поворачивают – место начальников впереди, а не на центральной телефонной станции, где можно оставить и адъютанта. Никаких оправданий в малом числе штыков быть не может: чем их меньше, тем легче перейти от управления к командованию, а это-то теперь зачастую только и дает успех. Мы начали отступать не по своей вине, но отступаем уже второй месяц. Пора остановиться и посчитаться наконец с врагом как следует, совершенно забыв жалкие слова о могуществе неприятельской артиллерии, превосходстве его сил, неутомимости, непобедимости и т. п.

А потому приказываю:

1) При обороне занимать передовые окопы наименьшим числом стрелков, располагая сзади поддержки и резервы в несколько линий, а наступать густыми цепями, чтобы держать людей в руках, а за ними двигать поддержки и резервы в еще более густых строях, не боясь потерь, которых при бесповоротном движении вперед всегда меньше.

2) Для малодушных, сдающихся в плен или оставляющих строй, не должно быть пощады…

3) Дисциплину всегда и везде, а тем более в строю, поддерживать строжайшую, забыв на время судебные порядки.

4) Начальникам всех степеней, до начальников дивизий включительно, в бою выбирать себе такое место, чтобы видеть бой, а не только слышать его.

5) Во время боя доносить все без мрачных прикрас, бодро и правдиво.

6) Не пугаться прорывов и обходов, прорывающихся брать в плен, а обходящих обходить в свою очередь, для чего иметь резервы и живо всеми силами помогать соседям.

7) Разведку и наблюдение за флангами высылать возможно дальше и обязательно иметь боевое сторожевое охранение, не заставляя бодрствовать всех.

8) Помнить, что дальше нам уходить некуда: под Львовом мы должны удержаться, разбить немцев и погнать их…

9) Помогать соседям не только огнем, но и наступлением, памятуя, что оборонительный образ действий, принятый армией, не исключает, а требует развития самых энергичных активных действий на отдельных участках, в зависимости от обстановки, по инициативе ближайшего начальства…

Брусилов

ВЫПИСКА из труда Бонч-Бруевича М. Д. «Потеря Галиции в 1915 г.»

Управление войсковыми массами в период Карпатской операции состояло в том, что Верховный главнокомандующий отдал главнокомандующим фронтами повеление (директиву), устанавливающее общую задачу каждому фронту на целый период войны.

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом отдал директиву 23 марта (5 апреля) 1915 г., не столько устанавливающую задачу армий, сколько наставляющую командующих армиями фронта относительно способов действий при наступлении через Карпаты в Венгрию.

Командующий 3-й армией на каждый день отдавал приказ, в котором точно выражались цели действий корпусов и отрядов в виде указания преимущественно на то, какие пункты должны быть ими заняты к определенному сроку, когда должно начаться движение и проч. Никаких конкретных оперативных заданий не ставилось ни армиям фронта, ни корпусам армии.

При таких привычках управлять крупными войсковыми соединениями ни главнокомандующий армиями фронта, ни командующие армиями, собственно говоря, не получали оперативных заданий, охватывающих некоторый период времени, ограничиваемый каким-нибудь вполне определенным оперативным достижением; Верховный главнокомандующий ставил задания расплывчато и чуть не на целый год вперед, главнокомандующий фронтом совершенно не ставил оперативных заданий, определяемых во времени каким-нибудь оперативным достижением, командующий 3-й армией, не получив в свое распоряжение определенного промежутка времени для того или иного оперативного достижения, своим приказом определял только суточные передвижения корпусов и отрядов, изредка решаясь распорядиться на двое суток.

При растянутости фронтов зачастую бывало так, что приказ

командующего армией получался в корпусах после того, когда те или иные передвижения уже были совершены, или когда не представлялось уже никакой возможности исполнять выраженное в приказе и т. п.

Директивы главнокомандующего Юго-Западным фронтом в период кризиса Карпатской операции не имели ровно никакого практического значения и являлись лишь отголоском настойчивых указаний Ставки на тему: «ни шагу назад во что бы то ни стало».

Совершенно очевидно, что при вышеочерченных условиях командующие армиями не имели возможности задаваться каким-либо замыслом армейской операции, вытекающим из оперативного задания, поставленного главнокомандующим фронтом и согласованным с действиями других армий.

В свою очередь отсутствие замысла армейской операции и времени на его исполнение по разработанному плану отнимало у командующих армиями почин в действиях и оставляло творчеству их решение единственной задачи: как выйти из затруднительного или тяжелого положения, уже созданного противником, целиком захватившим почин действий в свои руки.

Корпусами управляли, как обычно управляют ротами, но только с той разницей, что ставили им также боевые задачи в то время, когда эти задачи или уже утратили всякое оперативное значение или оказывались совсем неисполнимыми…

Оперативное управление совершенно отсутствовало во всех высших командных ступенях. При таком положении войска были совершенно слепыми в отношении исполняемых ими действий, и не только каждый воин не понимал своего маневра, но даже начальники дивизий и очень часто командиры корпусов не отдавали себе отчета и не могли отдавать отчета в том, какую же оперативную идею преследует вся данная армия и какая существует связь между этой идеей и тем, что исполняется данным корпусом или дивизией.

Полки, не управляемые свыше, бродили, предпринимая иной раз то или иное передвижение за собственный страх, рискуя стать в тяжелое положение и понести потери, совершенно неоправданные.

Хаос блуждания войск во избежание гибели в период кризиза Карпатской операции сделался обычным явлением, и если надо удивляться, то только не тому, что войска несли значительные потери и пали духом, а тому, что они не были вовсе уничтожены и не разложились до самой последней степени.

Не следует скрывать, что изображенное здесь состояние оперативного управления войсками и, как его последствие,

состояние разгрома армий Юго-Западного фронта, является точным изображением того, что в действительности происходило в период кризиса Карпатской операции…».

(*Бонч-Бруевич М. Д.* Потеря Галиции в 1915 г. Часть II. Катастрофа в 3-й армии. С. 240–241.)

Из директивы командующего Юго-Западным фронтом командующим 7, 8, 9, 11-й армиями от 6 апреля 1916 г.

Приказываю принять к руководству нижеследующие мои указания для производства самой атаки, которые применять сообразно с обстановкой для каждого атакующего участка.

I. Общие указания.

а) Атака должна вестись по возможности на всем фронте армии, независимо от сил, располагаемых для этого. Только настойчивая атака всеми силами на возможно более широком фронте способна действительно сковать противника, не дать ему возможность перебросить свои резервы.

б) Ведение атаки на всем фронте должно выразиться в том, чтобы в каждой армии, в каждом корпусе наметить, подготовить и организовать настойчивую атаку определенного участка неприятельской укрепленной позиции.

в) Атака должна быть проведена по строго обдуманному и рассчитанному плану, причем намеченный план разрабатывать в деталях не в кабинете по карте, а на месте, показанном совместно с исполнителями атаки от пехоты и артиллерии.

г) Разработка плана атаки должна выяснить:

1) Кому и что именно атаковать и какие для этого назначаются силы пехоты и артиллерии.

2) В зависимости от сего поставить задачи пехоте и артиллерии, назначить род артиллерии, определить количество орудий, потребных снарядов, установить последовательность выполнения артиллерийской подготовки, точно определить подчиненность артиллерийских групп и руководство управлением огнем, тщательно организовать наблюдение и крепкую связь.

3) Задачи как пехоте, так и артиллерии указывать точно и определенно, не допускать общих выражений, как то: «обстрелять высоту 362», «перенести огонь на соседние участки» и т. д.

д) Начальникам, на коих возлагается выполнение главной задачи, должны быть представлены в полное подчинение все части, предназначенные для производства атаки.

е) Резервы старших начальников для противодействия случайностям выделять из войск, не предназначенных для

главной атаки.

ж) Ниже я даю данные для ведения главной атаки на фронте армии, действиям коей придается первенствующее значение в намеченной операции и для каковых действий в район ее расположения будут сосредоточены резервы за счет других армий фронта. Для остальных армий и корпусов основные принципы, дух главной атаки остаются те же; видоизменяются лишь размеры ее и средства.

II. Артиллерийская атака:

1) Общее управление артиллерийской атакой данного участка организовать при начальнике, руководящем пехотной атакой в сфере непосредственного и личного наблюдения за полем боя.

2) Если протяжение фронта атаки не допускает общего личного наблюдения за боем, то образовать группы артиллерии, по составу и силе соответствующие задачам, поставленным пехоте данного участка. Управление группами организовать при начальнике этого пехотного участка.

3) Дабы атакующая и ворвавшаяся на неприятельскую позицию передовая пехота имела постоянную своевременную артиллерийскую поддержку, часть легких батарей должна быть своевременно подчинена непосредственно командирам пехотных полков первой линии. Эти батареи располагать не далее 2 верст от позиций противника. Наблюдателей от этих батарей держать при командирах батальонов передовых линий, дабы помощь артиллерии подавалась своевременно. Общему руководителю огнем этих батарей быть при командире полка первой линии.

4) На первый период атаки задачами артиллерии являются:

1) Уничтожение проволочных заграждений противника. Ввиду ограниченного количества тяжелых и мортирных снарядов, которыми мы располагаем, задача эта должна выполняться легкой артиллерией, причем опыт указывает, что в трехполосной проволочной сети, но с дистанции не более 2 верст, 350 фугасными гранатами можно проделать сквозной проход в 2 сажени ширины. Обратить внимание на то, чтобы делать несколько таких проходов, а отнюдь не ограничиваться одним, хотя бы и широким, представляющий собой дефиле, на котором неминуемо сосредоточится весь неприятельский огонь.

2) Разрушение неприятельских укреплений первой и второй линий. Особое внимание должно быть обращено на уничтожение пулеметов и гнезд для них и укреплений, и пулеметов, фланкирующих атакуемый участок. Опыт указывает, что лучшие результаты достигаются тогда, когда пристрелка произведена отдельно для каждого орудия. После этого 15-20-минутный

частый огонь всего назначенного для атаки количества орудий давал гораздо лучший результат, чем ураганный огонь в течение 1–2 часов при пристрелке побатарейно…

3) Когда пехота двинется на штурм, тяжелая и мортирная артиллерия переносит свой огонь: 1) на места скопления резервов противника; 2) на неприятельские укрепления, примыкающие с флангов к атакуемому нами участку; 3) по укреплениям третьей линии, если таковые есть; преимущественно 42-линейные пушки – по артиллерии противника, если она вне досягаемости огня нашей легкой артиллерии.

Легкая артиллерия продолжает огонь по атакуемым укреплениям до крайней возможности, причем значительная часть ее с началом движения пехоты должна обрушиться на артиллерию противника.

4) Как только пехота прорвется на неприятельскую позицию, часть легкой артиллерии образует для нее с фронта и с флангов огневую завесу против контратаки резервов противника и обеспечивает этим возможность закрепиться на занятом участке и повести следующую волну пехоты. В то же время другая часть легкой артиллерии сосредотачивает свой огонь по артиллерии противника, особенно фланкирующий атакованный участок.

Как только пехоте удастся овладеть первой и второй линиями неприятельских укреплений, часть тяжелой и мортирной артиллерии возможно быстрее продвигать вперед для более успешного выполнения указанных выше задач и для подготовки атаки более глубоких укрепленных неприятельских линий.

На второй период атаки необходимо, чтобы между первым ее актом и дальнейшим развитием прорыва неприятельской позиции не было большого промежутка времени, дабы противник не успел организовать новую оборону при сложившихся обстоятельствах.

Вследствие этого необходимо, чтобы тяжелая и мортирная артиллерия, как только начнется штурм пехоты первой и второй линий, приступила к артиллерийской атаке дальнейших оборонительных линий противника и районов возможного скопления его резервов. А это условие требует, чтобы первоначальные позиции тяжелой артиллерии были никак не далее 3–4 верст от передовых позиций противника…

5) Приказываю принять за правило, что батареи занимают позиции уже после получения определенных задач и в зависимости от условий их выполнения, а не обратно. Для артиллерийской атаки батареи не массировать в одном месте, а, располагая их в зависимости от определенных частных задач, преследовать возможность массирования огня большинства их по важнейшим пунктам неприятельской позиции. Часть тяжелой и

мортирной артиллерии должна иметь возможность сосредотачивать свой огонь на укреплениях противника, примыкающих с флангов к атакуемому участку.

III. Атака пехоты:

а) Как принцип – фронт главной атаки должен быть не менее 15–20 верст, дабы средние атакующие части не могли простреливаться с флангов. При наличии сил желательно фронт главной атаки доводить до 20–30 верст. Наименьший допустимый фронт атаки, при недостатке войск, может быть сокращен до 10 верст, но при этом необходимы особые меры предосторожности, чтобы не попасть в тиски.

б) Пехота должна атаковать волнами цепей, следующих одна за другой, не отставая, а подпирая передних. Таких волн для главной атаки образовывать не менее 3–4, а за ними иметь резервы для развития успеха или для немедленного повторения атаки свежими частями.

в) При фронте атаки в 15 верст надо вести ее одновременно двумя корпусами, усиленными по возможности еще бригадой каждый. Тогда, при этом соотношении и приняв полный штат дивизии в 15 000 винтовок, получается 3,5 человека на шаг, или, ведя атаку цепями и считая, для уменьшения потерь в цепи, на человека два шага, мы можем располагать для атаки 4 последовательными волнами, и еще около половины всех сил остается в резервах дивизий и корпуса.

г) Атакующие волны должны следовать одна за другой на дистанции 150–200 шагов. Первая и вторая волны должны быть снабжены ручными гранатами и приспособлениями для прострела проволочных заграждений. Кроме того, первая и вторая волны тянут с собой пулеметы для закрепления захваченных позиций противника. Вторая волна служит пополнением потерь первой волны; третья подпирает первые две и служит их ближайшей поддержкой, а четвертая является резервом командиров передовых полков.

д) Резервы начальников дивизий и командиров корпусов не должны отставать от передних четырех волн и быть всегда готовыми продолжать атаку, поддержать передовые части и в случае нужды противодействовать контратакам во фланг и закрепить захваченное пространство.

е) В районе, откуда намечается вести главную атаку, должно быть подготовлено достаточное количество резервных окопов и убежищ-траншей для помещения в них волн и резервов перед началом атаки.

ж) Если какая-либо часть, опрокинув противника, опередит

соседние войска, то для связи с ними и обеспечения своих флангов она должна принять уступное расположение, как справа, так и слева.

з) Трудно указать точно, как общее правило, когда пехота должна начинать атаку. Но, безусловно, пехотная атака должна следовать непосредственно за артиллерийской подготовкой. Ни в коем случае не допускаю перерывов между артиллерийской атакой и атакой пехоты.

С другой стороны, пехота не должна предъявлять артиллерии требование бесконечно долго обстреливать огнем атакуемый участок. Пехотный начальник и состоящий при нем артиллерийский начальник, управляющий огнем данной группы батарей, должны зорко следить за результатами огневой артиллерийской атаки и, оценивая ее результаты, определить момент, когда пехота должна броситься на штурм.

Если расстояние до позиций противника значительное, то пехота должна быть первоначально приближена постепенным продвижением вперед шагов на 300 к атакуемой передовой линии укреплений. Только тогда артиллерия приступает к настоящей подготовке атаки.

и) Ворвавшаяся в первую линию неприятельских укреплений передовая волна не должна на ней останавливаться, а всемерно спешить захватом второй линии окопов, где и закрепиться. Нужно иметь в виду, что наш противник основывает всю силу своей обороны из второй линии окопов и задержка на первой линии подвергает войска сосредоточенному огню противника. Закрепление же на первой линии и приспособление к обороне должно быть возложено на резервы.

Если не удастся взять подряд, на плечах противника, всю полосу укреплений, то дальнейшее преследование противника и атаку следующей, третьей линии, возлагать на третью и четвертую волны пехоты и одновременно приближать более глубокие резервы для поддержки и продолжения атаки.

Особое внимание обращать на закрепление флангов, на сосредоточение к ним пулеметов для противодействия контрударам противника с флангов. Вообще, как правило, необходимо стремиться захватить на плечах противника всю первую полосу укреплений, которая обыкновенно состоит из 2-3-4 линий.

к) При удаче прорыва создается особо благоприятное поле действия для кавалерии, поддерживаемой своими дивизионами и артиллерией. Приказываю широко использовать для этого нашу многочисленную кавалерию.

В заключение обращаю усиленное внимание на крепкую,

непрерывную связь и взаимодействие пехоты с артиллерией и на целесообразный с обстановкой огонь артиллерии. Бесцельный артиллерийский огонь, в особенности ночной, безусловно запрещаю. Нужно помнить, что беспредельного количества огнестрельных припасов у нас нет, и, кроме того, нужно избегать чрезмерного изнашивания орудий. Дело не в ураганном огне, а в правильном и искусном управлении артиллерией и меткой ее стрельбе по точно и верно определенным задачам.

Вне всякого сомнения, что при надлежащем выборе участка для главной атаки, правильном распределении войск и артиллерии по участкам, верном распределении огнестрельных припасов, предварительной, тщательной подготовке местности, на которой будет произведена атака, заблаговременно выбранных позициях для артиллерии и распределении задач по группам, дивизионам и батареям – артиллерийская атака пройдет вполне успешно, а своевременно начатая пехотная атака, правильно веденная и поддержанная артиллерией и резервами, не может не увенчаться успехом.

В общем, атака укрепленной позиции в современной войне – операция трудная, искусная. Твердо уверен, что продолжительный боевой опыт будет нами использован полностью и что при предстоящем наступлении он будет нами применен в полной мере.

Брусилов[62]

Из директивы Верховного главнокомандующего от 11 апреля 1916 г.

Государь император, утвердив сего апреля журнал совещания, состоявшегося 1 апреля под личным председательством Его Величества, повелел:

1) Общая цель предстоящих действий наших армий – переход в наступление и атака германо-австрийских войск.

2) Главный удар будут наносить армии Западного фронта. Армии Северного и Юго-Западного фронтов оказывают содействие, нанося удары с надлежащей энергией и настойчивостью как для производства частных прорывов в неприятельском расположении, так и для поражения находящихся против них сил противника.

…

Юго-Западный фронт, тревожа противника на всем протяжении своего расположения, главную атаку производит войсками 8-й армии в общем направлении на Луцк.

…

5) Время и порядок перехода армий в наступление будут указаны дополнительно, сообразуясь как с действиями наших союзников, так и с накоплением нами материальных, главным образом артиллерийских запасов.

…

7) С указанного в предыдущем пункте времени 4-й кавалерийский корпус с приданной ему 77-й пехотной дивизией передается из 3-й армии в состав Юго-Западного фронта.

Разграничительная линия между Западным и Юго-Западным фронтами проходит через Ратно, Угранчи, Остовск, Удрицк, Симановичи, Лельчицы, Нароваль, Городин, Новгород-Северск. Линия эта принадлежит Юго-Западному фронту.

8) Подготовку операции закончить к началу мая, главным образом в техническом отношении, в смысле накопления продовольственных и боевых средств, соответственного их эшелонирования, подготовки дорог, в отношении сближения с противником окопами, по возможности по всему фронту.

Сосредоточение войск в соответствии с вырабатываемыми планами атаки исполнить к указанному сроку в мере лишь крайней необходимости, дабы не обнаруживать вполне своих намерений, не прикреплять войска к заранее предрешенным пунктам и не скучивать расположения частей. Этим будет достигнута не только возможность скрыть наши намерения, но и гибкость плана, применить его к условиям местности после того, как просохнет почва.

9) Иметь в виду возможность перехода противника в наступление ранее нанесения намеченного удара. Этими соображениями надлежит руководствоваться при расположении сосредоточенных войск в период, предшествующий атаке.

Наступление противника встретить смелой, решительной контратакой, памятуя, что мы должны в полной мере использовать наше численное превосходство и высокое нравственное состояние войск.

10) Время производства атаки будет указано заблаговременно, за 7-10 дней до начала. Этот период предназначается для выполнения окончательного сосредоточения войск, сообразно принятым планам.

11) Ввод в боевые линии новых войск на участках атак производить по возможности перед самым производством ее.

Помимо соответственного распределения резервов, необходимо для скрытия наших намерений рассредоточить внимание противника…

…

13) Его Величество воспрещает формирование импровизированных отрядов, изменения на время операции и перед началом ее состав корпусов.

14) Государь император изволит выражать уверенность, что начальствующие лица с полным пониманием отнесутся к предварительной разработке намечаемых действий и сумеют сохранить в то же время необходимую для успеха тайну.

Алексеев[63]

Состав войск Юго-Западного фронта по состоянию на 12 июня 1916 г.

3-я армия

31-й армейский корпус (27, 75 и 85-я пехотные дивизии);

46-й армейский корпус (77-я и 100-я пехотные дивизии);

6-й конный корпус (Сводная казачья и 3-я Кавказская казачья дивизии);

3-я кавалерийская дивизия;

1-я Кубанская дивизия;

Забайкальская дивизия.

8-я армия

1-й армейский корпус (22-я и 24-я пехотные дивизии);

8-й армейский корпус (14-я и 15-я пехотные дивизии);

28-й армейский корпус (20-я и 53-я пехотные дивизии);

30-й армейский корпус (71-я и 80-я пехотные дивизии);

39-й армейский корпус (102-я и 125-я пехотные дивизии);

40-й армейский корпус (2-я и 4-я стрелковые дивизии);

5-й Сибирский корпус (50-я пехотная и 6-я Сибирская дивизии);

4-я Финляндская стрелковая дивизия;

5-й конный корпус (11-я кавалерийская и Оренбургская казачья дивизии);

12-я кавалерийская дивизия.

11-я армия

45-й армейский корпус (126-я пехотная и 2-я Финляндская егерская дивизии);

32-й армейский корпус (101-я и 105-я пехотная дивизии);

17-й армейский корпус (3-я и 35-я пехотная дивизии);

Саратовская пехотная бригада;

7-я кавалерийская дивизия;

Заамурская конная дивизия.

7-я армия

6-й армейский корпус (14-я и 16-я пехотные дивизии);

18-й армейский корпус (23-я и 37-я пехотные дивизии);

22-й армейский корпус (1-я и 3-я Финляндские стрелковые дивизии);

16-й армейский корпус (41-я и 47-я пехотные дивизии);

2-й армейский корпус (26-я и 43-я пехотные дивизии);

2-й конный корпус (9-я кавалерийская и Сводная кавалерийская дивизии);

3-я Туркестанская стрелковая дивизии;

6-я Донская казачья дивизия.

9-я армия

33-й армейский корпус (1-я и 2-я Заамурские дивизии);

41-й армейский корпус (74-я и 3-я Заамурская дивизии);

11-й армейский корпус (11-я и 32-я пехотные дивизии);

12-й армейский корпус (12-я и 19-я пехотные дивизии);

3-й конный корпус (10-я кавалерийская, 1-я Донская казачья и Терская казачья дивизии);

82-я пехотная дивизия;

103-я пехотная дивизия;

Кавказская Туземная конная дивизия.

(*Ветошников*. Операция прорыва на Юго-Западном фронте в 1916 г. С. 75–76.)

Приказ № 117

Войскам 8-й армии Секретно

1916 г., 22 часа 40 мин. Г. Ровно

Противник частными атаками на владимир-волынском направлении пытается остановить наше наступление. В 4-м конном, 46-м, 30-м, 5-м Сибирском корпусах – без перемен. 39-й корпус отодвинул свои части к Бабье и кол. Аполония, а сторожевое охранение 8-го корпуса отошло на фронт кол. Дуброва, Роговичи. 3-я армия подготавливает атаку. 11-я успешно продвигается вперед центром и левым флангом, охранение же правого фланга несколько отошло. Утром 4 июня в Луцк прибывает 53-я пехотная дивизия, а в районе Млынов, Дорогостой – 20-я пехотная дивизия – обе 23-го корпуса.

П р и к а з ы в а ю:

4-му конному корпусу – продолжить выполнение своей задачи.

46-му, 30-му и 5-му Сибирскому корпусам – до прибытия тяжелой артиллерии к 30-му корпусу продолжить подготовку исходного положения для атаки, согласно ранее отданному распоряжению; бригаду финляндских стрелков в Хопневе передать в полное распоряжение комкор 30; комкор 5-го Сибирского оказать своим левым флангом содействие в наступлении 39-му корпусу для восстановления им своего положения.

39-му корпусу – восстановить свое положение, отбросив противника за р. Сход, и прочно закрепиться на правом берегу, своих частей на левый берег Стохода не переводить. В распоряжение комкора 39 передаю комкор 5-го конного с пятью полками.

40-му корпусу – оказать помощь правому соседу.

8-му корпусу – согласуя свои действия с левым флангом 11-й армии, восстановить положение своего сторожевого охранения.

7-й кавалерийской дивизии – продолжать энергично обеспечивать левый фланг армии, поддерживая тесную связь с правым флангом 11-й армии.

Отдельным бригадам 2-й стрелковой и 4-й Финляндской дивизий – оставаться в моем непосредственном распоряжении. Связь – через штаб 5-го Сибирского корпуса.

53-й пехотной дивизии, прибывающей в Луцк в распоряжение главкоюза[64], – держать связь через штаб 40-го корпуса.

Обращаю внимание на связь и своевременную доставку срочных донесений; донесения о важных событиях представлять немедленно.

О получении сего телеграфировать.

Командующий армией генерал-лейтенант Каледин

Подлежит возврату вместе с постановлением.
СТРОГО СЕКРЕТНО
По секретариату ЦК
К прот. С-та ЦК КПСС
№ 182 п. 81-гс
За – Суслов
Пономарев
Ильичев
Шелепин
Козлов
22/10.VII.62 г.
ЦК КПСС

В соответствии с поручением Секретариата ЦК КПСС,

Министерство обороны СССР, Комитет госбезопасности и Главное архивное управление при Совете Министров СССР рассмотрели материалы, касающиеся личности Брусилова А. А. и его отношения к Советской России.

До 1948 года оценка деятельности Брусилова в советской историко-военной, художественной литературе и периодической печати была положительной.

После Великой Отечественной войны среди трофейных архивных материалов гитлеровской Германии была обнаружена рукопись «Мои воспоминания», в которой от лица А. А. Брусилова описывалась его жизнь в советский период. Воспоминания носят антисоветский характер и направлены на оправдание Брусилова перед белой эмиграцией, обвинявшей его в сотрудничестве с Советским правительством.

Бывшее Министерство внутренних дел СССР, не разобравшись в происхождении рукописи и не проведя тщательного ее исследования, доложило в 1948 году в ЦК КПСС, что рукопись написана лично А. А. Брусиловым во время пребывания его на лечении в Чехословакии в 1925 году. Официального решения по этому вопросу не принималось, однако все материалы, связанные с именем Брусилова, из открытого обращения были изъяты и переведены в закрытые фонды.

В настоящее время упомянутая рукопись «Мои воспоминания» вновь была подвергнута тщательному исследованию, проведены графические и лингвистическая экспертизы рукописи с целью восстановления ее автора, исследованы документальные архивные материалы о деятельности Брусилова, проверены следственные дела и дела оперативного учета в архивах КГБ, в которых есть упоминания или ссылки на имя Брусилова, установлены некоторые лица, лично знавшие Брусилова, и с ними проведены беседы.

Выводы графических и лингвистической экспертиз говорят о том, что рукопись «Мои воспоминания» была написана не Брусиловым, а его женой Н. В. Брусиловой, использовавшей отдельные наброски и отрывки, написанные под диктовку Брусилова или им самим, при этом антисоветскую направленность она придала рукописи при окончательном ее оформлении, уже после смерти мужа.

Этот вывод подтверждается оперативным документом от 21 февраля 1927 года, обнаруженным в материалах дела № 302 286 т. 1, Л. Д. 327, хранящимся в учетно-архивном отделе КГБ при СМ Союза ССР. Из указанного документа видно, что после смерти А. А. Брусилова остались отдельные разрозненные

заметки его «Воспоминаний» и что его жена Н. В. Брусилова предпринимала активные меры по обработке набросков этих «Воспоминаний».

В документе, в частности, говорится:

«Рукописи эти оставлены покойным Брусиловым в очень зачаточном состоянии в виде отдельных фраз, заметок, конспектов. После смерти А. А. Брусилова вдова его дала этот материал в обработку трем лицам: В. Н. Готовскому, Анд. Евг. Снесареву и своему родственнику Доливо-Добровольскому.

Дирижировала этим ансамблем сама Н. В. Брусилова… Обработано все должно было быть для заграницы в духе «твердолобых» Англии и монархистов Германии. Н. В. Брусилова обещала при благополучном окончании всего дела уплатить вышеупомянутым лицам известный процент с предполагавшейся крупной получки, что и соблазнило всех. В. Н. Готовский смеется, что с Н. В. Брусиловой можно иметь дело только за большие деньги, т. к. она прямо говорила в таком духе: я, мол, и без вас, дураков, сумела бы сама все «вспомнить», что хотел выразить Алексей Алексеевич, но мне нужно, чтобы имена, которых военная заграница все-таки немного знает, засвидетельствовали, что это действительно мемуары Ал. Ал. Брусилова… Но в некоторых местах Н. В. Брусилова диктовала нам со слов Брусилова такой военный абсурд, что мы сами понимали свою роль», – говорит В. Н. Готовский.

В 1930 году жена Брусилова выехала на жительство в Чехословакию. Предполагается, что там она сдала рукопись в «Русский исторический заграничный архив» в Праге, о чем в инвентарной книге архива имеется запись от 25 октября 1932 года, откуда во время войны рукопись была вывезена немцами.

Следует сказать, что проводивший в 1948 году графическую экспертизу рукописи эксперт Комаринец Б. М. и давший заключение о том, что рукопись написана рукой Брусилова А. А., в своем объяснении сообщил, что при проведении экспертизы им была допущена ошибка в связи с неблагоприятными условиями проведения экспертизы. [В письменном объяснении, которое Борис Максимович Комаринец дал 30 июня 1962 года, сказано: «Причинами моей экспертной ошибки в 1948 году послужило то, что на исследование была представлена не вся рукопись, а только два ее листа и малое количество образцов почерка А. А. Брусилова… отсутствовали образцы других возможных исполнителей рукописи (в частности, Н. Брусиловой), очень сжатые сроки на производство экспертизы»…

Биографический указатель

Адриади Август-Карл-Михаил Михайлович (1859–1940)

Родился 29 августа 1859 г. Лютеранин. Из дворян. Получил домашнее образование. В 1879 году он окончил Николаевское инженерное училище, в 1888 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил в должностях: штаб-офицер при управлении 56-й пехотной резервной бригады (10.02.1894-04.12.1899), начальник штаба 35-й пехотной дивизии (04.12.1899-19.03.1903), командир 98-го пехотного Юрьевского полка (19.03.1903-18.07.1905).

Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. Был контужен. За боевые отличия произведен в генерал-майоры.

Затем состоял в прикомандировании к Главному штабу (18.07.1905-03.10.1906), являлся членом Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны (03.10.1906-29.12.1909). С начала 1910 г. по 2 апреля 1914 г. – начальник штаба 12-го армейского корпуса (29.12.1909-02.04.1914), генерал-лейтенант.

Назначен начальником 27-й пехотной дивизии (02.04.1914-02.02.1915).

Участник Первой мировой войны. Дивизия принимала участие в походе в Восточную Пруссию, в боях при Сталлупенене 04 (17).08.1914 г. и Гумбиннене 07 (20).08.1914 г., где сыграла решающую роль в благоприятном для русской стороны исходе боя.

26.10.1914 г. – распоряжением командира 3-го армейского корпуса генерала Епанчина, в состав которого входила дивизия Адриади, был отрешен от командования дивизией по причине отказа в исполнении полученного приказания штаба корпуса. После краткого расследования инцидента, которое было поручено командующим 10-й армией генералом Сиверсом коменданту крепости Ковно генералу Григорьеву, было возбуждено дело о предании Адриади суду по ряду статей. Он был выведен в резерв чинов при штабе Двинского Военного Округа, и ему было предложено подать прошение об увольнении от службы.

24 января 1915 г. Адриади подал в отставку и был уволен от службы без мундира. Но в конце октября 1915 г. военно-окружной суд Двинского военного округа признал Адриади невиновным в предъявленных ему обвинениях. После этого он подал прошение о возвращении его на службу, утверждая, что был уволен несправедливо, а расследование по его делу проводилось

формально и пристрастно. Однако из-за крайне скверной аттестации, которую дал Адриади при увольнении со службы генерал Сиверс, в возвращении его на службу было отказано, хотя право ношения мундира было ему возвращено.

С 1918 года Адриади служил в РККА. Затем эмигрировал. К декабрю 1926 г. он находился в эмиграции в Финляндии, проживая в городе Гельсингфорсе. Затем жил во Франции. Умер в Перро сюр Марн 15 ноября 1940 г.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918)

Окончил военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., русско-японской войны 1904–1905 гг. Во время последней был генерал-квартирмейстером штаба 3-й Маньчжурской армии. С 1905 г. – 1-й обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба. С 1908 г. – начальник штаба Киевского военного округа, генерал от инфантерии.

С начала Первой мировой войны – начальник штаба Юго-Западного фронта. С марта по август 1915 г. – командующий Северо-Западным фронтом. С августа 1915 г. по март 1917 г. – начальник штаба Верховного главнокомандующего. Март – май 1917 г. – Верховный главнокомандующий, затем в распоряжении Ставки. С декабря 1918 г. – на Дону. Организатор Добровольческой армии. Умер в сентябре 1918 г.

Буденный Семен Михайлович (1883–1973)

Родился на хуторе Козюрин Ставропольской губернии. Участник русско-японской и Первой мировой войн, старший унтер-офицер, награжден четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя медалями.

С февраля 1918 г. – командир конного революционного отряда, затем помощник командира кавалерийского полка, кавалерийской бригады, сводной кавалерийской дивизии. С марта 1919 г. – в партии большевиков, начальник 4-й кавалерийской дивизии, с июня – командир 1-го Конного корпуса. Участник Воронежской операции, ряда сражений на Кавказе и Дону. С ноября 1919 г. по октябрь 1923 г. – командующий 1-й Конной армией. «Лихой и дерзкий, но расчетливый и очень заботливый военачальник. Кавалерист высшего класса, способный организатор, мастерски руководит войсками в операции, правильно определял свое место на поле боя», – писал о нем М. В. Фрунзе.

В последующие годы – помощник Главкома РККА по кавалерии, член РВС Советской республики, инспектор кавалерии РККА. В 1932 г. окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. С 1935 г. – Маршал Советского Союза, с 1937 года командующий войсками Московского военного округа, член Главного военного совета НКО СССР. В 1939 г. назначен заместителем, в августе 1940 г. – первым заместителем Народного комиссара обороны. Активно участвовал в подготовке советских войск к предстоящим боевым действиям, руководя рядом учений и маневров.

С начала Великой Отечественной войны – член Ставки ВГК, командующий группой войск армий резерва, затем главнокомандующий войсками Юго-Западного направления, командующий Резервным фронтом, главнокомандующий войсками Северо-Кавказского направления, командующий войсками Северо-Кавказского фронта. По оценке Ставки ВГК, руководство войсками осуществлял недостаточно профессионально. С января 1943 г. – командующий кавалерией Красной Армии. В 1947–1953 гг. одновременно заместитель министра сельского хозяйства по коневодству. С мая 1953 г. – инспектор кавалерии, с 1954 г. – в распоряжении министра обороны СССР. В том же году уволен в почетную отставку – назначен в состав Группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

Трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968), кавалер пятнадцати орденов СССР, десяти иностранных орденов. Автор

работы «Основы тактики конных соединений» (1938), ряда произведений мемуарного характера. Депутат Верховного Совета СССР восьми созывов. С 1938 г. – член Президиума Верховного Совета.

Скончался 26 октября 1973 г. в Москве. Прах погребен в Кремлевской стене.

Гурко Василий Иосифович (1864–1937)

Выпускник Пажеского корпуса. Участник англо-бурской и русско-японской войн. Во время последней командовал бригадой, генерал-майор. С 1911 г. – командир кавалерийской дивизии, с которой вступил в Первую мировую войну. С ноября 1914 г. – командир армейского корпуса, с декабря 1915 г. – командующий армией. С ноября 1916 г. по февраль 1917 г. исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего. С апреля 1917 г. командующий Западным фронтом, но в мае снят с этой должности. В июле арестован по приказу Временного правительства за переписку с Николаем II. В сентябре уволен со службы и выслан за границу. В 1919 г. отказался возглавить белое движение на Северо-Западе России.

Гутор Алексей Евгеньевич (1868–1938)

Участник русско-японской войны. С 1913 г. – начальник штаба Казанского военного округа. С началом Первой мировой войны – начальник штаба 4-й армии, генерал-лейтенант. С апреля 1915 г. – командир пехотной дивизии, с марта 1916 г. – командир 6-го армейского корпуса, с апреля 1917 г. – командующий 11-й армией, с мая 1917 г. – командующий Юго-Западным фронтом. В июле 1917 г. отчислен в распоряжение Верховного главнокомандующего. С октября – в резерве. С августа 1918 г. – в РККА, председатель Уставной комиссии. В мае – сентябре 1920 г. – член Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Республики. С августа 1920 г. – помощник главнокомандующего по Сибири. С марта 1922 г. – на преподавательской работе, преподавал стратегию в Академии Генерального штаба РККА (с 1925 г. – Военная академия имени М. В. Фрунзе). С 1931 г. по делу «Весна», в котором были обвинены некоторые преподаватели академии, отправлен в отставку. Арестован в 1938 г., расстрелян.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926)

Родился в имении Дзержинково Минской губернии в обедневшей дворянской семье. Учился в Виленской гимназии. В 1894 г., будучи гимназистом 7-го класса, вошел в социал-демократический кружок. В 1895 г. вступил в «Литовскую социал-демократию», вел кружок среди рабочих, получил от них имя «Яцек». В начале 1897 г. социал-демократические организации направили Дзержинского в Ковно для налаживания революционной работы среди промышленных рабочих. Здесь Дзержинский был арестован и сослан на три года в Вятскую тюрьму. В августе 1899 г. бежал из ссылки и возвратился в Вильно, где резко выступал против национализма литовской социал-демократии. В то же время подпольно работает в Варшаве под псевдонимами «Астроном» и «Франек».

В феврале 1900 г. вновь был арестован, сидел в тюрьме и в 1902 г. выслан на пять лет в Восточную Сибирь. Но по дороге бежал и эмигрировал за границу. Здесь он принимал участие в работе партийной конференции социал-демократии Польши и Литвы. До января 1905 г. выезжал в Польшу для подпольной работы, а затем окончательно переехал туда в качестве члена Главного управления социал-демократии Польши и Литвы.

В 1906 г. Дзержинский был делегирован на Стокгольмский съезд РСДРП в ЦК партии как представитель социал-демократии Польши и Литвы. В течение 1907–1914 гг. неоднократно арестовывался и бежал из мест заключения. С 1914 г. – на каторге. После победы Февральской революции 1917 г. был освобожден, избран членом Московского Комитета РСДРП (б), Исполнительного Комитета Московского Совета. В период подготовки и проведения Октябрьской революции являлся членом Военно-революционного партийного центра и Петроградского Военно-революционного комитета.

В декабре 1917 г. назначается председателем Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), с марта 1919 г. – народным комиссаром внутренних дел (НКВД) и одновременно председателем ВЧК. Провел огромную работу по разоблачению и разгрому антисоветских заговоров и мятежей. В годы Гражданской войны выполнял ответственные задания ЦК партии большевиков. В 1921 г. назначен народным комиссаром путей сообщения с оставлением на прежних постах (ВЧК и НКВД).

В 1922–1926 гг. – Председатель Государственного Политического Управления (ГПУ), Объединенного Главного Политического Управления (ОГПУ), с одновременным пребыванием на посту Председателя Высшего Совета народного хозяйства СССР. Наряду с государственной деятельностью руководил борьбой с бандитизмом на Украине, возглавлял борьбу с детской беспризорностью, организовал разработку конкретных мер по усилению охраны государственной границы страны. Член ЦК, член Организационного бюро ЦК, кандидат в члены Политического бюро ЦК большевистской партии. Делегат I–III конгрессов Коммунистического Интернационала. Член Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР. По отзывам современников, фанатичный и нередко жестокий, Дзержинский способствовал созданию разветвленной системы террора и подавления инакомыслия. С 1922 г. – активный сторонник Сталина. Председатель комиссии ЦИК СССР по организации похорон В. И. Ленина.

Скончался от сердечного приступа 20 июля 1926 г. Похоронен в Москве на Красной площади у Кремлевской стены.

Зайончковский Андрей Медардович (1865–1926)

Окончил в 1888 г. академию Генерального штаба, служил на командных и штабных должностях. В русско-японскую войну командовал пехотным полком, затем бригадой. В начале Первой мировой войны был начальником 37-й пехотной дивизии 18-го корпуса (Юго-Западный фронт), затем командовал 30-м корпусом. После Октябрьской революции вступил в Красную Армию. Летом 1919 г. в качестве начальника штаба 13-й армии участвовал на Южном фронте в борьбе против Деникина. По окончании Гражданской войны – профессор Военной академии РККА. Автор военно-исторических трудов «Оборона Севастополя. Подвиги защитников» (1898), «Восточная война 1853–1856 гг.» (1908–1913), «Мировая война 1914–1918 гг.» (1924) и других.

Иванов Николай Иудович (1851–1919)

С 1880 г. – начальник кронштадтской крепостной артиллерии. Участник Китайского похода 1900–1901 гг. Участник русско-японской войны, командовал Восточным отрядом и 3-м Сибирским армейским корпусом. С 1906 г. – временный военный губернатор Кронштадта, с 1907 г. – главный начальник Кронштадта. С 1908 г. – командующий войсками Киевского военного округа, генерал от артиллерии. С июня 1914 г. по март 1916 г. – командующий Юго-Западным фронтом. В последующем состоял при особе императора и был членом Государственного Совета. В феврале – марте 1917 г. руководил войсками Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями. С марта 1917 г. – в отставке.

13 марта по приказу Временного правительства был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В начале апреля, ожидая суда, он обратился с покаянным письмом к военному министру Временного правительства А. И. Гучкову, в котором всячески стремился представить себя случайной жертвой контрреволюционной политики Николая II. Летом 1917 г. по приказу главы Временного правительства А. Ф. Керенского был освобожден из крепости и уехал в Киев.

Весной 1918 г., опасаясь преследования большевиков, он выехал на Дон и поселился в Новочеркасске. Занимался формированием Южной армии, которая должна была стать своеобразным буфером между большевистским центром и казачьим Доном. Вооружение и оснащение этого объединения брало на себя германское командование. Последнее обстоятельство стало главной причиной того, что командующий Добровольческой армией генерал А. И. Деникин и его сторонники решительно отказались сотрудничать с Южной армией. Кроме того, формирование шло крайне медленно, и в итоге вместо боеспособной армии получилась полуанархическая организация, мало отвечавшая своей цели. С осени 1918 г. начал сильно болеть. В начале 1919 г. Иванова не стало.

Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936)

Родился в Киеве в семье военного инженера, полковника артиллерии Сергея Ивановича Каменева. В 1898 г. окончил Киевский кадетский корпус, в 1900 г. – Александровское училище, в 1907 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил в 165-м Луцком пехотном полку, во 2-й кавалерийской дивизии, в управлении Виленского военного округа.

Участник Первой мировой войны: начальник оперативного отдела 1-й армии, командир 30-го пехотного Полтавского полка, начальник штаба 15-го стрелкового корпуса, полковник. Отличился в боях под Инстербургом и Полоцком. Награжден тремя боевыми орденами.

С ноября 1917 г. – начальник штаба 3-й армии, военный руководитель Невельского укрепленного района, командир 17-й пехотной дивизии. С августа 1918 г. – в РККА. Военный руководитель Западной завесы (типа фронта), с сентября – командующий войсками Восточного фронта.

В июле 1919 г. Сергей Сергеевич назначен главнокомандующим «всеми вооруженными силами Республики». На этом посту находился до апреля 1924 г. Под его руководством разрабатывались операции Южного фронта против войск Деникина и Врангеля, Северо-Западного фронта против войск Юденича, советско-польской войны, против басмачества в Туркестане, проводится демобилизация Красной Армии и перестройка ее на мирное время.

За умелое руководство боевыми действиями на фронтах Гражданской войны С. С. Каменев в 1919 г. награжден Золотым оружием и орденом Красного Знамени, в 1920 г. – орденами Красного Знамени, Бухарской Звезды 1-й степени, в 1921 г. – почетным огнестрельным оружием, орденом Красного Знамени, в 1922 г. – Военным орденом Хорезмской республики.

С апреля 1924 г. – инспектор РККА. В марте следующего года назначен начальником Штаба РККА. В 1925–1926 гг. – главный инспектор, начальник Главного управления РККА, главный руководитель цикла тактики в Военной академии имени М. В. Фрунзе. 20 мая 1927 г. был назначен заместителем народного комиссара обороны (по военным и морским делам) и заместителем Председателя Революционного Военного Совета СССР. С июня 1934 г. начальник Главного управления противовоздушной обороны страны. В январе 1935 г. удостоен воинского звания «командарм 1 ранга». Член ВЦИК СССР.

Скончался 25 августа 1936 г. в Москве. Его прах захоронен в Кремлевской стене. Уже после смерти был обвинен в участии в военно-фашистском заговоре, и его имя предано «анафеме». После смерти И. В. Сталина реабилитирован.

Ломновский Петр Николаевич (1870–1956)

Окончил Тифлисский кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище (1891) и Николаевскую военную академию (1898). 13 мая 1899 г. назначен помощником старшего адъютанта штаба Закаспийской области, а 7 августа 1899 г. штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса. С 22 сентября 1901 года старший адъютант штаба Приамурского военного округа, с 25 декабря 1903 г. – штаб-офицер при управлении 8-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, с 24 февраля 1904 г. – начальник штаба 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Участник русско-японской войны. Вначале назначен на должность старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии. С 5 августа 1905 г. стал штаб-офицером для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем на Дальнем Востоке. За отличия на войне награждён Золотым оружием.

С 27 марта 1906 г. – начальник штаба 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, с 2 ноября 1908 г. – командир 24-го Сибирского стрелкового полка, с 21 августа 1912 г. – генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа.

Во время Первой мировой войны – начальник штаба 8-й армии генерала А. А. Брусилова. В сентябре 1914 г. награжден орденом Святого Георгия (4-й ст.). С 17 июля 1915 г. – командир 15-й пехотной дивизии, с 7 апреля 1917 года – командир 8-го армейского корпуса. С 12 июля 1917 г. – командующий 10-й армией Западного фронта, но из-за того, что это назначение совершилось всего за несколько дней до готовившегося наступления, в котором 10-й армии отводилась главная роль, Ломновский не успел ее тщательным образом подготовить. Несмотря на это, 22 июля Ломновский развернул наступление армии, оказавшееся неудачным, потери составили 6000–7000 убитыми. 9 сентября 1917 г. отстранен от командования 10-й армией, переведясь в резерв чинов при штабе Киевского военного округа.

После Октябрьской революции переехал на Дон, где попросился в Добровольческую армию. В начале 1918 г. был назначен ее представителем при гетмане Украины П. П. Скоропадском. В 1919 г. эмигрировал в Софию (Болгария), затем переехал в Ниццу (Франция), где умер 2 марта 1956 г.

Леш Леонтий Вильгельмович (1862–1934)

Родился в семье тайного советника. Обучался в пансионе Пажеского корпуса. В 1880 г. окончил Киевское военное училище, в 1888 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. Проходил службу в Одесском военном округе старшим адъютантом штаба пехотной дивизии, командиром батальона, начальником штаба пехотной дивизии, помощником командира пехотного полка, командиром полка. С 1896 г. начальник отдела Главного штаба, генерал-майор. В мае 1900 г. командирован в Китай в распоряжение адмирала Е. И. Алексеева. Принял участие в организации и проведении Тяньцзинской операции, в ходе которой был разбит 30-тысячный отряд восставших. В последующем – начальник штаба корпуса генерала Н. П. Линевича, наступавшего на Пекин и взявшего его штурмом на рассвете 1 августа. В отряде генерала В. В. Сахарова деблокировал Харбин, исполнял обязанности военного коменданта города. За кампанию в Китае награжден орденом Святого Владимира 3-й степени и Золотым оружием. С января 1904 г. командир бригады 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Во главе ее вступил в русско-японскую войну. Хорошо зарекомендовал себя в сражениях под Шахэ и Сандепу. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. С 1907 г. начальник 2-й Финской стрелковой дивизии, с 1908 г. – начальник гвардейской стрелковой дивизии, генерал-лейтенант. С 1910 г. – командир 1-го Туркестанского корпуса, с 1913 г. – начальник Закаспийской области и одновременно командир 2-го Туркестанского корпуса.

С начала Первой мировой войны – командир XII армейского корпуса в составе 8-й армии генерала А. А. Брусилова Юго-Западного фронта. Умело руководил войсками в сражениях под Злочувом и Гнилой Липой, под Рава-Русской и Львовом. Награжден орденом Святой Анны 1-й степени с мечами, 22 января 1915 г. произведен в генералы от инфантерии, а в феврале награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

7 мая 1915 г. назначен командующим 3-й армией вместо генерала Р. Д. Радко-Дмитриева. Участник сражений под Красноставом, оборонительных боев на Варшавских позициях и под Брест-Литовском, отхода в Полесье, перехода к обороне на рубеже реки Шаре, Огинский канал. В кампании 1916 г. армия действовала в составе Западного фронта, ведя боевые действия на Барановичском направлении, с лета – в составе Юго-Западного фронта на его правом фланге. Участвовал в июньском наступлении этого фронта, получившем название Брусиловского

прорыва. В конце августа 1916 г. по приказу командующего фронтом произвел неудачное наступление на Червищенском плацдарме.

В марте 1917 г. уволен Временным правительством в отставку и зачислен в резерв штаба Минского военного округа. Позже подал в отставку и выехал на Украину, а после октябрьских событий – в эмиграцию. Умер в сентябре 1934 г. в городе Дубровник (Югославия).

Лечицкий Платон Алексеевич (1856–1923)

Родился в Варшаве, где его отец занимал в то время должность военного коменданта. В 1879 г. закончил Варшавское пехотное училище, в 1884 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. В последующем занимал должности адъютанта старшего, начальника штаба дивизии, командира отдельного батальона, помощника начальника штаба армейского корпуса в Киевском и Варшавском военных округах.

Во время русско-японской войны – командир 24-го Сибирского полка. Участвовал в бою под Тюренченом, у Цзинь-Чжоу. Отличился в сражении под Ляояном умелым руководством подчиненными, мужественным поведением на поле боя. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В бою под Сандепу возглавлял сводный отряд из трех полков, нанес поражение превосходящему по силам противнику. Награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. В сражении под Мукденом исполнял обязанности командира 72-й дивизии – резерва 1-й Маньчжурской армии. Произведен в генерал-майоры, отмечен Золотым оружием с надписью «За храбрость». С февраля 1906 г. – начальник отдела, спустя два года – начальник управления Генерального (Главного) штаба. В 1910 г. назначен командующим войсками Приамурского военного округа с присвоением звания генерал-лейтенанта.

С началом Первой мировой войны – командующий 9-й армией, с августа 1914 г. – генерал от инфантерии. Действуя в составе Юго-Западного фронта, армия приняла участие в Галицийской битве, нанеся поражение соединениям 10-го австро-венгерского корпуса. За умелое руководство войсками в Варшаво-Ивангородской операции награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Перегруппированная на ивангородское направление, армия, закрепившись по реке Сан, частью сил участвовала в овладении Кельце. Успешно решала она задачи в Карпатской наступательной операции, в результате чего VII австро-венгерская армия отброшена за реку Прут. Участие армии в летней наступательной операции 1916 г. отмечено награждением ее командующего орденом Святого Александра Невского.

11 марта 1917 г. назначен командующим войсками Западного фронта. Но 10 мая того же года уволен Временным правительством в отставку. Более года проживал в имении близ Ростова Ярославской губернии. С мая 1918 г. призван в РККА, военный специалист штаба Петроградского военного округа. В 1920–1921 гг. преподавал тактику и военную администрацию в

Военной академии РККА. В 1922 г. без объяснения причин был арестован ВЧК и доставлен в Москву. Содержался в тюрьме, где и умер 18 февраля 1923 г.

Орлов Николай Александрович (1855 —?)

Окончил Михайловское артиллерийское училище. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., 26 декабря 1877 г. за отличие был произведён в штабс-капитаны и в 1878 г. награждён орденом Святого Станислава 3-й степени.

В 1881 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба, был назначен на службу в Петербургский военный округ. Занимал должности старшего адъютанта штаба 1-го армейского корпуса, с 1882 г. – старшего адъютанта штаба гвардейского корпуса. Одновременно преподавал в Павловском военном училище и Пажеском корпусе и входил в состав редакции «Энциклопедии военных и морских наук». С октября 1884 г. – в канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба. 4 июня 1892 г. полковник Н. А. Орлов был назначен экстраординарным, а затем ординарным профессором Николаевской академии Генерального штаба; ординарным профессором той же академии назначен 15 декабря 1894 г.

С 5 августа 1900 г. назначен командующим Забайкальской казачьей пешей бригадой, генерал-майор. Участвовал в походе 1900 г. при усмирении беспорядков в Китае в качестве начальника Хайларского отряда. Получил Высочайший выговор за неисполнение возложенного на него поручения по устройству этапной линии между Цицикаром и Хайларом (вместо этого Орлов двинул свой отряд к Гирину вслед отряду генерала Ренненкампфа). Затем до 21 сентября 1904 г. командовал 51-й пехотной резервной бригадой и 54-й пехотной дивизией.

Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. С 21 октября 1904 – по 11 января 1906 г. находился в распоряжении Главнокомандующего на Дальнем Востоке, в ноябре 1904 г. исполнял дела дежурного генерала 1-й Маньчжурской армии. 25 сентября 1905 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Во время военных действий был ранен и контужен.

11 января 1906 г. назначен начальником 3-й пехотной дивизии, с 22 сентября 1910 г. командовал 12-й пехотной дивизией.

С начала Первой мировой войны – командир 8-го армейского корпуса, 6 декабря 1914 г. произведен в генералы от инфантерии (со старшинством от 30 августа). 10 ноября 1914 г. награжден Золотым оружием «За храбрость». С 16 декабря 1914 г. числится в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. 7 мая 1915 г. уволен со службы по болезни. Точная дата смерти неизвестна, согласно справочнику «Весь Петербург» за 1917 г.,

генерал от инфантерии Н. А. Орлов все еще числится проживающим по адресу ул. Лиговская, 44.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940)

Родился в селе Яновка Херсонской губернии, где отец арендовал несколько сот десятин земли. Образование получил в Одесском реальном училище Св. Павла. Там стал членом полулегальной организации «Русский рабочий Союз». В 1898 г. арестован, приговорен к четырем годам ссылки в Восточную Сибирь. Перед этапированием женился на Александре Львовне Соколовской. В 1900 г., оставив жену и двух дочерей, бежал из ссылки за границу. Участвовал во II съезде РСДРП. В 1903 г. женился вторично на Наталье Николаевне Седовой (1882–1962). Спустя год вернулся в Россию.

Активно участвовал в революционных событиях 1905 г., за что был арестован и приговорен «на вечное поселение». По пути в ссылку бежал. В эмиграции проживал в Англии, Австрии, Франции, США, Канаде. Окончил юридический факультет Венского университета.

Как только разразилась Февральская 1917 года революция в России, возвратился в Европу. По дороге в Галифаксе (Канада) английские военно-политические власти задержали его на основании «черных списков», составленных русскими охранно-дипломатическими агентами. Но по требованию Временного правительства России был освобожден и прибыл в Петроград в мае 1917 г. Здесь он примкнул к организации объединенных социал-демократов-интернационалистов. Отношение этой организации к большевикам было вполне дружественным.

В июле 1917 г. на VI съезде РСДРП (б) Троцкий формально переходит к большевикам. Переход происходил, однако, с некоторыми колебаниями. Тем не менее он принимает самое деятельное участие в подготовке вооруженного восстания и установлении советской власти.

В октябре 1917 г. Троцкий играет руководящую роль в Петроградском Военно-революционном комитете, организующем вооруженное восстание. «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого, – писал И. В. Сталин в статье газеты «Правда» «Роль наиболее выдающихся деятелей партии». – Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому».

После победы советской власти Лев Давидович становится Народным комиссаром (наркомом) по иностранным делам и едет в Брест для мирных переговоров с Германией, но отказывается подписать мирное соглашение. В дальнейшем Троцкий занимал посты наркома путей сообщения, наркома по военным и морским делам и, наконец, назначается Председателем Революционного Военного Совета Республики. После создания Наркомата по военным и морским делам СССР Троцкий 6 июля 1923 г. стал наркомом и одновременно председателем РВС СССР. В сентябре 1923 г. – мае 1924 г. – член Оргбюро ЦК. Осенью 1923 г. возглавил левую оппозицию в ВКП (б). В «Письме к съезду» В. И. Ленин так характеризовал Льва Давидовича: «Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающийся самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

В 1924 г. вышел сборник статей Троцкого с его предисловием «Уроки октября». В нем подвергалась пересмотру вся большевистская концепция революции. В основу своей платформы он включил гипотезу перманентной (непрерывной) революции, одной из составляющих которой было положение о невозможности победы социализма в одной стране. Из него вытекали и дальнейшие выводы: о роли профессиональных организаций и задачах Коминтерна на Западе и Востоке, о роли и значении партии, об аппарате партии и ее руководящих органах, о демократии. Это и привело в конечном итоге к образованию специфического течения в партии – троцкизма, который ЦК большевиков определил как мелкобуржуазный уклон в большевистской партии.

В 1927 г. исключен из ВКП (б), выслан в Алма-Ату, а в 1929 г. – из Советского Союза. В 1932 г. лишен советского гражданства. Проживал в Турции, затем во Франции, Норвегии, Мексике. За рубежом вел большую публицистическую деятельность, создал 4-й «троцкистский» Интернационал. Многочисленные труды Троцкого вошли в собрание его сочинений, впервые опубликованное в СССР в 20-х годах.

Убит коммунистом-экстремистом Р. Меркадером 21 августа 1940 г. в Мексике (в городе Мехико).

Сахаров Владимир Викторович (1853–1920)

Родился в Санкт-Петербурге. В 1871 г. окончил 1-е Павловское училище. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – старший офицер штаба Дунайской армии, начальник штаба пехотной дивизии, командир отряда, помощник начальника штаба армейского корпуса. После войны работал в различных учебных заведениях. С 1891 г. – начальник штаба пехотной дивизии, затем – начальник штаба Кронштадтской крепости. С 1893 г. – командир драгунского Владимирского полка, с 1987 г. – начальник штаба корпуса.

Участник подавления восстания «боксеров» в Китае в 1900–1901 гг. Командовал войсками в Северной Маньчжурии, за боевые отличия награжден Золотым оружием. С февраля 1901 г. – начальник Заамурского отряда пограничной стражи, затем – начальник кавалерийской дивизии.

Участник русско-японской войны, начальник полевого штаба Маньчжурской армии, а после сражения у Шахе – начальник штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. Но доверием генерала А. Н. Куропаткина не пользовался. После Мукденского сражения снят с поста и назначен начальником Александровского комитета о раненых.

С 1906 г. – командир 7-го армейского корпуса, генерал от кавалерии, с декабря 1912 г. – командир 11-го армейского корпуса.

В 1914 г. участвовал в Галицийской битве. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. С октября 1915 г. – командующий 11-й армией Юго-Западного фронта, оборонявшейся на Жмеринском направлении. В наступательной операции фронта в мае – июне 1916 г. армия осуществляла прорыв на Дубно, Броды, Злычев. «Генерал Сахаров, – отмечал А. А. Брусилов, – умело руководил войсками при прорыве обороны противника и в дни Коломейского сражения, отражая натиск превосходящих сил противника, а также при нанесении удара на Ковель, в результате которого была отброшена группа Морвица сперва за Стырь, затем за Липу, разгромлены 46-я и 61-я австро-венгерские дивизии, захвачено в плен более 800 офицеров и 27 487 нижних чинов, более 150 орудий». Достигнут был успех и в сражении под Бродами, где армия взяла в плен 216 офицеров и 13 569 солдат противника, к исходу 16 июля овладела городом. В сражении при Заложице, начавшемся в ночь на 23 июля, был разгромлен венгерский 4-й армейский корпус. Трофеями стало

около ста орудий, более 14 000 пленных. Награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

С сентября 1916 г. – командующий Дунайской армией, затем помощник командующего войсками Румынского фронта (главнокомандующим номинально был король Фердинанд). Руководил оборонительными действиями на рубеже Рымник, Серет, Дубруджа, где положение к концу декабря стабилизировалось. В марте 1917 г. уволен Временным правительством в отставку. Проживал в Крыму. В августе 1920 г. был захвачен «зелеными» и расстрелян.

Селиванов Андрей Николаевич (1847–1915)

Образование получил в Александровским сиротском институте и Михайловском артиллерийском училище. В 1866 г. произведен в офицеры и назначен в артиллерийскую бригаду. Но в следующем году по какой-то причине вышел в отставку. Но в 1870 г. вновь вернулся на военную службу. В 1878 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба.

Участник русско-турецкой войны, старший адъютант штаба 12-й кавалерийской дивизии. После окончания войны – на штабных должностях, в том числе в Главном штабе. С 1889 г. – начальник штаба кавалерийской дивизии, с 1893 г. – командир полка, с 1895 г. – окружной генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа, с 1901 г. – начальник пехотной дивизии.

Участник русско-японской войны. За боевые отличия в должности начальника 37-й пехотной дивизии награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Золотым оружием. С августа 1905 г. – командир 2-го сводного стрелкового корпуса. С 1906 г. назначен командующим Иркутским военным округом, генерал от инфантерии.

Во время Первой мировой войны, в октябре 1914 г., назначен командующим Блокадной (позже переименованной в 11-ю) армией, которая вела осаду крепости Перемышль. В феврале 1915 г. ночной атакой войска армии захватили некоторые укрепления на подступах к крепости. Ее гарнизон, который страдал от отсутствия продовольствия, в марте предпринял попытку прорыва, которая была ликвидирована. Русские войска взяли около 4 тысяч пленных солдат и офицеров противника. В конце марта 1915 г. Перемышль капитулировал. В плен сдалось 9 генералов, более 2300 офицеров, почти 112 тысяч нижних чинов. Было захвачено свыше 900 орудий, большие запасы снарядов и боеприпасов, другое военное имущество. А. Н. Селиванов был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

После падения Перемышля Осадная армия была расформирована, а в составе Юго-Западного фронта началось формирование новой, 11-й полевой армии. Ее командование было решено поручить А. Н. Селиванову. Однако из-за болезни в апреле 1915 г. он подал в отставку и был назначен членом Государственного совета. Скончался 15 июля 1915 г.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925)

Родился в городе Пишпек (Киргизия) в семье военного фельдшера. Окончил реальное училище, учился в Петербургском политехническом институте. С 1904 г. член РСДРП. За революционную деятельность неоднократно подвергался репрессиям.

В 1916 г. направлен большевистской партией на Западный фронт, где под фамилией Михайлов работал в учреждениях Земского союза, возглавляя большевистское подполье в Минске. После Февральской революции избран начальником народной милиции Минска. В августе 1917 г. в качестве начальника штаба революционных войск Минского района возглавил борьбу с корниловщиной на Западном фронте.

В октябре с двухтысячным отрядом шуйских рабочих и солдат участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в Москве. С августа 1918 г. военный комиссар Ярославского военного округа. Проделал большую работу по формированию отрядов Красной Армии и их подготовке. Организатор подавления ряда мятежей.

В феврале – начале 1919 г. командующий 4-й армией, в мае – июне 1919 г. – Туркестанской армией, а с марта 1919 г. одновременно командующий Южной группой армий Восточного фронта. Во время контрнаступления Восточного фронта провел ряд успешных наступательных операций против главных сил Колчака, за что был награжден орденом Красного Знамени. С июля 1919 г. командовал войсками Восточного фронта, освободившими Северный и Средний Урал, а с 15 августа 1919 г. – Туркестанским фронтом, войска которого завершили разгром южной группы колчаковской армии, овладели Южным Уралом и открыли путь в Туркестан.

21 сентября 1920 г. назначен командующим вновь созданным Южным фронтом и руководил операцией по разгрому войск Врангеля в Северной Таврии и Крыму, за что награжден Почетным революционным оружием.

С декабря 1920 г. по март 1924 г. Михаил Васильевич – уполномоченный РВСР на Украине, командующий войсками Украины и Крыма, одновременно член Политбюро ЦК КП (б) У и заместитель председателя СНК УССР (с февраля 1922 г.). За разгром войск Врангеля, Петлюры и ликвидацию бандитизма на Украине награжден вторым орденом Красного Знамени.

С марта 1924 г. – заместитель председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам, а с апреля 1924 г. – одновременно начальник Штаба РККА и начальник Военной

академии РККА (в последующем имени М. В. Фрунзе). С января 1925 г. – председатель РВС СССР и народный комиссар по военным и морским делам.

Скончался 31 октября 1925 г… Похоронен в Москве на Красной площади.

Цуриков Афанасий Андреевич (1858–1922)

Образование получил в Орловской Бахтина военной гимназии, в Николаевском кавалерийском училище, которое окончил в 1876 г. Участник русско-турецкой войны. Награжден орденами Святой Анны 4-й и Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

В 1883 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил в штабах Харьковского и Варшавского военных округов. Командовал эскадроном. В 1893 г. назначен начальником штаба дивизии, но вскоре переведен командиром драгунского Черниговского полка, с 1901 г. – командир бригады, с 1902 г. – начальник штаба корпуса.

Участник русско-японской войны, начальник штаба 10-го армейского корпуса. Награжден орденами Святого Станислава 1-й степени с мечами, Святой Анны 1-й степени с мечами и Золотым оружием.

В 1906 г. назначен в Главный штаб, а со следующего года состоял при генерал-инспекторе кавалерии великом князе Николае Николаевиче. С 1907 г. – начальник дивизии, с января 1914 г. – командир 24-го армейского корпуса, генерал от кавалерии.

В Первую мировую войну корпус вошел в состав 8-й армии генерала А. А. Брусилова. 20 августа войска корпуса взяли Галич. Но затем вели бои с переменным успехом. За бои в Карпатах награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Но боевые действия в этом регионе в 1915 и 1916 годах успеха русским войскам не принесли.

В декабре 1916 г. назначен командующим 6-й армией, войска которой были переброшены на румынский фронт. После Февральской революции сохранил свой пост. Во время выступления генерала Л. Г. Корнилова А. А. Цуриков остался верен Временному правительству. Однако войска быстро разлагались. Осенью войска армии начали «братание» с противником, отказались участвовать в военных действиях, зато солдаты участвовали в погромах и грабежах местных помещиков.

После Октябрьской революции А. А. Цуриков оставался на своем посту. Но в середине декабря 1917 г. войска Центральной рады при поддержке румынского командования установили контроль над штабом армии, фактически отстранив командующего от управления войсками.

С декабря 1917 г. – в отставке. Жил в Одессе, крайне нуждался, зарабатывал на жизнь шитьем сапог. С 1920 г. служил в

РККА, член Особого совещания при Главнокомандующем всеми Вооруженными силами Республики. С марта 1921 г. – инспектор кавалерии РККА. Затем – инспектор кавалерии штаба войск Украины и Крыма.

Умер в 1922 г. в Москве.

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932)

Родился в Подмосковье в имении близ Рузы в семье полковника в отставке. В 1875 г. окончил 3-е Александровское военное училище, выпущен подпоручиком в 120-й пехотный Серпуховский полк, в составе которого принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Отличился при осаде Плевны и в сражении при Шейново. В 1881 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Дальнейшую службу проходил в штабе Варшавского военного округа и в Главном штабе. С 1884 г. – командир 121-го пехотного Пензенского полка, спустя год – начальник штаба армейского корпуса. В 1887 г. назначен начальником отдела одного из управлений Генерального штаба с присвоением звания генерал-майора. В 1900 г. – командир дивизии в составе отряда генерала В. В. Сахарова, действовавшего в Маньчжурии против китайских войск, осадивших Харбин и посты Восточно-Китайской железной дороги. За боевые отличия при штурме крепости Сянь-Синь награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. В 1902 г. назначен начальником штаба Киевского военного округа, генерал-лейтенант. В 1907–1912 гг. – начальник Николаевской академии Генерального штаба.

С началом Первой мировой войны – командир 9-го армейского корпуса в составе 3-й армии Юго-Западного фронта. Руководил боевыми действиями в сражении за Львов, оборонительными боями на реке Сана, при штурме Кракова и отражении удара IV австро-венгерской армии у Дунайца. В Карпатской операции – командующий армейской группой войск («Осадной армии»). 18 апреля 1915 г. назначен командующим 2-й армией. В летнем наступлении войск Юго-Западного фронта в кампании 1916 г. возглавил 7-ю армию, которая успешно решила задачу по прорыву обороны противника на язловецком направлении.

С апреля 1917 г. – помощник командующего войсками Румынского фронта короля Фердинанда (фактически командующий войсками фронта). С декабря того же года – командующий войсками Украинского фронта, подчиненного Центральной раде. В феврале 1918 г. заключил перемирие с Германией, дав согласие на ввод румынских войск в Бессарабию. В апреле 1918 г. выехал в Париж, где создал представительство Добровольческой армии. В ноябре 1919 г. возглавил Координационный Комитет в Яссах. С лета 1920 г. снова в

Париже, где введен в состав Русского политического Совета. После возникновения разногласий с Врангелем отошел от политических дел. Скончался во Франции в 1932 г.

Экк Эдуард Владимирович (1851–1937)

Окончил Константиновское военное училище, а в 1876 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны (1877–1878). С 1881 г. – командир полка, командир бригады, начальник штаба армейского корпуса, дежурный генерал штаба Одесского военного округа.

Участник русско-японской войны, командир пехотной дивизии. Участник сражений на р. Шахе и под Мукденом. С 1907 г. – командир Гренадерского корпуса, с 1912 г. – командир 7-го армейского корпуса, генерал-лейтенант. С 1910 г. – генерал от инфантерии.

В годы Первой мировой войны командовал армейскими корпусами. С мая 1917 г. – в отставке. Участник Гражданской войны. С 1919 г. – председатель Военно-полевого суда при штабе главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, с сентября 1920 г. – председатель Высшей комиссии правительственного надзора. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Югославии в 1937 г.

Яхонтов Ростислав Николаевич (1858–1924)

Брат второй жены А. А. Брусилова.

Во время русско-турецкой войны воевал на Кавказе. В качестве вольноопределяющегося командовал кавалерийским взводом, был отмечен знаком ордена Святого Георгия 4-й степени. Участник русско-японской войны.

С 1908 г. временно командовал полком. С 1910 г. – командир Осетинского конного дивизиона. В 1911 г. уволен от службы за болезнью с мундиром и пенсией с зачислением в конное ополчение по Терской области. Вышел в отставку холостяком, в чине полковника. Жил на пенсию в Царских Колодцах на Кавказе, пользуясь любовью сослуживцев и изучая историю и обычаи края. С начала Первой мировой войны полковник Р. Н. Яхонтов состоял при штабе Брусилова: с августа 1914 г. – адъютант командующего 8-й армией, с января 1916 г. – штаб-офицер для поручений при командующем 8-й армией, с мая 1916 г. штаб-офицер для поручений при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта. В мае 1917 г. откомандирован в Ставку, с июня 1917 г. – адъютант Верховного главнокомандующего. С июля 1917 г. – и. о. генерала для поручений при Верховном главнокомандующем. С августа 1917 г. отчислен в резерв чинов при штабе Минского военного округа. С сентября 1917 г. – в отставке по болезни с награждением следующим чином генерал-майора.

После Октябрьской революции остался в Москве. С 1918 г. – в Красной Армии на тыловых должностях. В 1920 г. тяжело заболел от истощения. Чтобы выжить, поступил на советскую службу. Служил в Главном военно-инженерном управлении, затем в Туркпредставительстве по конной части. После сокращения сильно бедствовал.

Умер в начале 1924 г., похоронен в Новодевичьем монастыре.

Публикации А. А. Брусилова:

Брусилов А. А. Об одиночной подготовке всадника и коня в кавалерии//Военный сборник. 1897. № 9.

Брусилов А. А. Роль кавалерии в будущих войнах//Вестник русской конницы. 1906. № 1.

Брусилов А. А. Кавалерийский спорт//Вестник русской конницы. 1906. № 3.

Брусилов А. А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1963.

Литература

Александров Б. Ю. А. А. Брусилов: военная и общественно-политическая деятельность 1877–1924 гг. Автореф. дисс. … канд. ист. наук на сайте Юрия Бахурина «Август 1914-го…».

Базанов Н. Еще раз о Брусилове, брусиловцах и забытой войне//Посев. 2007. № 3. 38–40.

Базанов Н. Жизнь и звездный час генерала Брусилова//Наука России. 2006. № 4. 91–98.

Базанов С. Н Алексей Алексеевич Брусилов. М.: Цейхгауз, 2006.

Ветошников. Операция прорыва на Юго-Западном фронте в 1916 г. М.: Академия Генерального штаба РККА, 1939. 80 с.

Голиков А. Г. Генерал А. А. Брусилов: Страницы жизни и деятельности//Новая и новейшая история. 1998. № 4.

Дистерло Н. А. Офицерская кавалерийская школа. Исторический очерк (1803–1903). СПб., 1909.

Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М.: АСТ, 2003. 896 с. 5000 экз. ISBN 5-271-06895-1

Кавалерийская офицерская школа//Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Мавродин В. В. А. А. Брусилов. М.: Госполитиздат, 1942. 48 с.

Нелипович. Наступление русского Юго-Западного фронта летом – осенью 1916 г.: война на самоистощение?

Офицерская кавалерийская школа. 1910–1911 гг. СПб., 1911

Португальский Р. М., Рунов В. А. Верховные главнокомандующие отечества. М.: Ист-факт, 2001. С. 152–180.

Португальский Р. М., Алексеев П. Д., Рунов В. А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М.: «ЭЛАКОС», 1994. С. 113–158.

Рыжов К. В. Алексей Брусилов//Сто великих россиян. М., 2003. С. 305–310.

Семанов С. Н. Генерал Брусилов. М.: Воениздат, 1986. 318 с.

Соколов Ю. В. Алексей Алексеевич Брусилов//Вопросы истории. 1988. № 11. С. 80–97.

Соколов Ю. В. Красная звезда или крест? Жизнь и судьба генерала Брусилова. М.: Россия молодая, 1994.

notes

Примечания

1

Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1946. С. 33.

Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986.

3

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 35.

4

Военно-исторический вестник. Париж, 1965. № 25. С. 4–5.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 49.

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Галицийская битва. Первый период (до 1 сентября нового стиля). Париж, 1930. С. 5–6.

7

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Галицийская битва. Первый период (до 1 сентября нового стиля). С. 9.

8

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Галицийская битва. Первый период (до 1 сентября нового стиля). С. 12.

Там же. С. 16.

10

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. С. 39.

11

Там же. С. 40.

12

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. С. 45.

13

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 74–75.

14

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 70.

15

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 75.

16

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 37.

17

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Галицийская битва. С. 120–121.

18

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 79.

Головин Н. Н. Указ соч. С. 204.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 80–81.

Семанов С. Н. Генерал Брусилов. М., 1986. С. 116–117.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 88.

23

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 100.

Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 258.

25

ГАРФ, ф.5972, оп. 3. д. 69, л. 366–367.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 119.

27

Дневник императора Николая II. М., 1991. С. 523.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 119–120.

29

ГАРФ, ф.5972, оп. 3. д. 69, л. 228, 353.

30

Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. С. 176.

31

Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. С. 180.

32

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 150.

33

Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. Сборник документов. М.: Воениздат, 1940. С. 111–112.

34

Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. С. 82.

Луцкий прорыв. С. 21–23.

Ветошников Л. В. Операция прорыва на Юго-Западном фронте в 1916 г. Оперативно-стратегический очерк. М.: Академия Генерального штаба РККА, 1939. С. 31.

Ветошников Л. В. Операция прорыва на Юго-Западном фронте в 1916 г. М.: Академия Генерального штаба РККА, 1939. С. 27.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 220.

39

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 221.

40

Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. Сборник документов. М.: Воениздат, 1940, С. 122–123.

41

Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв. М.: Воениздат, 1940. С. 66.

42

Дневник императора Николая II. С. 585–588.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 124.

Ветошников Л. В. Операция прорыва на Юго-Западном фронте в 1916 г. С. 42.

Ветошников Л. В. Операция прорыва на Юго-Западном фронте в 1916 г. С. 51.

Клембовский В. Н. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. С. 273.

47

Ветошников Л. В. Операция прорыва на Юго-Западном фронте в 1916 г. С. 67–68.

Литвинов А. И. Майский прорыв IX армии в 1916 г. Пг., 1923. С. 7, 74–76, 83; Луцкий прорыв. С. 5, 13, 16–18, 26–28; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6. Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года. Сост. А. М. Зайончковский. М., 1923.

Таленский Н. А. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1944. С. 64–65.

50

Начальник штаба Верховного главнокомандующего.

51

Утро России. 1917, 9 августа.

52

Русское слово. 1917, 14 октября.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 266.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 277.

Залесский К. А. Первая мировая война. Правители и военачальники. М.: Вече, 2000. С. 131–132.

Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 174.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 283.

Военно-исторический журнал. № 12, 1989. С. 57.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 284.

Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С. 155–156.

61

Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 292.

Брусиловский прорыв. М.: Воениздат, 1940. Приложение 2. С. 157–160.

63

ЦВИА. Ф. 2003, II, д. 1-104, л. 470–471.

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом.